

Мистический Лондон или фазы окультной жизни в мегаполисе

Чарльз Морис Дэвис

**Mystic London; or, Phases of occult life in
the metropolis**

Charles Maurice Davies

Электронная книга проекта "Гутенберг" о мистическом Лондоне, или Этапы оккультной жизни в мегаполисе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мистический Лондон, или Фазы оккультной жизни в мегаполисе

Автор: Чарльз Морис Дэвис

Дата выхода: 27 мая 2008 г. [Электронная книга № 25619]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Кертисом Вейантом и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных цифровой библиотекой отдела сохранения университета Кейс Вестерн Резерв)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МИСТИЧЕСКИЙ ЛОНДОН, ИЛИ
ФАЗЫ ОККУЛЬТНОЙ ЖИЗНИ В МЕГАПОЛИСЕ" ***

Примечание переписчика:

В этом тексте были исправлены очевидные типографские ошибки. Полный список, пожалуйста, смотрите [внизу этого документа](#).

МИСТИЧЕСКИЙ ЛОНДОН: ИЛИ ЭТАПЫ ОККУЛЬТНОЙ ЖИЗНИ В МЕГАПОЛИСЕ.

ОТ ПРЕПОДОБНОГО. ЧАРЛЬЗ МОРИС ДЭВИС, доктор медицинских наук

АВТОР КНИГ "ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ" И "НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ЛОНДОН" И ДР.

- На небе и на земле есть больше вещей, Горацио,
Чем может присниться твоей философии.

Гамлет.

ЛОНДОН:

БРАТЪЯ ТИНСЛИ, КЭТРИН-СТРИТ, 8, СТРЭНД.

1875.

[Все права на перевод и воспроизведение защищены.]

ЛОНДОН:
СЭВИЛЛ, ЭДВАРДС И КОМПАНИЯ, ТИПОГРАФИЯ, ЧАНДОС-СТРИТ,
КОВЕНТ-ГАРДЕН.

Содержание.

глава	страница
I. Лондонские арабы	1
II. Арабы Восточного Лондона	11
III. Лондонские арабы в Канаде	21
IV. Беспризорники и бродячие собаки	29
Против Бала сумасшедших	38
VI. Детское шоу	51
VII. Ночь в пекарне	58
VIII. Лондонский рынок рабов	67
IX. Чай и впечатления	73
X. Воскресное пение коноплянки	85
XI. Дебаты о правах женщин	92
XII. Собрание Тичборнов под открытым небом	100
XIII. Воскресенье в Народном саду	108
XIV. С участием юных леди	116
XV. Ярмарочная пятница	122
XVI. Рождественский ужин	129
XVII. День подарков на улицах	134
XVIII. Бдение перед Дерби	141
XIX. "Дом женоубийцы"	150
XX. Купание на Дальнем Востоке	157
XXI. Среди квакеров	164
XXII. Показания Пенни	172
XXIII. Дарвинизм о дьяволе	179
XXIV. Станные люди	198
XXV. Интервью с астрологом	204
XXVI. Шоу барменш	212
XXVII. Частная казнь	217
XXVIII. Расставание на праздники	224

XXIX.	Дамы-психологи	228
XXX.	Секуляризм по Баньяну	233
XXXI.	Неверность на свежем воздухе	242
XXXII.	"Неописуемый феномен"	250
XXXIII.	Женщина-гипнотизер	260
XXXIV.	Психиатрическое учреждение	269
XXXV.	Френологический вечер	277
XXXVI.	Духовный пикник	284
XXXVII.	Призрачная конференция	290
XXXVIII.	Вечерний Diablerie	300
XXXIX.	Духовные атлеты	307
XL.	"Выявляющие" Духов Медиумы	313
XLI.	Сеанс для скептиков	320
XLII.	Вечер с Высшими Духами	328
XLIII.	Духовные формы	340
XLIV.	Беседа с Сивиллой	347
XLV.	Спиритуалисты и фокусники	355
XLVI.	Плюсы и минусы спиритизма	362

Введение.

Пожалуй, едва ли нужно говорить, что я использую термин "Мистический" применительно к большей части этого тома в его техническом значении для обозначения моего собственного *посвящения* в некоторые из наиболее оккультных фаз столичного существования. Это слово применимо в его обычном значении только к спиритуалистической, или заключительной части моей работы.

C. M. D.

МИСТИЧЕСКИЙ ЛОНДОН.

ГЛАВА I.

ЛОНДОНСКИЕ АРАБЫ.

Из всех многообразных форм страдания, которые встречаются нам в лоне этой "лондонской мачехи с каменным сердцем", ни одна не вызывает у нас такого непосредственного сочувствия, как зрелище обездоленного ребенка. В случае взрослого мужчины или женщины печаль и страдание часто объясняются недостатками или, в лучшем случае, несчастьями самих

страдальцев; но в случае ребенка они в основном, если не всегда, заместительны. По вине, или дезертирству, или смерти естественных защитников, на пустынные наши улицы выходят те кочевые орды бедуинов, мужчин и женщин, чье присутствие становится особенно ощутимым именно сейчас, и возвращение которых является сложной, но все еще вселяющей надежду проблемой. В случае со взрослым арабом предстоит завершить дело всей жизни, и осознание этого факта заставляет некоторых из наших самых храбрых работников в отчаянии опускать руки. С этими молодыми арабами, напротив, исправить можно только неправильное предубеждение нескольких ранних лет, оставляя карт-бланш на любые надежды в юности, зрелости и старости. Желая составить себе в назидание некоторое представление о масштабах существующего зла и усилиях, предпринимаемых для противодействия ему, я запланировал паломничество в эту адскую Аравию — эту Петрею лондонских плитняков; и намереваюсь изложить здесь вкратце некоторые из моих впечатлений для сведения путешественников, остающихся дома, и еще больше для того, чтобы указать тем, кто может быть расположен помочь в работе по спасению этих маленьких арабов, надлежащие каналы для их благодеяния. Выбрав, таким образом, Севен Дайалз и Бетнал Грин в качестве центров моего наблюдения в Западном и Восточном Лондоне соответственно, я отправился в первый из них одной унылой мартовской ночью и, чтобы начать работу, обратился к первому полицейскому констеблю, которого встретил на этом нежелательном участке, за информацией относительно моего курса. После одной или двух неудач я встретился с офицером, буквально "активным и умным", который провел меня по нескольким улицам, окружающим Севен Дайалз, предоставив меня самому себе, после того как он дал мне общее представление о районе, который было бы желательно посетить.

Мой первый налет был совершен на Обшарпанную школу и столовую на Чарльз-стрит, Друри-Лейн, зловещий и непривлекательный район; но учреждение, о котором идет речь, находится так близко к главной улице, что самые привередливые могут посетить его с легкостью. Здесь я обнаружил около двадцати арабов, собравшихся в вечернюю школу. Они были всех возрастов, от семи до пятнадцати, и их одежда была в обратном соотношении к грязи — очень мало первой и очень много второй. Они передвигались босиком самым кошачьим образом, как настоящие бедуины. Однако они были там, на засаленных грифельных досках и грязных тетрадах, в процессе цивилизации. Мастер сообщил мне, что его особые трудности возникли из-за аттракционов театра и случайного вторжения диких арабов, которые приходили только для того, чтобы устроить скандал. В восемь часов мальчиков должны были угостить репетицией духового оркестра, поэтому, узнав от одного из собравшихся арабов, что на Кинг-стрит, в Лонг-Акре, есть второе подобное заведение, я перешел к нему. Здесь мне посчастливилось найти главного гения в лице молодого человека, днем занятого бизнесом, а дополнительное время посвящающего работе по цивилизовыванию варваров этого района. Воскресные и будние службы, вечерние и дневные школы, Группы надежды, собрания сторонников трезвости и, что не менее важно, благотворительная столовая - вот средства, которыми здесь пользовались. Ни одному офицеру не платят. Задача выполнена "все ради любви, и ничего ради вознаграждения", и дело зашло так далеко, что мое присутствие прервало спор между вышеупомянутым джентльменом и одним из его помощников по поводу приобретения более просторного помещения. Расходы покрывались за счет еженедельных пожертвований, и я был удивлен, увидев по объявлению, вывешенному в помещении, где проводятся воскресные службы, что общая сумма за прошлую неделю составила всего 19с. 4дня. Таким образом, для продолжения этой замечательной работы необходимо значительно пожертвовать чем-то большим, чем

просто временем. Под руководством второго упомянутого выше джентльмена я отправился в приют Святого Георгия и Святого Джайлса на Грейт-Куин-стрит, куда мальчиков принимают по их собственному заявлению, единственным условием для этого является нуждаемость. Здесь их размещают, одевают, обеспечивают питанием и обучают таким профессиям, к которым они могут быть приспособлены, и не упускают из виду до тех пор, пока они не окажутся в нужной ситуации. Сто пятьдесят четыре - таково было число этого поистине чудесного жителя великого океана лондонских улиц, которого я видел уютно устроившимся в одной просторной спальне. Внизу были инструменты и продукты дневной работы, десятки миниатюрных сапожных приспособлений, станки для распиливания и колки дров и т.д., В то время как в просторной трапезной на втором этаже, как мне сообщили, местные арабы оказывали в пятницу свое обычное гостеприимство другим племенам до такой степени, что группа насчитывала около 500 человек. Помимо 154 человек, которым посчастливилось заполучить постели, было двадцать вновь прибывших, которых пришлось разместить на ночь на полу; но, во всяком случае, у них была крыша над головой, и они были защищены от жестокого восточного ветра, который сделал Аравию Петра в тот вечер действительно нежелательным местом отдыха. Когда я уходил, свет был погашен, а двери закрыты, поскольку это не ночлежка; но, как мне сообщили, в различных палатах для случайных посетителей и временных убежищах вывешены объявления, направляющие мальчиков именно к этому. На Брод-стрит есть родственное заведение для девочек. Таково было мое первое знакомство с западной частью Аравии в Феликсе.

В следующее воскресенье я посетил миссионерский зал, принадлежащий часовне Блумсбери на Мур-стрит, Сохо, под руководством мистера Мак-Кри, и характер работы там во многом такой же, как на Кинг-стрит. В этот особый день одиннадцатичасовое богослужение было посвящено детям, которые собрались в большом количестве, пели свои веселые гимны и слушали краткую, практичную и поучительную речь. Эти дети, однако, были классом выше арабского типа и, как правило, были хорошо одеты. Оттуда я перешел в тогдашнюю часовню мистера Брока, где нашел своих настоящих арабов, которых я видел в постели накануне вечером, одетыми в приличный костюм "скромной ливреи" и взгромоздившимися на высокую галерею, чтобы понять то, что они могли понять из речи мистера Брока — не очень много, я бы предположил; поскольку длинные латинизированные слова этого джентльмена, несомненно, пролетели бы далеко над их головами, как бы высоко ни было их положение. Я обнаружил, что весь контингент детей, находящихся на попечении в приюте, составлял 400 человек, включая тех, кто находился на борту учебного судна "*Чичестер*" и на ферме в Бисли, недалеко от Уокинга, графство Суррей. Это, безусловно, наиболее полный способ борьбы с арабами по преимуществу, поскольку он рассматривает случай крайней нищеты и бездомности. Однако едва ли нужно говорить, что такая работа должна сильно расширить свои границы, чтобы произвести сколько-нибудь заметное впечатление на огромное количество людей, находящихся в такой нужде. Здесь, тем не менее, есть зародыш, и он уже наиболее успешно плодоносит. Другие учреждения, работающие с большими массами детей, стремятся цивилизовать их дома и, таким образом, превратить каждый дом в центр влияния.

Вернувшись снова в миссионерский зал на Кинг-стрит, я обнаружил там группу из пятидесяти миссионеров, мужчин и женщин, которые каждое воскресенье после обеда посещают кухни различных жилых домов вокруг Севен Дайалз. Таким образом, каждую неделю мы посещаем шестьсот кухонь. После переклички и краткого обращения мы отправились в путь, я сам сопровождал мистера Хаттона — молодого человека, которому принадлежит заслуга в создании Миссии, — и еще одного из его миссионеров. Я много слышал о кухнях Сент-Джайлса,

но не имел ни малейшего представления о человеческих существах, десятками кишаших в этих подземных районах. Если бы не тот факт, что почти все мужчины курили, атмосфера была бы невыносимой. В большинстве кухонь они скрашивали воскресную скуку за картами, но при нашем появлении игра неизменно приостанавливалась. Кое—кто снял шляпы — ибо они были на всех, - а еще меньшее число людей присоединилось к одному-двум стихам гимна и выслушало отрывок из Священного Писания и несколько слов наставления. Один или двое казались заинтересованными, другие сардонически улыбались; большинство хранило упорное молчание. Некоторые читали свои статьи и отказывались от предложенных им трактатов и публикаций. Как я выяснил, это были католики. Меня заверили, что там было много людей, которые сами или чьи друзья занимали высокие посты. Я был сильно поражен речью одного коротко стриженного молодого человека лет семнадцати-восемнадцати, который, увидев, что я пробираюсь ощупью, сказал: "Здесь не слишком щедро расходуют бензин, сэр, не так ли?" Может показаться, что этот "опыт" имеет мало отношения к арабским мальчикам; но на самом деле некоторые из обитателей этих кухонь *были* всего лишь мальчиками. Те, которые мы посетили, находились на задворках старого "Лежбища", и за эти притоны, как мне сообщили, мужчины платили по четыре пенса за ночь! Несомненно, немного денег, вложенных в приличное жилье для таких людей, было бы потрачено с пользой и даже прибылью. Кухни, добавил мой информатор, который провел среди них много лет, обычно являются поворотной точкой между честностью и преступлением. Уволенный солдат или механик, оставшийся без работы, попадает туда вместе с профессиональным вором или взломщиком, осваивает его ремесло и привыкает к его жизни.

Следующий вечер я посвятила прежде всего Приюту для девочек по адресу: Брод-стрит, 19, Сент-Джайлс. Здесь были шестьдесят две девочки того же класса, что и мальчики с Грейт-Куин-стрит, которые остаются до тех пор, пока им не будут предоставлены места в качестве домашней прислуги. Такое же количество было в Доме престарелых в Илинге. Само заведение представляет собой образец опрятности и порядка. Я зашел совершенно неожиданно; и любой посетитель, которого можно будет побудить последовать моему примеру, не преминет быть пораженным счастливым, "домашним" видом всего, чистой, жизнерадостной внешностью арабов, а также вежливостью и добротой матроны. Считается, что эти девочки принадлежат к приходу Святого Джайлса, а мальчики - к часовне Блумсбери. До сих пор хорошая работа была проделана раскольниками и евангелической партией в Существующей Церкви. Сфера деятельности Высшей Церкви, как мне напомнил сержант—суперинтендант, - это Приют на Ньюпорт-Маркет и промышленные школы. Здесь, помимо приютов для мужчин и женщин, есть Дом для обездоленных мальчиков, которые размещаются и обучаются по тому же плану, что и в Сент-Джайлз. Их жилище даже более уютно, чем в другом, и могло бы почти соблазнить мальчика сыграть роль "араба-любителя". Я могу только сказать, что игры, которая происходила перед тем, как лечь спать, в большой крытой игровой комнате, с босыми ногами и в рубашках без рукавов, было достаточно, чтобы вызвать зависть любого члена "Истеблишмента" доктора Блимбера. Заведение только что получило неожиданный доход в виде одной из тех приятных *1000 фунтов стерлингов*. чеки, которые поступали в последнее время, иначе их ресурсы были бы ограничены; но менеджеры мудро понимают, что такие неожиданные поступления приходят не каждый день, и поэтому воздерживаются от расширения своих границ, как они могли бы пожелать.

Как ни странно, римские католики, которые обычно превосходят нас в своей работе среди бедных, казались немного отстающими в этом особом деле расселения арабов. У них есть

школы, которые в основном посещаются на Тюдор-Плейс, Тоттенхэм-Корт-роуд, Уайт-Лайон-стрит, Севен-Дайалз и т. Д., Но, насколько я мог установить, ничего местного, похожего на Убежище. Распространять веру может быть очень хорошо, и это будет всего лишь естественным импульсом человека, искреннего в своей вере; но мы не должны забывать, что у этих арабов есть тела, так же как и души, и что эти тела были так постыдно унижены и ими пренебрегали, что они увлекли за собой высшие энергии вниз; и это большой вопрос, не является ли абсолютно необходимым начинать сначала с самого низшего плана и таким образом стремиться к высшему. С помощью тела и ума мы можем, наконец, достичь высшей сферы из всех возможных.

Ни на минуту не желая останавливаться на "религиозном" элементе, я повторяю, что возникает серьезный вопрос, не действует ли иногда преждевременное введение этого элемента как сдерживающий фактор и не подрывает ли добро, которое могло бы быть сделано в противном случае. Тем не менее, есть великий факт, что *is* делается добро. Было бы напрасно придирается к каким-либо средствам, когда цель так безупречно хороша. Я ничего не мог поделать, переходя в тот воскресный день из убогой кухни в кухню, чувствуя, как в моей голове звучат слова Лира: —

О, я никогда не
Слишком мало заботился об этом. Прими лекарство, помпа,
Покажи себя, чтобы почувствовать то, что чувствуют несчастные,
Чтобы ты мог стряхнуть с них сверхпоток
И показать небесам, что они более справедливы.

А теперь "эй, на восток!" для "впечатлений" в Бетнал-Грин.

ГЛАВА II.

АРАБЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО ЛОНДОНА.

Несмотря на мой предыдущий опыт общения с западными племенами бедуинов, местом обитания которых является пустыня Севен Дайалс, я должен признаться, что впервые попал в дикую местность Бетнал-Грин со значительными странностями. Для меня это была не только совершенно *terra incognita*, но и, при их многочисленных общих чертах, нужда и убожество Востока имеют черты, отличные от западных. У меня было только название одного прихода Бетнал—Грин и одной леди — мисс Макферсон, - и с этими скудными данными я приступил к своей работе, результаты которой я снова последовательно фиксирую.

Выйдя со станции "Мургейт-стрит", я направился к конечной станции "Восточные округа" в Шордиче и вскоре после ее прохождения свернул направо, на Бетнал-Грин-роуд. Здесь, среди всепроникающей атмосферы любителей птиц и продавцов живых домашних животных в целом, я нашел Миссионерский зал, принадлежащий не знаю какой конфессии, и с помощью энергичного полицейского бил ногами — при отсутствии молотка или колокольчика - во все двери, но безрезультатно. Там никого не было. Я отправился в приход Бетнал-Грин, который был назван мне курортом кочевых племен, и обнаружил, что священник отсутствовал в стране

неделю или около того, а читатель Священных Писаний боялся в его отсутствие давать много информации. Однако он решился, чтобы показать меня в ремесленное училище, где около сорока детей были заняты в спичечных коробках для Господа. Брайант и Мэй. Однако, поскольку мне сказали, что рассматриваемый чиновник очень решительно возражал против приютов и школ для оборванцев и считал, что для бедных гораздо лучше настаивать на своем и отправлять своих малышей в школу, я почувствовал, что вряд ли такой режим подходил моим арабским друзьям, которых, очевидно, было множество в этой местности. Я даже возвращался домой с целью получить дальнейшие географические сведения об этой Восточной Аравийской Петрее, когда в качестве последнего средства меня направили в убежище на Коммершиал-стрит. Я позвонил сюда и оказался в присутствии самой настоящей мисс Макферсон, с которой провел два приятных и поучительных часа.

Вначале мисс Макферсон скорее возражала против того, чтобы стать предметом статьи — прежде всего, по вполне понятной причине, что такая огласка привлекла бы к ней множество посетителей; а когда я предположил, что посетители, вероятно, означают денежные средства, она добавила второе, мне совсем понятное возражение — что сами эти средства могут нарушить элемент Веры, с которым так долго велась работа. Она полностью впитала дух Мюллера, чей Дом в Бристоле, по общему признанию, был результатом одной только Веры и Молитвы. Однако, взяв с меня обещание публиковать только те сведения — имя, местность и т.д., — которые она могла бы одобрить, эта леди рассказала мне подробности своей поистине замечательной работы. Здание, в котором я нашел ее, было возведено для использования в качестве больших складов, и здесь 110 самых настоящих арабов были размещены, накормлены, обучены и обращены в христиан, когда это было возможно. Если они окажутся впечатлительными, мисс Макферсон подумает об их эмиграции в Канаду. Многих уже выслали; и ее идея состояла в том, чтобы расширить свои операции в этом отношении: не перебрасывать сотни отбросов лондонского Ист—Энда в Канаду - действие, против которого канадцы, вполне естественно, возразили бы, — а создать Дом на той стороне, чтобы его кормили из Домов на этой, и таким образом удалить со старых сцен порока и искушения тех, кто ранее проходил обучение в здешних убежищах. Она подумывает о том, чтобы приобрести большой отель в Канаде и преобразовать его в заведение подобного рода; и я полагаю, что именно возможность того, что публичность могла бы способствовать этому более масштабному плану, в конечном итоге побудила добрую леди сообщить миру, чем она занимается. Во всяком случае, она дала мне карт-бланш на публикацию результатов моих наблюдений.

Отбирая обитателей своих убежищ и общаясь с ними, мисс Макферсон пользуется наукой френологией, в которую она верит, и у нее есть для этого веские основания. Я предполагаю, что мое френологическое развитие, должно быть, было удовлетворительным, поскольку она не только отказалась от своего возражения против публичности, но даже позволила мне унести с собой ее рукопись "записные книжки случаев", из которой я отбираю одну или две из нескольких сотен:

"1. Т. С., десяти лет (5 марта 1869 г.). Сирота. Мать умерла в работном доме Святого Георгия. Отец погиб, соприкоснувшись с больной овцой, будучи забойщиком скота. Продавец коробок на улице. Последний раз спал в постели перед Рождеством. Спал в телегах с сеном, под брезентом. Повторяет молитвы, которым "научила его мать".

"2. Дж. Х., двенадцати лет (5 марта).— Дома нет, только улица. Отец погиб из-за ремня от двигателя, будучи инженером. Мать умерла от разрыва сердца. Попал в работный дом; но сбежал из-за жестокого обращения в декабре прошлого года. Спал в руинах возле железной дороги восточных округов. *Не может вспомнить*, когда он в последний раз лежал в постели.

"3. А. Р., одиннадцать лет (5 марта). — Мать и отец оставили его и двух братьев в пустой комнате на Эйч-стрит. Полицейский, услышав их плач, взломал дверь и отвел их в работный дом. Двое его братьев умерли. Его забрала из работного дома бабушка, и она, не в силах содержать его, выгнала его на улицу. Ночевал в развалинах железной дороги; жил попрошайничеством. 24 июля отправлен в Дом № 1 в награду за хорошее поведение".

Помимо спасения сотен бездомных, мисс Макферсон во многих случаях помогала вернуть сбежавших детей уважаемым родителям. Вот пример:—

"25 февраля. — С. В. Т., четырнадцать лет, был взят в Приют одним из ночных учителей, который заметил его в прилично одетом ночном доме. Добрался пешком до Лондона из N ... в компании двух матросов (людей с сомнительной репутацией, которых хозяин гостиницы отказался принять). Читал сенсационные книги. Написал по адресу N Отец телеграфировал, чтобы он остался. Дядя приехал за ним со свежей одеждой и забрал его домой. Он начал закладывать свою одежду для ночлега. Его отец в течение двух недель поддерживал связь с полицией".

Все констебли по соседству знают Убежище мисс Макферсон и ее готовность приютить мальчиков в любое время; так что многие маленькие бродяги попадают туда и исправляются, вместо того чтобы быть запертыми и отправленными в тюрьму, где их положение становится все хуже и хуже. Помимо этого приюта для мальчиков, у мисс Макферсон есть еще Дом в Хакни, где живут девочки из того же класса. План, который она принимает, состоит в том, чтобы нанять подругу, которая будет отвечать за одного ребенка. Стоимость, по ее расчетам, составляет 6*л. 10 фунтов стерлингов* в год для лиц моложе десяти лет и 10*фунтов* для лиц старше.

Но добрые дела этой замечательной леди еще ни в коем случае не занесены в каталог. Помимо того, что детей кормят и обучают в этих Домах, родители и дети постоянно собираются в Приюте на уроки шитья, чаепития и т.д. Более 400 детей подвергаются такому влиянию; и мисс Макферсон со своими помощницами систематически посещает убогие притоны и ночлежки, в которые не осмелился бы ступить ни один хорошо одетый человек, если только он не пользуется такой же положительной репутацией, как она, за ее работу с детьми. Я также присутствовал при том, как от трехсот до четырехсот человек, в основном безработных докеров, получили сытный обед из превосходного супа и большой ломоть хлеба. Трогательно было наблюдать флегматичную апатию, изображенную на большинстве лиц, которая неприятно смахивала на отчаяние. Один из матросов заверил меня, что на каждый груз, который нужно было выгрузить из доков, приходилось десять пар рук, готовых выполнить эту работу там, где могла быть занята только одна. Многие из мужчин, уверял он меня, обходились без еды по два, иногда три дня; и для подавляющего большинства собравшихся еда, которую они тогда принимали, представляла собой все их пропитание на двадцать четыре часа. После ужина был спет гимн и мисс Макферсон сказала им несколько слов об аллегории Птиц и Цветов из Нагорной проповеди; и так они отправились в темную Аравию Петра. Я поднялся в спальню для маленьких мальчиков, где самые крошечные из всех арабов наслаждались роскошью игры босиком, прежде чем лечь спать. Мисс Макферсон стащила матрас с одной из кроватей и бросила его

посередине, чтобы они кувыркались кубарем; и, как она верно сказала, в этих веселых криках и счастливых лицах было трудно узнать останки самых отъявленных негодяев лондонских улиц.

Давайте послушаем, что скажет сама мисс Макферсон. В опубликованной брошюре "Наши погибающие малыши" она говорит: "Что касается нынешнего состояния миссии, мы просто говорим: "Приходите и смотрите". Словами невозможно передать массу из 120 000 драгоценных душ, которые живут на этой одной квадратной миле.... Мое страстное желание состоит в том, чтобы, как только тронется лед, отправить 500 наших бедных беспризорников, беспризорниц и бездомных животных, которых мы собрали, добросердечным канадским фермерам. А пока, кто поможет нам сшить наряды и собрать 5л. для каждого маленького араба, чтобы не было никаких препятствий для пополнения состава, когда наступит весенняя пора?... Женщины— домохозяйки могут оказать нам большую помощь в воспитании у этих бездомных странников навыков трудолюбия, отправив заказы на их дрова-4с. за сотню свертков, бесплатно отправленных за восемь миль от Города. И, опять же, в книге мисс Макферсон "Маленькие свахи" она говорит: "В этом деле веры и любви среди самых низших слоев населения нашей любимой страны давайте двигаться вперед, стремясь к великим свершениям. Предотвращение греха и преступности - это гораздо более важная работа, чем их лечение. На моем сердце все еще много дел, требующих дополнительных затрат. По мере их поступления мы будем двигаться вперед".

Девиз мисс Макферсон гласит: "Сначала слово, а потом хлеб для этого тела". Есть некоторые из нас, которые были бы склонны обратить этот процесс вспять — накормить тело и воспитать разум, — не пренебрегая полностью духовной культурой, даже на самой ранней стадии, но оставляя что-то вроде определенного религиозного образования до тех пор, пока бедные ум и тело не будут, так сказать, акклиматизированы. Конечно, гораздо легче сидеть спокойно, теоретизировать и критиковать, чем делать то, что эти замечательные люди делали и делают, чтобы уменьшить это гигантское зло. "По плодам их вы узнаете их" - это критерий, основанный на авторитете, который никто из нас не склонен оспаривать. Мисс Макферсон хвастается — и это очень подходящий повод для хвастовства, — что она не принадлежит ни к какомуизму. Важно, однако, что Приют носит или носил название Приюта "Возрождение", а газета, в которой содержались самые ранние отчеты о его работе, называлась "Возрожденец", хотя теперь она получила более широкое название "христианин". Среди такой реальной работы было бы жаль иметь видимость нереальности, и я боялся думать о возможности ее существования, когда мальчики протягивали маленькие грязные ручки, вызываясь произнести текст в мою пользу. Безусловно, самой любимой была "Иисус плакал"; затем шли "Бог есть любовь" — каждая из них наиболее подходила; но смывленный мальчик, на несколько лет старше, заслужил одобрение более длинной и доктринальной цитатой, в то время как некоторые из них снова протянули руки, когда их спросили, почувствовали ли они в течение дня действенность текста, прочитанного предыдущим вечером: "Поставь стражу, Господи, перед устами Моими; сохрани дверь уст моих". Такой опыт был бы признаком продвинутой духовности взрослого человека. Не великодушно ли спрашивать, не должно ли его проявление у арабского ребенка быть предвкушением того, что могло бы стать нормальным результатом нескольких лет обучения? Не может ли такое *принуждение* объяснить случаи, которые, как я видел, цитируются в книгах — об одном мальчике, который "чувствовал себя как рыба, вытащенная из воды, и ушел в тот же день по собственному желанию"; о другом, который "вылез из окна третьего этажа и сбежал"?

Однако здесь проделана хорошая работа. Давайте не будем придирааться к деталям, а продолжим, если только сами не сможем добиться большего. Одна вещь была в высшей степени навязана мне во время этого краткого изучения наших лондонских арабов, а именно, что отдельные люди работают лучше, чем сообщества среди этих людей. Работа, выполняемая крупными учреждениями, будь то в Англии, Риме или протестантском инакомыслии, незначительна по сравнению с работой, выполняемой такими трудящимися, как мистер Хаттон в Севен Дайалз и мисс Макферсон в Уайтчепеле, не стесненными какой-либо конкретной системой. Нужда, горе и страдание индивидуальны и требуют индивидуальной заботы, точно так же, как Учитель древности работал Сам и посылал Своих миссионеров, не имевших средств к существованию, поодиночке трудиться для Него, как — какими бы несоизмеримыми они ни были — они все еще трудятся на Востоке и Западе, среди наших лондонских арабов.

ГЛАВА III.

ЛОНДОНСКИЕ АРАБЫ В КАНАДЕ.

В предыдущей главе рассказывалось об арабах, населяющих эту замечательную "квадратную милю" в Восточном Лондоне, которая с тех пор стала такой привычной в устах людей. Были довольно подробно описаны усилия мисс Макферсон по возвращению этих беспризорников в ее "Убежище и Дом индустрии, Коммершиал-стрит, Спиталфилдс", и в то же время был сделан намек на взгляды, которых эта леди придерживалась относительно вывоза этих арабов в Канаду после того, как они должны были пройти предварительное испытательное обучение в "Доме". Вскоре после этого мне выпала приятная обязанность стать свидетелем отъезда сотни этих молодых людей со станции Сент—Панкрас, направлявшихся в Канаду; и теперь мне кажется, что некоторый отчет об этом путешествии в форме выдержек из писем преданных дам, которые сами сопровождали наших арабов через Атлантику, может оказаться интересным; в то же время подсчет их вероятного успеха в их новой жизни и домах, возможно, побудит тех, кто не может уделить этому времени, по крайней мере, свое одобрение, а может быть, и материальную помощь, к осуществлению плана который заслуживает всех наших симпатий - постоянного восстановления маленьких бездомных бродяг на наших лондонских улицах.

Странный старый беспорядочный "Дом" на Коммершиал-стрит, построенный первоначально для складов, затем используемый как холерный госпиталь, а ныне Арабское убежище, имел странный вид в течение недели перед отъездом избранной сотни. На первом этаже находились вещи юных пассажиров; на втором - "новая одежда, рубашки и чулки, присланные добрыми подругами со всех концов королевства, брюки и жилеты, сшитые вдовами, а ботинки и пилотские куртки - самими мальчиками". Спальня представляла собой огромную кладовую для сумок всех мальчиков, набитых вещами, необходимыми на борту корабля; и мы легко можем себе представить, что на верхнем этаже последний день был особенно меланхоличным. Работа по приготовлению последнего ужина для мальчиков в Приюте была закончена, и там, в длинной узкой кухне, стояла кухарка, вытирая слезы передником, а вокруг них шесть маленьких служанок, испытывая непривычное чувство, что им нечего делать — там, где столько нарезки, намазывания масла и мытья посуды было обычным делом дня. Когда пришла повестка в суд, полиции было очень трудно расчистить мальчикам путь к фургонам через растущую массу

бедняков Восточного Лондона. Некоторые из маленьких изготовителей спичечных коробков пробежали все три мили от Коммершиал-стрит до вокзала Сент-Панкрас, чтобы в последний раз увидеть своих друзей-мальчиков.

Дерби было остановкой на пути в Ливерпуль, и внимание пассажиров и охранников привлекла эта странная компания, собравшаяся на платформе в полночь и распевавшая два любимых гимна Убежища. До Ливерпуля добрались в 4 часа утра, и мальчики по четверо, с брезентовыми сумками за плечами, направились к берегу реки, где их изумленные глаза увидели перуанца, который должен был доставить их в их новые дома.

В этот момент сестра мисс Макферсон, которая продолжает работу Приюта во время отсутствия этой леди, написала следующее: "Если бы наши друзья—христиане видели радость, которая сияла на лицах тех сотен мальчиков, с которыми мы только что расстались, если бы они знали о страданиях, об ужасной пропасти преступлений и греха, из которой они были вырваны, — мы уверены, что их сердца преисполнились бы любви к этим малышам. Если все еще будет поддерживаться, - продолжает она, - я надеюсь отправить еще одну группу из пятидесяти мальчиков и пятидесяти девочек, пока моя сестра остается в Канаде, и буду счастлива переслать имя и историю мальчика или девочки любому доброму другу, желающему позаботиться об особом случае. На широких полях этой новой страны, где фермеры только рады принять в свои семьи здоровых мальчиков или девочек, сотни наших погибающих малышей могут обрести счастливый дом".

В четверг, 12 мая, перуанка спустилась вниз по реке; и когда последняя группа друзей покинула ее, когда она уплыла в Канал, эти сто мальчиков вместе с мисс Макферсон перегнулись через фальшборт и запели гимн "Да, мы расстаемся, но не навсегда".

Из Дерри мисс Макферсон писала под датой 13 мая: "За исключением двоих, все сейчас на палубе, веселые, как жаворонки; они вынесли наверх бедного Джека Фроста и Фрэнкса бегуна. Очень трогательно видеть, как они заворачивают их в свои пледы. Майкл Флинн, чистильщик обуви в Шордиче, не спал всю ночь, ухаживая за больными мальчиками. Бедный Майк! Мы с ним обменивались кивками на перекрестке железной дороги Восточных округов вот уже пять лет. Для меня большая радость дать ему такой шанс на всю жизнь".

Отплытие было достаточно благополучным, хотя дули встречные ветры и ребята сильно страдали от морской болезни. Капитан, похоже, был совершенно покорен самоотверженной добротой дам, и он облегчил их руки, предоставив занятие мальчикам. Затем стали известны результаты тренировок в Приюте. Те, кто пробыл там некоторое время, показали себя дисциплинированными, но опоздавшие были более капризными, и ими было трудно управлять. Это были парни, "на которых, - как говорит мисс Макферсон, - уличная жизнь оставила болезненные следы". Даже когда эта неукротимая духом леди только приближается к американскому побережью, она планирует вторую экспедицию. "Насколько я осмеливаюсь строить планы, я хотел бы вернуться, начиная с Монреаля 16 июля, добравшись до дома 27 июля; а затем вернуться с другой партией на второй неделе августа. Эта вторая группа, должно быть, парни, которые сейчас находятся под влиянием и которые провели в убежище не менее шести месяцев". В финале этого второго письма, написанного из Канады, добавляется: "Мальчики, по-мужски, вели себя великолепно. Сердце агента завоевано. Все они поправились за время путешествия, и многие из них - смуглые, крепкие на вид парни, способные к любому труду".

В "Монреаль Геральд" от 27 мая есть отчет об этих мальчиках после их прибытия, в котором говорится: "Мисс Макферсон, очевидно, леди, чьи организаторские способности и командование находятся на самом высоком уровне; поскольку мальчиками в большинстве случаев управлять не так-то легко, но в ее руках они были послушны, как рота солдат.... Эти мальчики быстро займут должности, где они вырастут уважаемыми и уважаемыми членами общества, которым будет открыт свободный доступ к самым высоким должностям в стране.... Мы надеемся, что мисс Макферсон обеспечит выгодное положение всем своим мальчикам и приведет к нам еще многих. Она является благодетелем Империи в обоих полушариях".

Важность этого свидетельства трудно переоценить, поскольку многие люди держатся в стороне от работы такого рода, чувствуя, что несправедливо призывать наше арабское население в колонию. Однако, как видно, не предлагается вывозить этих мальчиков до тех пор, пока они не окажутся под сильным влиянием и, таким образом, не избавятся от того, что мисс Макферсон так образно называет "болезненными следами их уличной жизни".

В связи с этой темой, возможно, будет уместно процитировать сообщение, полученное от сэра Джона Янга, генерал-губернатора Канады, датированное Оттавой 3 мая 1870 года: "Для эмигрантов, способных и желающих работать, Канада предлагает в настоящее время очень хорошие перспективы. Спрос на сельскохозяйственных рабочих в Онтарио в текущем году оценивается от 30 000 до 40 000 человек; и трудолюбивый человек может рассчитывать зарабатывать около одного доллара в день в течение всего года, если он готов приложить свои силы к расчистке земли, молотье и т. Д. В течение зимы. Но эмигрантам бесполезно приезжать сюда, если они не решат устроиться на любую работу, которая предлагается наиболее легко, не создавая трудностей, потому что это не то, к чему они привыкли или что они предпочитают".

Через несколько дней я посетил Убежище и Обитель Промышленности и, хотя мисс Макферсон отсутствовала, нашел все в рабочем состоянии. Тогда в нем проживало шестьдесят три мальчика. Суперинтендант с нетерпением ждал возможности осуществить план отправки пятидесяти мальчиков и пятидесяти девочек в течение следующего лета. Сумма, необходимая для рассмотрения дела в Ист-Энде, составляет 5л.; для особого дела - 10л. Ниже приведены примеры примерно шестидесяти случаев заболевания мальчиков, которых она хотела бы отправить куда—нибудь, зная, что в Канаде они могли бы легко получить места:-

П. Э., семнадцать лет.—Мать умерла от лихорадки, оставив семерых детей; отец - рабочий в порту, но не может получить полную занятость.

Эл Джей, тринадцати лет. Мать умерла; не знает, где ее отец; зарабатывала на жизнь пением песен в меблированных комнатах; ей стало намного лучше от пребывания Дома, и из нее получится опрятная маленькая горничная. Это всего лишь один из многих, кто таким образом мог бы быть спасен от жизни, полной греха и страданий.

Возвращаясь тем вечером домой по убогим улочкам, где скваттеры продавали старую обувь, которую, казалось, едва ли стоило доставать из конуры, и одежду, не заслуживавшую внимания торговца тряпьем, я увидел маленьких бедуинов по-прежнему в полном составе, как будто для их восстановления и приюта не прилагалось никаких усилий. Когда они толпились на порогах, ютились в водосточных канавах или выставляли ящики с фонарями и просили чести начистить "ваши ботинки, сэр", я невольно представлял себе, как они под добрым покровительством

пересекают море в "лучшую страну" за его пределами и вскоре на широких канадских полях или в оживленных канадских городках превращаются в уважаемых фермеров и горожан; и сразу же каждое маленькое замызганное, бледное личико, казалось, проявляло ко мне новый интерес и задумчиво смотрело на меня, как бы требуя моего милосердия, говоря мне: через меня к моим многочисленным читателям: "Придите и помогите нам!"

После того, как вышесказанное было написано, от мисс Макферсон пришло еще одно письмо. Все мальчики были в хорошем положении. Агент в Квебеке хотел забрать всю сотню сразу, но ему уступили только одиннадцать. В Монреале тоже забрали бы всех, но остался только двадцать один. Все нашли отличное положение, многие в качестве домашней прислуги за 10 фунтов и 15 фунтов в год. Восемь таким же образом были оставлены в Бельвиле, на полпути между Монреалем и Торонто. Шестидесят были отправлены в Торонто; и здесь нам сообщают, что "платформа была переполнена фермерами, стремившимися привлечь их всех сразу. Было трудно доставить их в офис". Приехал джентльмен из Гамильтона и сказал, что было отправлено шестидесят заявлений на мальчиков, как только стало известно, что мисс Макферсон выходит. Так что нет необходимости ожидать чего-либо вроде отвращения со стороны канадцев к приему наших лишних абов.

ГЛАВА IV.

БЕСПРИЗОРНИКИ И БРОДЯГИ.

Среди различных требований к празднованию Рождества и Нового года есть одно, которое, возможно, не так общепризнанно, как могло бы быть. Некоторых из нас приглашают к яркому камину или за накрытый стол благодаря нашим социальным качествам и разговорчивости. Во многих и очень многих "веселых досках" бедность - единственное условие, которое ставится. Я имею в виду не то, что гости займут незавидное положение "бедных родственников", но в рамках великодушной благотворительности, которая так широко распространена в этот праздничный сезон, необходимость ужина обычно принимается как право на это основное требование существования. Однако ни то, ни другое не является отличием, необходимым для того, чтобы дать право тем, кто его носит, пользоваться гостеприимством мистера Эдварда Райта, более известного под сокращенным титулом "Нед", и без предисловия "мистер" Это единственное социальное качество, без которого невозможно занять место в праздничном совете директоров Неда Райта, является уголовным преступлением. Несколькими днями ранее среди членов бывшего братства мистера Райта был распространен небольшой зеленый билет с приглашением на "Большой ужин" в часовне Святого Иоанна на Пенроуз-стрит (последняя Западная улица) в Уолворте, организованной под эгидой миссии Юго-Восточного Лондона. Приглашение гласило следующее:—

"Этот билет доступен только для лица мужского пола, которое было осуждено хотя бы один раз за тяжкое преступление, и передаче не подлежит. Мы намерены обеспечить хороший ужин из хлеба и супа, после чего будет произнесено обращение. В конце собрания каждому мужчине

будет выдан пакет с провизией. Ужин будет накрыт в нижней части часовни. Мальчики на этот раз не допущены.—Твой друг, ради Бога,

"Нед Райт".

Почему несовершеннолетние преступники должны быть исключены "на этот раз" и дает ли тот факт, что они были осуждены более одного раза, какие-либо дополнительные привилегии, на первый взгляд не представлялось очевидным. Однако так оно и было; совершеннолетнего преступника Уолворта пригласили к ужину, и к ужину он и пришел. Среди развлечений, предложенных зрителям на слушаниях, было объявление о том, что в них примет участие мировой судья — факт, который, возможно, не был широко известен среди гостей, в отношении которых весьма сомнительно, не доказывало ли присутствие страшного "клюва" обратное "ничьей". Тем не менее, они пришли, возможно, в счастливом неведении о властителе, который их ожидал и которого лондонский попрошайка считает своим более естественным врагом, чем одно создание цивилизованной жизни, - полицейский.

На обед было назначено шесть часов, и страннику с Уолворт-роуд не было нужды спрашивать, которая из них Пенроуз-стрит. Маленькие группки неуклюжих людей толпились за углом, ожидая, когда кто-нибудь укажет дорогу к непривычной часовне. Группа за группой, однако, таяли в темном здании, где Нед был готов их принять. С ним я застал не одного магистрата, а двух; один был ожидаемым местным магнатом, другой - хорошо известным членом лондонской судебной коллегии, с которым, как мне кажется, многие из гостей могли похвастаться предыдущим знакомством с персонажем, противоположным желанному. Часовня на Пенроуз-стрит ранее занималась унитариями, но затем была снята на постоянной основе Недом Райтом за аренду от 60 фунтов стерлингов до 70 фунтов в год и образовала третий из его "центров", остальные находились под железнодорожной аркой на Нью-Кент-роуд и в Миссионерском зале в Дептфорде. По мере того как ряд за рядом заполнялись убогие обитатели, я мог лишь разглядывать со своего наблюдательного пункта в галерее различные физиономии. Я должен сказать, что типичная тюремная птица была представлена лишь слабо. Посетители выглядели как трудолюбивые люди — возможно, немного изможденные и голодные, и во многих случаях явно удрученные и стыдящиеся квалификации, которая дала им это место. Один или двое, в основном помоложе, вошли с развязной походкой и грубой шуткой; но Нед и его гости знали друг друга, и он быстро увел веселого молодого джентльмена в тихий уголок от греха подальше. Небольшая группа зрителей, в основном женского пола, заняла переднее сиденье на галерее, когда началось заседание, которое они исполнили под гимн, сочиненный самим Недом Райтом. Женские голоса оказались очень полезными в этом отношении; но большинство мужчин взяли распечатанные экземпляры гимнов, которые раздавали по кругу, и выглядели так, как будто могли их прочесть, причем многие доказали это, распевая во весь голос. После исполнения гимна Райт объявил, что заказал восемьдесят галлонов супа — какой-то шутливый джентльмен предположил: "Это примерно по галлону на штуку", — и он надеется, что всем хватит. К этому времени собралось, вероятно, около 100 гостей, и каждому была предоставлена белая миска, которую Нед и его помощники наполнили супом из кувшина для мытья посуды. Каждому также был выдан бумажный пакет с половиной четверти буханки, и содержимое быстро исчезло. Когда ароматный пар вызывающе поднимался от тарелок с супом на галерею, мистер Райт воспользовался случаем упомянуть, что на "тайной вечере" мистер Кларк Нового покроя приготовил суп бесплатно - факт, который, по его мнению, заслуживает занесения в протокол.

В перерывах между банкетом хозяин сообщил мне, что он уже был свидетелем сорока подлинных "обращений" в результате этих собраний. Ему, как обычно, пришлось бороться с некоторыми назойливыми джентльменами, которые "считали тяжкое преступление добродетелью", "хотя у них ее не было", и были без промедления уволены с заверением, что ему "не нужны бродяги". Один загадочный молодой человек вошел и сел в первом ряду, но не пробыл и двух минут, как его, казалось, осенила какая-то мысль, и он поспешно ретировался. Не могу сказать, был ли он одержим идеей, с которой мне пришлось бороться в предыдущем случае такого же рода, что я полицейский, но больше он так и не появился. Надеюсь, я не был невинной причиной того, что он лишился ужина. Единственной "преступной" чертой, которую я заметил, были украдкой бросаемые время от времени взгляды по сторонам, особенно на галерею. Помимо этого, на самом деле мало что отличало собрание от собрания ремесленников, которым немного "не повезло", или которые бастуют, или находятся под каким-то облаком в этом роде.

По мере того, как шел ужин, количество зрителей в галерее увеличивалось; и, при всем уважении к добрым намерениям Неда Райта, можно усомниться в разумности такого присутствия зрителей в галерее. Это придает какой-то фальшивый оттенок и браваду призыванию преступника ужинать на публике под пристальным взглядом дам, совсем как "шишки" на публичном обеде. Я уверен, что некоторые из молодых людей чувствовали это и соответственно чванились за ужином. Конечно, ни у одного гостя не было ни малейшего признака стыда или каких-либо признаков уныния, когда гороховый суп сделал свое дело. Некоторые из очень жизнерадостных джентльменов в первом ряду даже посвятили себя критическим замечаниям в адрес посетителей галереи. Как правило, учитывая прошлое мужчин, собрание проходило организовано; и, я думаю, было бы более организованным, если бы не присутствие прекрасного пола в верхних слоях общества, многие из которых, справедливости ради следует отметить, наслаждались светской беседой с молодыми миссионерами с маслянистыми волосами, совершенно не подозревая о том, что являются объектами восхищенных взглядов снизу.

Ужин занял ровно час, а затем прозвучал еще один гимн, Нед Райт сказал своим гостям, что мелодия несколько трудновата, но что сначала галерея споет ее для них, а потом они смогут исполнить ее сами. Определенно, мистер Райт становится "эстетичным". Этот гимн был, по сути, монополизирован галереей, мужчины слушали и, очевидно, были заняты перевариванием своего ужина. Хотелось бы услышать что-нибудь, к чему они могли бы присоединиться. Однако это был веселый марш, и им, очевидно, он понравился, и они отбивали такт ногами, пообычаяю богов в Ночь бокса. В этот момент Нед и еще пятеро взошли на небольшую огражденную платформу с Библией в руках, и ведущий прочел то, что он назвал "отрывком из Старой Доброй книги", выбрав, соответственно, Евангелие от Луки xv, в котором рассказывается о радости ангелов по поводу одного кающегося грешника, и изысканную аллегорию о Блудном сыне, которую Нед прочел с большой долей неподдельного пафоса. По его словам, это напомнило ему старые времена. Он сам был одним из первых заключенных в Уондсворте, когда "олд Брикстон" был заперт. Он "отсидел" три календарных месяца, а когда вышел, то увидел старого седовласого мужчину с каким-то свертком. "Это, - сказал Нед, - был мой благочестивый старик отец, а в узелке была новая одежда взамен моих старых лохмотьев".

Затем вперед выступил сельский судья и провел ироничный контраст между "респектабельными" людьми на галерее и "ворами" внизу. "Бог говорит, что мы все "ограбили

Его". Все равны в глазах Бога. Но некоторые из нас - прощенные воры". В этот момент беседа стала теологической и разразилась над головами людей внизу. Они слушали так, как слушают судейскую реплику со скамьи подсудимых; но это был не их родной язык, такой, на котором говорит Нед. Это был "клюв", а не старое "приятель". Это был не их народный язык. Это было для галереи — очень заинтересовало дам и миссионеров, но не воров. Было замечательно, что они переносили это так же хорошо, как и раньше. Судейское достоинство, очевидно, внушало им благоговейный трепет; но вскоре они привыкли к нему и зевали или вяло сидели. Некоторые прислонились головами к перилам впереди и заснули. Последние из прибывших ушли раньше всех. Они пришли ужинать, а не на проповедь.

Затем был исполнен еще один гимн Неда Райта — муза мистера Райта, по-видимому, была плодотворной в прошлом году, не менее шести гимнов из списка были написаны им самим за эти двенадцать месяцев. Остается очень надеяться, что эти поэтические и эстетические наклонности не притупят его практической энергии. Этот гимн звучал удручающе высоко и превышал возможности всех, кроме "галерки" и, конечно, очень немногих гостей; но большинство из них вставляли финальную "Слава, Аллилуйя" в конце каждой строфы. Мелодии мистера Райта до крайности яркие и жизнерадостные, без вульгарности или оскорбительно светского характера.

Затем сам ведущий произнес несколько слов о морали Нагорной проповеди: "Ищите прежде царства Божьего и правды Его". Он называл многих из тех, кто был до него, старыми приятелями, которые "пили из одного кубка и тасовали одну и ту же колоду карт", и сравнивал свое нынешнее состояние с их собственным. Затем они слушали, открыв рты и горя нетерпением, хотя сидели уже целых два часа. Он изобразил жизнь Христа и Его любовь к бедным людям. "Христос умер за вас, - сказал он, - а также за "больших людей". Кто это на кресте рядом с Сыном Божьим?" - спросил он красноречивым апострофом. "Это вор. Приди ко Христу и скажи: "У меня нет характера. Меня заклеили как преступника. За мной охотятся на улицах Лондона. Он примет тебя". Он живо представил, сколько у него было друзей, когда он греб за пальто и значок Доггета. На полпути с ним произошел несчастный случай; "и когда я добрался до "Лебеда" в Челси, - сказал он, - у меня не осталось друзей. Я был проигравшим человеком. Христос никогда не будет так с тобой обращаться. Он никогда не позволял мне нуждаться за девять лет, прошедших с тех пор, как я обратился ". После молитвы собрание разошлось, и остались попросили только тех, кто нуждался в совете. Молитва была характерной, перемежаясь стонами с галереи; а затем каждому был вручен бумажный пакет с хлебом и пирожными, на что Нед заметил: "Вот, дьявол вам этого не даст. Он дает тебе затяжку и сноровку". Поскольку от одного джентльмена потребовали ехать тихо, он выразил надежду, что там не будет полицейского; другой добавил: "Мы не хотим, чтобы нас задержали". Неду пришлось еще раз заверить их на мой счет, а потом почти все исчезли — каким-то изобретательным гостям удавалось заполучить по два и по три мешка, выходя и возвращаясь снова, пока кто-то на галерее не добился подлого успеха!

Из сотни осталось всего около полудюжины, и Нед Райт, преклонив колени на одной из скамеек, горячо молился и вступал в беседу с ними по очереди. Зашли еще двое или трое, и было много молитв и стонов, но, очевидно, много искренности. И вот, получив, по крайней мере, несколько новых впечатлений навсегда, несколько ободряющих, обнадеживающих слов в Новом году, эти несколько беспризорников ушли во тьму, чтобы сохранить, будем надеяться,

хотя бы часть того лучшего влияния, которое оказали на них в ту светлую эпоху их омраченной жизни, когда приглашение Неда Райта собрало их на Ужин Воров.

ГЛАВА V.

БЕЗУМНЫЙ БАЛ.

Одна половина мира считает другую половину сумасшедшей; и кто должен решать, какая часть общества права, предполагаемые сумасшедшие или предполагаемые здравомыслящие, поскольку ни одна из сторон не может быть непредвзятой в этом вопросе? В настоящее время меньшинство считает, что это всего лишь вопрос численности, и что если бы верх одержал интеллект, а право не было побеждено силой, положение партий было бы в точности противоположным. Эта дилемма настойчиво требовала решения в моем сознании, когда я присутствовал на ежегодном балу в сумасшедшем доме Ханвелла. Внутри этих стен преобладало мнение, что большинство сумасшедших находятся снаружи, и что самыми безнадежно безумными людьми во всем мире были офицеры, непосредственно связанные с управлением самим заведением.

Был сырой, душный январский вечер, когда я приехал в это загородное убежище. Шел проливной дождь, и ветер чуть не унес привратника из его будки, когда он повиновался нашему зову у дантовского портала заведения, проходя мимо которого так много людей буквально потеряли надежду. Я попытался представить, каково это было бы, если бы кто-то действительно был отправлен в это вместилище заинтересованными родственниками, как мы читаем в трехтомных романах; но это было бесполезно. В тот раз я был одним из веселой компании. Служащие приюта Ханвелл немного стеснялись того, что их известность была передана по наследству, поэтому я воспользовался уловкой и по этому случаю поступил в отряд скрипачей герра Густава Кюстера. Однако справедливости ради я должен добавить, что комитет в течение вечера снял табу, которое они ранее наложили на мою литературу. Я был волен увековечить их; и отныне моя игра на скрипке была работой сверхурочной.

Зажигательные танцы начинались рано, часов в шесть; и задолго до этого времени мы оставили наши инструменты на Базаре, как несколько неуместно называется бальный зал, и блуждали по дейдейским лабиринтам палат. Жизнь в палатах показалась мне очень похожей на жизнь в коридоре; но когда это предварительное возражение было устранено, длинные коридоры показались мне достаточно удобными. Они были выкрашены в яркие теплые тона, и соответствующая приятная температура обеспечивалась трубами с горячей водой по всей длине. Из палат через равные промежутки времени выходили комфортабельные комнаты, и здесь были всевозможные развлечения, чтобы скрасить скучный досуг этих временных затворников. Большинство моих отшельников курили — я имею в виду мужчин — многие читали; у одного была скрипка, и я сразу же завязал с ним знакомство; в то время как другой сидел у двери своей уютной маленькой спальни, наигрывая каденции на флейте. Он был старым тромбонистом в одном из домашних полков, тридцать лет прожил в Ханвелле и на тот вечер был моим коллегой по оркестру. Мне показалось, что он выглядел таким же здравомыслящим, как и я, и играл великолепно; но, возможно, предвзятые официальные лица сообщили мне, что у него

время от времени были свои слабости. Вторым участником оркестра герра Кюстера, которого я нашел в Дюрансе, был кларнетистом, ранее игравшим в оркестре Второго лейб-гвардейского полка; и этот бедняга, который к тому же был превосходным музыкантом, остро ощущал свое положение. Он тихо извинился за то, что сел со мной в вельветовых брюках, а также за то, что был "идиотом". Казалось, он не сомневался в справедливости вынесенного ему приговора и не успел привыкнуть к атмосфере, как старый тромбонист.

В ту новогоднюю ночь — январь был в самом разгаре — палаты, особенно на женском отделении, были весело украшены бумажными цветами, и все выглядели такими веселыми и счастливыми, как будто ни одна тень никогда не переступала порога; но, увы, то и дело попадались обитые войлоком комнаты, выходящие в коридор; и поскольку эта палата не была огнеупорной, я спросил, что означает такое расположение, которое, как мне казалось, устарело. Мне сказали, что они предназначены для больных эпилепсией. В силу своего официального положения дирижера у герра Кюстера был ключ; и, невозмутимо пройдя в коридор, точно такой же, как остальные, он с величайшим хладнокровием сообщил мне, что я нахожусь в отделении для непокорных. Я огляделся в поисках рослого санитаря, которого обычно можно увидеть на дежурстве, и, к моему ужасу, обнаружил, что он находится совсем в другом конце чрезвычайно длинного коридора. Не знаю, чтобы я особенно нервничал, но, откровенно признаюсь, мне не терпелось оказаться рядом с этим достойным чиновником. Нас было всего трое посторонних, и компания выглядела озорной. Один джентльмен яростно расхаживал взад-вперед, закатывая рукава пальто, как будто намеревался немедленно нас уничтожить. Другой, седобородый старик, подошел и яростно спросил, не масон ли я. Я боялся, что он возмутится, сказав, что это не так, когда мне, к счастью, пришло в голову, что третий в нашей группе, контрабасист-любитель, был мастером своего дела. Я так и сказал нашему старому другу. Он потребовал знака, был удовлетворен, и в мгновение ока наш друг-контрабасист забился в его братских объятиях. Надзиратель, неправильно истолковав характер объятия, поспешил на помощь, и я почувствовал себя непринужденно.

Затем мы перешли в бальный зал, где мои друзья-музыканты начинали "настраиваться" и ждали своего дирижера. Большая комната была ярко украшена и заполнена примерно тремя-четырьмя сотнями пациентов, расположенных в определенном порядке: дамы с одной стороны, джентльмены - с другой. В этом собрании царил несколько разгульный вид из-за того, что мужская часть была не в парадной форме, а облачена в свободные костюмы из вельвета и войлочных сапог. Частые появления надзирателей в темно-синей униформе придавали сцене вполне военный вид; а на женской половине костюмы были более живописными; женскому вкусу была предоставлена некоторая свобода, и в результате большая часть пациентов выглядела великолепно в розовых халатах. У одной пожилой дамы, которая утверждала, что является отпрыском королевской семьи, был великолепный головной убор; но красавиц бального зала определенно можно было найти среди служанок, которые были яркими, свежими молодыми женщинами в аккуратной черной униформе, с задорными маленькими шапочками и связками ключей, висевшими у них на боку, как четки в церкви шарите или в шатленах, которыми юные леди любят украшать себя в настоящее время. Вереницы пациентов продолжали стекаться в и без того переполненную палату, и один джентльмен, изменив порядок, предписанный ему природой, важно вошел, опираясь на ладони и высоко поднимая ноги. Он был клоуном в театре и все еще сохранял некоторые наклонности актеров. Мужчина с морщинистым лицом, у которого, казалось, не было другого имени, кроме общепринятого "Билли", важно вошел в огромных бумажных воротничках, как у угловика в труппе негров, и с

жестяным украшением на груди размером с сырную тарелку. Он был нечувствителен к чарам Терпсихоры, за исключением случайных пассий, и тешил себя мыслью, что его миссия состояла в том, чтобы дирижировать оркестром, что он иногда и делал, к замешательству герра Кюстера и полному уничтожению серьезности со стороны исполнителей, так что Билли пришлось сместить. Было довольно любопытно заметить влияние музыки на некоторых более тихих пациентов. Один или двое, выражение лиц которых, казалось, действительно оправдывало их заключение, буквально вцепились в ножку моего пюпитра и не позволяли мне ни на минуту взять в руки мой инструмент, когда я не играл на нем, так им хотелось выразить свое восхищение мной как артистом. "Я играл на этом инструменте до того, как пришел сюда", - сказал пациент с писклявым голосом, который в течение одиннадцати лет мучился мыслью, что его мать приедет навестить его завтра; действительно, большая часть маленькой группы вокруг платформы смотрела на свое временное пребывание в Хэнвелле как на единственное препятствие на пути к блестящей карьере в музыкальном мире.

Началось разбирательство с каледонцами, и было удивительно наблюдать порядок, если не сказать изящество и утонченность, с которыми эти нищие сумасшедшие исполняли свои роли в "мэзи". Розоволицые служители стали партнерами для мужчин, и я увидел геркулесовского вида надзирателя, галантно ведущего за собой полную пожилую леди в мафиозном чепце. Большая часть пациентов, конечно, была в паре со своими товарищами по заключению, а наверху чиновники танцевали с некоторыми молодчиками. Да, здесь были шикарные девушки, щеголи из бального зала в фустиане и фетре. На одного из них мне, в частности, указали как на выпускника университета из знатной семьи, и на мой вопрос, как такой человек стал обитателем приюта для бедных, чиновник сказал: "Видите ли, сэр, когда ум заходит в тупик, доход часто тоже заходит, и люди становятся практически нищими". Безумие - великий уравнитель, это верно; но я не мог не представить себе периоды просветления этого человека и задаться вопросом, не могли бы его друзья помочь ему лучше. Но вот он делает пируэты с хорошенькой органисткой, капеллан стоит рядом и одобрительно улыбается, а молодые врачи любезничают с несколькими приглашенными гостями, но не брезгают время от времени по очереди подходить к пациенту. Следуют кадрили и уланы, но никаких "хороводов". Распространенное предубеждение большинства считает такие танцы слишком возбуждающими для чувствительных танцоров. Выпускник чрезвычайно разгневан этим и высоко оценивает группу за то, что она не сыграла вальс. Галопы исполняются, но не танцуются; вместо них используется сложное движение, называемое "черкесский круг". "Три часа кадрили - это действительно слишком абсурдно", - сказал выпускник невинной второй скрипке.

В центре зала царили серьезность и благопристойность, но самые веселые танцы продолжались в углах. Была сыграна ирландская кадриль, и безошибочно узнаваемый Пэдди исполнил самую красивую джигу. Он справился в одиночку с одной-двумя фигурами, когда, без сомнения, вспомнив, что "счастье - это рождение близнеца", нырнул в толпу, выбрал седовласого старого друга лет шестидесяти и внушил ему идею па-де-де. Так они и простояли в углу всю кадриль, крутя воображаемые шиллелаги и подбадривая друг друга тем выразительным ирландским междометием, которое так невозможно записать на бумаге. В течение часа все веселились, как пресловутый свадебный колокол, а затем мужская часть компании отправилась ужинать. Дамы остались на Базаре и обсуждали апельсины, время от времени потанцевав под фортепиано, когда оркестр тоже удалился перекусить в одну из комнат прислуги. Я последовал за компанией в их столовую, как я и предполагал, не для того, чтобы

поесть. Около четырехсот человек собрались в большом помещении, и, кроме того, в комнатах поменьше устраивались разные уютные ужины. Каждый гость отведал превосходную трапезу из мяса и овощей, за которой последовало достаточное количество пива и трубочек. Капеллан прочитал короткую молитву перед ужином, и пациент, который, должно быть, был методистским проповедником на пенсии, дополнил краткое благословение длинным бессвязным "испрашиванием благословения", на которое никто не обратил никакого внимания. Затем я прошел вдоль длинных рядов с вежливым чиновником, который рассказал мне небольшие отрывки истории болезни некоторых пациентов. Вот был известный актер в свое время; вот адвокат; вот снова священник; вот торговец, недавно "ушедший", "все из-за забастовок, сэр", - добавил он. Тень — эта самая загадочная тень из всех — заслоняла солнечный свет жизни в каждом из этих случаев. Будучи такими, какие они есть, они не могли быть в лучшем месте. У них есть лучший совет, который они могли бы получить, даже будь они — как некоторые из них утверждают — принцами. Если их можно вылечить, то это наилучший шанс. Если нет — что ж, там были маленький мертвый дом и тихое кладбище, лежащие в лунном свете и ожидающие их, когда, как писал бедный обезумевший Эдгар Аллен По, "лихорадка, называемая жизнью", должна была "наконец закончиться". Но кто говорит о смерти в эту единственную ночь за весь год, когда даже этот старый масон из палаты непокорных забывал, на свой особый манер, о жестокой несправедливости, лишившей его двенадцати тысяч в год и титула? Всеобщее веселье - правило сегодняшнего вечера. Шесть или семь джентльменов одновременно вскакивают на ноги и произносят речи, которые выслушиваются примерно с таким же уважением, как "тост вечера" на публичном обеде. Еще столько же негармонично поют совершенно другие песни; веселье становится быстрым и яростным, возможно, даже немного чересчур быстрым и яростным, когда предлагается возвращение в бальный зал, на что я с готовностью соглашаюсь, а один седовласый старый кокетка, проходя мимо, замечает мне, что собирается поискать свою возлюбленную.

Последовала длинная серия кадрилей, выпускник становился все более и более свирепым с каждым разочарованием в своем ожидаемом вальсе, а Билли выдавал каждое изменение в программе, как приходской клерк, на которого он во многом походил. Все согласились, что это была лучшая вечеринка, которая когда-либо проводилась в приюте, точно так же, как последний ребенок всегда самый лучший в семье. Конечно, все гости получили удовольствие. Рослые служанки танцевали с большим желанием, чем когда-либо, румяные служанки были румянее и опрятнее, чем раньше, если это было возможно. Фуражка со свистом кружилась на царственной голове своего владельца посреди потрясающих деревенских танцев, руки скрещены, протянуты партнерам, а затем снова опущены, как будто она никогда не испытывала тревог, связанных с тронem, или не познала на горьком опыте горести изгнания. Даже академический джентльмен расслабился перед прекрасной органисткой, хотя и зачесал волосы назад еще жестче, чем когда-либо, и снова топнул войлочными ботинками, проходя мимо безобидного контрабаса, громко и пронзительно ругаясь на тему кадрилей. Наконец прозвучала неизбежная "Боже, храни королеву", которую оркестр сыграл в одной тональности, а гости спели в самых разных. Не будет неуважением к Ее Величеству сказать, что исполнение Государственного гимна было воспринято без всякого удовлетворения. Это был сигнал о том, что "джинкс" закончился, и этого было вполне достаточно, чтобы сделать его непопулярным. Тем не менее, они пели громко и отважно, все, кроме пожилой женщины в мафиозном чепце, которая сидела с самодовольной улыбкой, словно говоря: "Так и должно быть, я ценю честь, оказанную моим царственным братьям и сестрам".

Это светлая сторона картины, но у нее были и свои мрачные оттенки. Во всех палатах были те, кто стоял в стороне от всеобщего веселья и не желал ни с кем шутить. Мужчины с худыми лицами угрюмо расхаживали взад и вперед по коридорам, как дикие звери в клетке. У них наступил период просветления, и они раздражались из-за надоедливой сдержанности и унижительного общения. Это была странная мысль; но я предположил, что они, должно быть, жаждали своего безумного припадка, как пьяница жаждет опьяняющего напитка или любитель опиума - своего восхитительного наркотика, чтобы заглушить мысль о настоящем. В самом бальном зале были такие, кто, если вы подходили к ним с предложенной щепоткой нюхательного табаку, прогоняли вас от себя с проклятиями. Один прекрасный, интеллектуальный человек весь вечер просидел у окна, сочиняя рапсодии самого необычного характера и воображая себя поэтом. Другой обернул тонкий кусок рейки бумагой и надписал его какими-то странными иероглифами, умоляя меня доставить его. Все приготовились к своему скорейшему отъезду из Хэнвелла, хотя многие говорили тем душераздирающим тоном, который говорил о давно отложенной надежде — надежде, которой, возможно, никогда не суждено будет осуществиться. Самым болезненным зрелищем из всех было то, что там была маленькая девочка, ребенок одиннадцати или двенадцати лет — ребенок в сумасшедшем доме! Подумайте об этом, родители, когда вы слушаете увлекательную чушь своих малышей — подумайте о ребенке в палатах Ханвелла! Вспомните, как узка грань, отделяющая невинность от идиотизма; настолько узка грань, что когда-то эти слова были синонимами!

Затем в ту веселую новогоднюю ночь лазарет был полон людей. Вон того бедного пациента, которого на кресле везут в постель, он недолго побеспокоит своего санитаря. Другого поднимают на его тюфяке, и большие любящие руки надзирателя прикладывают к его пересохшим губам чашку охлаждающего напитка, который заботится о нем так же нежно, как женщина. Это казалось почти жестокой добротой - пытаться сохранить это бедное тело и душу вместе.

В щедром гостеприимстве этого великого учреждения быстро прошел еще один час, и над тысячами собравшихся воцарилась тишина. Сам по себе это небольшой городок, в значительной степени самостоятельный и самоуправляемый. Он печет, варит и выделяет газ; и нет необходимости в счете о лицензировании, чтобы поддерживать трезвость и уравновешенность его обитателей. Метод достижения этого был обнаружен в собственном законе доброты природы. Вместо того, чтобы сажать на цепи и обращаться с ними как с дикими зверями, с сумасшедшими обращаются как с несчастными мужчинами и женщинами, и прилагаются все усилия, чтобы улучшить, как физически, так и морально, их печальное состояние. Отсюда яркие палаты, пышнотелые служанки, частые веселья. Даже служба в часовне была украшена ради них.

Это было то, что я увидел, поступив в качестве скрипача-любителя в оркестр герра Кюстера в приюте Ханвелл; и когда я бежал, чтобы успеть на последний поезд, — что я и сделал, как говорится, с трудом, — я почувствовал, что стал мудрее, хотя, может быть, и печальнее, после того, что пережил вечером на Балу Сумасшедших.

Один вопрос постоянно всплывал у меня в голове. Говорят, что если вы заткнете уши в бальном зале, а затем посмотрите на людей, считающихся здравомыслящими, танцующих новый вальс или последний галоп, вы вообразите, что все они, должно быть, сумасшедшие. В ту ночь я не затыкал уши, но открыл глаза и увидел сотни моих собратьев, все с какими-то странными

галлюцинациями, многие со свирепыми и порочными наклонностями, но всех их поддерживали в порядке несколько надзирателей, горстка девушек, и все вели себя так же благопристойно, как в настоящем бальном зале. И вопрос, который *будет* преследовать меня всю дорогу домой, заключался в следующем: кто из нас нормальные люди, а кто сумасшедшие?

ГЛАВА VI.

ДЕТСКОЕ ШОУ.

Нет никаких сомнений в том, что в настоящий момент британский младенец занимает среди нас необычайно видное положение. То, что он должен стать учреждением, неизбежно. То, что он растет среди нас, лондонцев, примерно на пятьсот человек в неделю, статистика Генерального регистра о превышении числа рождений над смертями не вызывает сомнений. Его важность в семье и способность революционизировать домашнее хозяйство - это факты, о которых время от времени неприятно узнает каждая семья Отцов. Но в настоящее время британский малыш делает нечто большее. Он занимает общественное положение. Возможно, это лишь слабый показатель распространения прав женщин на инфантильное состояние полов. Возможно, нашему возрасту суждено услышать о Избирательном праве детей, защите собственности детей, Правах и Неправотах детей в целом. Не подлежит сомнению, что британское детище *is* выдвигает себя вперед и требует, чтобы его услышали — как, собственно, оно всегда имело привычку делать. Его название было неприятно перепутано с некоторыми разоблачениями в Брикстоне, Камберуэлле и Гринвиче. Младенцев стали выращивать на ферме, как налоги или заставы. Младенцы, выращенные на пашне, похоже, тяготеют к приграничным районам к югу от Темзы. Для нашего законодательного органа будет интересной задачей выяснить, существует ли какой-либо действующий закон, объясняющий передачу, поскольку это неизбежно придется сделать, когда перед ним встанет деликатный выбор между оправданным детоубийством, массовыми хосписами для Трувэ и, возможно, каким-нибудь японским "счастливым посланием" для высоколобых младенцев, которые лучше медленного яда, вводимого неблагоразумными "фермерами". Во всяком случае, один факт несомненен, и мы вряд ли можем повторять его слишком часто — британский младенец становится более выразительным, чем все, что мы можем вспомнить о детских днях нынешнего поколения. Это как если бы луч юношеской "чванливости", отблеск неуклюжести преломился на длинной одежде или одежде на три четверти незрелости.

Ибо, если это правда — в чем мы можем убедиться, опираясь на наш инфантильный опыт, — что "выращенные на ферме" младенцы были предметом, неизвестным земледелию в наш золотой век, то столь же несомненно, что идея современного детского шоу была из тех, с которыми в ту далекую эпоху не согласились бы. Наши матери и бабушки с таким же успехом могли бы принести невинного в жертву Молоху, как и Маммоне. Что же тогда означало — чему это могло быть обязано — не по годам развитому возрасту британского ребенка или дегенерации британских родителей, — что два детских шоу были "показаны" почти в один и тот же момент — у мистера Джованнелли в Хайбери Барн, другой в садах мистера Холланда в Северном Вулвиче?

Стремясь идти в ногу со временем, даже когда о тех временах свидетельствует стремительная карьера британского младенца, — стремясь также изгладить представление о бедных истощенных младенцах Брикстона, Камберуэлла и Гринвича, привнеся в мой опыт противоположный полюс младенческого развития, — я нанес визит и заплатил шесть пенсов в Хайбери-Барн, когда открылось Детское шоу. Войдя в просторный зал мистера Джованнелли, который в обычных случаях посвящался терпсихорейскому искусству, я обнаружил, что это настоящее святилище "Триформис Дивы". Сразу же после входа меня попросили вложить лишние медяки в правильную карточку, содержащую имена, вес и — не цвета; все они были одного цвета, цвета обычного человеческого омара, — а веса различных форм уэкфордских сквиров младше двенадцати месяцев, которые тут же были собраны, как куча маленьких жирных поросят. По правде говоря, это было зрелище, способное возбудить аппетит "аннексированного" жителя островов Фиджи или любого другого плотоядного животного. В моей правильной карточке было указано восемьдесят "работ"; но, хотя выставка открылась только в два часа, и я был там в течение часа после этого, я обнаружил, что номера до 100 довольно заполнены. Интересные птенцы были расставлены на перилах, задрапированных розовым ситцем, все они были одеты в "великолепные наряды", и большинство из них вкушали материнскую пищу. Мамаши — все респектабельные замужние женщины рабочего класса — казалось, считали демонстрацию своих отпрысков отнюдь не инфантильной и были скорее рады продемонстрировать вам ноги и другие места своего жирового отягощения. Некоторые предложили мне проверить вес, что я с трепетом и сделал, и почувствовал облегчение, когда младенец Геркулес обрел своего естественного защитника. Призы, общая сумма которых составляла от двухсот до трехсот фунтов стерлингов, должны были присуждаться суммами в 10 фунтов и 5 фунтов, а иногда и в форме серебряных кубков, по какому принципу, мне не совсем ясно; но решение принималось жюри в составе трех врачей и двух "матрон". Если простое ожирение, или божественное приближение человеческой формы к форме гиппопотама, является стандартом совершенства, не может быть никаких сомнений в том, что молодой джентльмен по имени Томас Чалонер, пронумерованный 48 в правильной карточке, в возрасте восьми месяцев и весом 33 фунта, будет легким принцепсом, и мой прогноз впоследствии оправдался этим событием. Должен признаться, что я смотрел с благоговением и время от времени возвращался, чтобы посмотреть еще раз, на этого колоссального ребенка. Во время моего последнего визита кто-то спросил, чем его кормили. Должен ли я признать, что демон озорства побудил меня дополнить запрос добавлением: "Масляный жмых, или корм Торли для крупного рогатого скота?"

Что касается, я полагаю, простой необычности, то мое собственное внимание — откровенно признаюсь, я не знаток — было в значительной степени поглощено "двумя маленькими ниггерами". Без сомнения, впоследствии их число увеличилось до ортодоксальных "десяти маленьких ниггеров". Один из них был веселым молодым "черномазым" одиннадцати месяцев от роду, весом 29 фунтов, и на карточке был указан 62-й номер. Он был стройным молодым человеком с шевелюрой, похожей на куст дрока, а его мать была совершенно некрашеной. Я предполагаю, что отец Семейства был красивым цветным джентльменом. Другой представитель sons of Ham — Джон Чарльз Абдула, трехмесячного возраста, весом 21 фунт и номером 76 — был слишком незрелым, чтобы вызвать мое сочувствие; поскольку я открыто признаю, что такие экземпляры совершенно не представляют для меня интереса, пока их кости не приобретут достаточную консистенцию, позволяющую им сидеть прямо и смотреть по сторонам, как подобает британскому младенцу. У этого конкретного младенца не было никаких идей, кроме

кулинарных. Он был настоящим олдерменом в зародыше, если, конечно, существуют цветные олдермены. Затем появились близнецы — это непостижимое посещение Провидения — три пары близнецов. Тройняшки, из милости к нашим отцовским чувствам, мистер Джованнелли пощадил нас.

В этой конкретной выставке был один примечательный момент. Во всяком случае, матерей хорошо кормили четыре дня, пока их детская мебель была "на виду". Я слышал вполголоса, как восторженные молодые матроны доверительно обменивались похвалами обеда дня, и я сам был свидетелем исчезновения несомненно приятного чая, не говоря уже о различных пинтах портера, обсуждавшихся отдельно и бесплатно для тех, кто нуждался в пропитании; и действительно, многие, казалось, нуждались в нем. Неудивительно, что высокоразвитый британский младенец так настойчиво напомнил матерям, что, по собственным словам Байрона, "наша жизнь двойка".

Это, конечно, переход не от возвышенного к смешному, а наоборот, но все же это еще одно свидетельство растущего значения британского младенца, если упомянуть рост яслей для детей рабочих в мегаполисе. Уже являясь учреждением в Париже, они недавно были введены в Англии и, несомненно, должны стать благом для жен наших рабочих. Что, черт возьми, происходит с младенцами бедных женщин, которые вынуждены работать весь день, чтобы их содержать? Разве это не чудо, если с ними не происходит чего-то чуть ли не худшего, чем "фермерство", — смерти от халатности, пожара или плохого ухода за больными? Добрые дамы, которые основали эти ясли и сами работают в них, несомненно, осознают необходимость. Однажды я посетил дом 4 по Булстроуд-стрит, где одно из этих полезных учреждений работало полным ходом. Я обнаружил сорок малышей, некоторые играли в удобных яслях, другие спали в крошечных кроватках, выстроенных в два ряда вдоль просторной, хорошо проветриваемой спальни; некоторые, слишком маленькие для этого, качались в уютных колыбельках; но все чистые, в безопасности и счастливые. Нужно ли говорить о том, носили ли добрые дамы, ухаживавшие за ними, рясу святого Винсента де Поля, чепец с завязками "сестры"-пьюзеитки или простую одежду непритязательного протестантизма? Дело уже делается. Самых беспомощных из всего нашего населения — детей работающей бедноты — не пускают на улицу, оберегают от вреда и приучают к порядочности в доме 4 по адресу Булстроуд-стрит, Мэрилебон-лейн. Любой может пойти и увидеть это своими глазами; и если он это сделает — если он увидит, как увидел я, тихую, ненавязчивую работу, которая там делается для британских младенцев, "все ради любви и ничего ради вознаграждения", — я буду очень удивлен, если он не признается, что это одно из лучших противоядий, какое только можно вообразить от ухода за младенцами, и зрелище более благопристойное и достойное, чем любое детское шоу, которое только можно себе представить.

ГЛАВА VII.

НОЧЬ В ПЕКАРНЕ.

Встревоженный перспективой "бесплатного стола для завтрака" в смысле, отличном от обычного, то есть стола для завтрака, который должен быть без необходимого сопровождения

хлеба или роскошных французских булочек, я решил разобраться, насколько это возможно, в плюсах и минусах спора между пекарями и мастерами в период ожидавшейся забастовки несколько лет назад. Признаюсь, я в значительной степени пренебрегал темой забастовок. Я присутствовал на нескольких собраниях строительных рабочих; но тема была из тех, которые меня лично не интересовали. Вряд ли я захочу строить дом и мог бы сам заняться небольшим ремонтом, пока длится забастовка. Но, признаюсь, я склоняюсь к посоху жизни. Вокруг меня тоже полно маленьких ртов с совершенно непропорциональными способностями к хлебу и маслу, не говоря уже о бисквитах, булочках и тарталетках. Таким образом, возможность введения надвигающегося осадного положения коснулась меня немедленно и жизненно. Должен ли я перед страшным событием посвятить свою закадычную жену в тайны выпечки хлеба? Должен ли я немедленно приступить к серии практических экспериментов в ограниченных рамках моей кухонной духовки? Чтобы предотвратить неизбежную тяжесть и возможную вязкость моих буханок в будущем, безусловно, необходимо было бы применить какой-то подобный предварительный процесс. Но тогда для того, чтобы рассчитать вероятность кризиса, было необходимо проанализировать существующее положение вещей. Имея привычку обращаться к начальству с подобными вопросами, я решил поступить так и в данном случае; поэтому я взял шляпу и, как говорит Сэм Слик, "пошел вон".

Фактическая штаб-квартира этих людей, как я выяснил, находилась в "Оловянном блюде", Уайт-Лайон-стрит, Бишопсгейт. Там я прервался и, выпив в баре обычный стакан горького, попросил позвать булочника. Один из булочников вышел из внутренней комнаты, выглядя сонным, как всегда выглядят булочники. В проходе гостиной, которую он покинул, я увидел группу покрытых мукой товарищей, характерными чертами которых были депрессия и безделица. Мой друг, находящийся в коме, направил меня к адмиралу Картеру на Бартоломью-Клоуз, где ежедневно в четыре часа заседал мужской комитет. Общество перед баром там было гораздо веселее, чем в "Оловянном блюде", и пекари много обсуждали пиво, которым они гостеприимно пригласили меня отведать. И все же я мало что узнал об их передвижениях, за исключением того, что они были людьми, решившими придерживаться ставшего привычным режима работы с четырех до четырех, более высокой заработной платы и отказа от воскресной выпечки. Таковы были основные черты требований, а денежные мешки и привилегии, по общему признанию, были второстепенными. Несмотря на то, что общественность испытывала и испытывает отвращение к забастовкам, есть определенные классы общества, которым она склонна сочувствовать; и, безусловно, одним из таких классов являются подмастерья пекарей. Хлеб на завтрак у нас должен быть, и булочки нам понравятся; но мы также хотели бы иметь эти продукты при как можно меньшем количестве ночной работы со стороны тех, кто их производит. "Обращение к общественности", сделанное Забастовочным комитетом вечером того дня, о котором я пишу, было, возможно, несколько сенсационным; но если в нем была хоть капля правды, такое положение вещей требовало тщательного расследования — особенно если это был факт, что пекарь спал на доске, на которой пекли хлеб, и смешивал свой пот и слезы с ингредиентами "посоха жизни". Надеюсь, простительно, что я захотел съесть на завтрак хлеб без выпечки; но как я мог разобраться в этой ужасной проблеме? Я получил это — посетив пекарню моего собственного пекаря, по возможности, в рабочее время.

Итак, после ужина я снова отправился в путь и был весьма любезно принят владельцем магазина, который вполне можно принять за типичный магазин Вест-Энда — ни очень большой, ни очень маленькой, — того, что образно называется "уютным" предприятием с хорошими связями, производящим, как говорится, от шестнадцати до двадцати мешков в неделю.

Ресурсы этого заведения были немедленно предоставлены в мое распоряжение на эту ночь. Так вот, преимущество общения с этим конкретным мастером заключалось в том, что он не был ни упрямым, с одной стороны, ни чрезмерно уступчивым, как он считал некоторых своих коллег-торговцев, с другой. Он не считал койку подмастерья пекаря роскошным ложем или его вознаграждение, способное сделать его миллионером; но он также не упускал из виду тот факт, что определенные часы должны быть посвящены работе и где-то установлен предел заработной плате, иначе общество должно страдать из-за работодателя, вынужденного платить более высокие цены. Персонал этого конкретного заведения состоял из четырех человек со следующей зарплатой: бригадир за 28s. и подсобный рабочий за 20s. в неделю, оба они были посторонними; в то время как спящие в помещении и на момент моего прибытия погруженные в объятия Морфея были третьими подручными за 16s., и четвертым за 12s. Помимо этой зарплаты у них были определенные привилегии, такие как хлеб, масло, сахар, мука, деньги за мешки, дрожжи и многое другое. & c.; и хозяин, более того, брал на себя соответствующую долю дневной работы. Он сидел перед своим магазином, наслаждаясь прохладным бризом, но не вечерним, а полуночным, когда я предстал перед его изумленным взором. Его жена и дети уже давно вышли на пенсию. Бригадир и второй "подручный" еще не прибыли; третий и четвертый "подручные", как я уже сказал, сладко спали в комнате на цокольном этаже, вне досягаемости пекарни, в которую мы, как пара заговорщиков, спустились. Это было не совсем то место, которое можно было бы выбрать для постоянного проживания, если бы ему предоставили свободу выбора. Возможно, здесь было, как выразился театральный джентльмен мистера Диккенса, пагубно уютно, но вентиляция была удовлетворительной. Там были две духовки, которые, безусловно, поддерживали в помещении температуру выше, чем могло бы быть приемлемо в ту жаркую сентябрьскую ночь. Вдоль стен были расставлены корыта для замешивания теста, а в центре, подобно алтарю-гробнице, находилась роковая "доска", на которой, однако, я тщетно искал следы пота или слез. Все было безупречно чисто. Говоря обычным языком, вы могли "съесть свой ужин" с любой его порцией.

Вскоре после полуночи посторонние вернулись домой, сначала секонд-хенд, а затем и мастер, и, нырнув в "Черную дыру", занялись своими вечерними туалетами. После этого немедленно начались активные действия. В одном из отсеков корыта для замеса теста находилась "опара", которую мастер приготовил рано вечером и которая теперь, после того как она должным образом отстоялась, была смешана с мукой для первого замеса и оставлена для "проверки". Процесс замеса теста продолжался примерно до часу дня, а затем последовали два часа относительного спокойствия, в течение которых рабочие отложили вынесение мешков, которые они ловко скатали в импровизированные формы и, по-видимому, предпочли доске. Расстойка занимает около двух часов, но зависит от температуры. Если тесто оставалось слишком долго, в результате получится кислая замесная масса. Затем его вырезают, взвешивают и "передают наверх", после чего он стоит, пока готовится тесто для второй партии, и те роковые булочки, вокруг которых, вероятно, развернется столько всего в этом соревновании, продвигаются вперед. Следует понимать, что я здесь описываю то, что происходило в моей типичной пекарне. Конечно, детали процесса будут различаться в зависимости от района, времени года и других обстоятельств. Это делает, как предположил мой информатор, расу пекарей обязательно в какой-то степени разновидностью мутабельного рода, которого трудно связать жесткими "жесткими и прочными" линиями. Первая порция отправляется в духовку в четыре часа и выпекается примерно в 5.30. В перерывах между выпечкой готовился сдобный хлеб и "доставались" булочки. Затем формируется "домашняя" масса, которая достается из духовки в

восемь часов. С трех часов и по сей день у всех было достаточно активной работы, и я чувствовал, что сильно мешаю, время от времени удаляясь в уютную комнату учителя наверху, чтобы записать свои переживания. Что касается мужчин, они, должно быть, вообразили, что я сбежавший сумасшедший с безобидными эксцентричностью; а четвертый помощник, который был молод, всю ночь смотрел на меня неподвижным и сонным взглядом, как будто опасался, что со мной случится припадок непокорности. В восемь душная атмосфера пекарни сменилась свежим утренним бризом, когда трое из четырех рабочих отправились разносить хлеб. Бригадир остался с мастером работать над "мелкими товарами" примерно до часу дня, когда тот приготовит закваску для выпечки на следующую ночь. Все заинтересованные лица могут закончить свои операции примерно в час или в половине второго; таким образом, если считать, что они начинаются в половине первого, и вычсть два часа "пота и слез" с часу до трех, когда они могут поспать, если захотят, получается около одиннадцати часов активного труда. Следует отметить, что после окончания доставки хлеба каждому мужчине приходится около получаса работать в пекарне: доставать угли, чистить формы для печенья, чистить посуду и т.д. Когда это будет сделано, все, за исключением мастера, который должен будет заглянуть и приготовить губку в восемь часов вечера, будут свободны до начала своей самой несвоевременной работы в полночь.

В воскресенье работы в этой конкретной пекарне практически нет. Печи должны быть запущены в воскресенье утром; но это мастер делает сам и добавляет закваску, так что вечером остается только приготовить бисквит — короткая часовая работа, которую поочередно выполняют мастер и подсобный рабочий. "Недоучки", как сказал мне мой информатор, зарабатывали большие суммы на воскресной выпечке, часто покрывая за счет них арендную плату, так что отказ от них был бы серьезным вопросом; но в моей типичной пекарне практически не нарушали субботний день. Поскольку воскресной выпечки не было, суббота выдалась более тяжелым днем, чем другие, поскольку в помещениях проводилась общая уборка. Работа, по мнению моего информатора, могла быть сокращена разумным сотрудничеством, и правило "четыре на четыре" могло быть принято в некоторых заведениях, но ни в коем случае не во всех — как, например, там, где специализировались на булочках и сдобном хлебе. Кажется, как обычно, что трудности нарастают, но не из-за предметов первой необходимости, а из-за роскоши и изюминок жизни. Учитель развеял мои непосредственные опасения, сказав, что он едва ли предполагал, что дело дойдет до кризиса. Разница между строительством и выпечкой заключалась в том, что все мастера-пекари сами были подмастерьями и поэтому могли сочувствовать трудностям людей. По-видимому, он думал, что они не были расположены торговаться из-за нескольких шиллингов; но он добавил: "Это вопрос не только труда против капитала, но труда против капитала плюс труда. Я мог бы, - сказал он, - если бы мои люди оставили меня 21-го числа, сам испечь столько хлеба, чтобы накормить всех моих клиентов, только им пришлось бы самим его доставать".

Таким образом, мои худшие опасения рассеялись. Если бы дело дошло только до того, чтобы выйти за своим хлебом и даже отказаться от французских булочек, я бы отнесся к этому по-мужски; поэтому я весело прогуливался по улицам на утреннем воздухе и благополучно добрался домой вскоре после молока и примерно в тот же час, что и сами булочки, о доселе неизвестной истории которых я так далеко продвинулся благодаря своему короткому опыту в пекарне.

ГЛАВА VIII.

ЛОНДОНСКИЙ РЫНОК РАБОВ.

В этом томе есть рассказ под названием "Чудеса путешественников", который когда-то был предметом восхищения нашего детства, когда подрастающее поколение было более веселым и не таким бодрым, как сейчас. Смысл повествования в том, что шутливый пожилой джентльмен по имени капитан Компасс вводит в заблуждение группу подростков — которые, должно быть, были необычайно доверчивы даже для тех ранних дней — описывая таинственными и чуждо звучащими терминами самые обычные предметы домашнего обихода, такие как уголь, сыр, масло и так далее. Может показаться, что Худ, должно быть, разыгрывал подобную шутку над взрослыми детьми, когда писал эти строки:

Как хорошо быть рабыней
Вместе с турками-варварами,
Где женщине никогда не нужно спасать душу,
Если это христианский труд!

Знал ли он, что здесь, в сердце христианского Лондона, не заходя дальше на восток, чем Бетнал-Грин, с незапамятных времен существовал и существует до сих пор настоящий Рынок рабов? Такой есть, и на самом деле он так назван; действительно, менее романтичный, чем тот, о котором мы читали в "Дон Жуане" или который мы привыкли видеть на досках Адельфи в драме "Октороон", — но все же по-своему интересный для тех, кто имеет склонность к той гротескной стороне лондонской жизни, где возвышенное и смешное иногда так странно сочетаются.

Имея в качестве ориентира только расплывчатый адрес Бетнал-Грин и дату утра вторника, я отправился в полицейский суд на Уорлд-стрит, полагая, что смогу получить от полиции дополнительные сведения. Я нашел этих чиновников действительно вежливыми, но склонными соблюдать даже нечто большее, чем официальная сдержанность в отношении Невольничьего рынка. Они достаточно точно сообщили мне местность, но были еще более расплывчаты относительно часа, чем мои собственные впечатления. Фактически, сумма того, что я мог извлечь из них, заключалась, выражаясь слегка хибернианским языком, в том, что смотреть было не на что, и я мог увидеть это в любое время во вторник утром, когда решал пройтись по Уайт-стрит, Бетнал-Грин. Выйдя из здания Суда и выяснив, как мне добраться до Уайт-стрит, я обнаружил, что она поворачивает направо немного дальше по Бетнал-Грин-роуд от станции Шордич. Свернув с главной улицы, вы идете по одной из тех характерных улиц Ист-Энда, где каждый мелкий домохозяин живет за вычурной ярко-зеленой дверью со зловещим молотком, и так до тех пор, пока дорогу не пересекает арка Великой Восточной железной дороги. Прибыв в это место в любое время между восемью и половиной десятого утра понедельника или вторника, вам не нужно говорить, что это рынок рабов в Восточном Лондоне - предположим, вы вообще знали, что в Восточном Лондоне можно увидеть такое явление, как рынок рабов.

Действительно, в "Дон Жуане" не было ничего похожего на яркое описание Байрона. Все наши английские рабы, по-видимому, принадлежали к одной нации, и там не было работорговцев.

Сотня юных леди и джентльменов всех возрастов от семи до семнадцати лет были, как они бы выразились, "сами на крючке". Выстроившись в ряд под глухой кирпичной стеной железнодорожной арки, они в целом имели заплесневелый вид. Вместо живописной разницы в цвете на каждом лице была просто большая или меньшая степень того своеобразного нейтрального оттенка, безошибочно узнаваемого неприятного оттенка лондонской грязи. В этом отношении они также отличались от свежих деревенских парней и девиц, которых можно увидеть при приеме на работу на Севере. Они были просто городскими арабами мужского и женского пола, обладавшими той поразительной способностью сочетать бизнес и удовольствия, которая характеризует их расу. Молодые джентльмены в перерывах между делами — а казалось, что это были только перерывы и никаких дел — посвящали себя играм в баттонс. Каждая из юных леди — боюсь сказать, насколько она была молода — имела своего кавалера и предавалась весьма откровенному флирту. Язык всех без исключения, безусловно, соответствовал обещанию их спонсоров при крещении, если у бедных маленьких беспризорников когда-либо был какой-либо язык — ибо это действительно был очень "вульгарный язык", и его было много. Величайшей сенсацией того утра стало разбитое окно в лавке ни в чем не повинного торговца — далеко не редкое явление, как я узнал от пострадавшего. Это привело к охоте на рабов со стороны единственного полицейского, который время от времени демонстрировал, что соблюдает тишину, насколько это возможно для бурлящей массы человечества; и юная леди или джентльмен, виновные в нанесении ущерба, на утро оказывались "вне рынка", в то время как на страдающего торговца обрушивался шквал оскорблений на сильнейшем саксонском языке за то, что он смиренно протестовал против сноса его оконного стекла.

Сцена была весьма характерной — совсем не похожей на Реестр прислуги в аристократическом Вест-Энде, куда заходят молодые леди и кавалеры джентльменов в поисках мест с высокой зарплатой и "свободной работой". Я приурочил свой визит к утру вторника, немного позже того же дня, и мне сообщили, что рынок был несколько спокойным. Конечно, нельзя было применить к этому технические приемы Фондовой биржи и сказать, что маленькие мальчики были "скучными", а девочки, большие или маленькие, "неактивными"; но раннее утро понедельника, похоже, самое подходящее время, чтобы увидеть Рынок рабов в самом разгаре. Как ни странно, насколько я мог судить, это были сплошь рабы и никаких покупателей — или, скорее, нанимателей. Я не заметил признаков заключения выгодной сделки, хотя мне сообщили, что довольно много мелких торговцев действительно работают на Рынке в качестве мальчиков-продавцов, девочек-нянек или домашней прислуги. Не знаю, была ли моя внешность особенно привлекательной, но количества предложений, которые я получал от прислуги всех мастей, хватило бы, чтобы заполнить полдюжины заведений. "Хотите мальчика, сэр?" "Девочку для ребенка, сэр?" - спросили подростки, в то время как предложения взрослых дам были более выразительными и менее цитируемыми. Все это, конечно, было просто обманом, или, как они бы это назвали, "мякиной", и подразумевалось это достаточно добродушно; хотя, будь я законным нанимателем, я не уверен, что у меня возникло бы искушение пополнить свое хозяйство из этого источника. Действительно, у тех, с кем я консультировался относительно его достоинств, было несколько не совсем приятных размышлений о Рынке рабов. Как мне сказали, не было ничего необычного в том, что рабы, нанятые в понедельник, снова появлялись во вторник утром, либо из-за несовместимости характеров со стороны прислуги и начальника, либо по другим необъяснимым причинам. Утро вторника - это, по сути, в значительной степени просто остаток либо нетрудоспособных, не нанятых в понедельник, либо "вернувшихся". И все

же, оглядевшись вокруг, я увидел — чего только не увидишь? — несколько прекрасных юных лиц; девочек, которые могли бы лучше играть со своими маленькими детьми, потому что сами были почти детьми; и мальчиков со сверхъестественной сообразительностью, готовых к любой работе и способных быть полезными — да, и даже украшением — членами общества, если бы только можно было искоренить этот ужасный Бетнал-гриновский говор. Злоупотребление родным языком даже со стороны этих детей было просто ужасающим. Если бы это было так в их игривом настроении, то что бы было, — невольно задумываешься, — если бы возник какой-нибудь спор по спорному вопросу домашней экономии: как, например, слишком быстрое исчезновение холодной баранины или внезапное отсутствие хозяйских сапог?

Жил-был словоохотливый сапожник, чья лавка граничила с Рынком, и его панацеей от всех бед, которые принес с собой Рынок рабов, был Лондонский школьный совет. "Почему бы офицерам не спуститься и не арестовать кого-нибудь из этих юнцов, сэр?" В самом деле, почему? В настоящее время Рынок рабов, несомненно, является помехой; но нет никаких причин, по которым при надлежащем надзоре полиции он не должен стать местным удобством. Обычай Восточного Лондона во всех отношениях отличается от обычаев Западного, и Регистрация прислуги за это не платит. Хозяева и слуги в равной степени слишком бедны, чтобы афишировать это; и, кажется, нет никаких причин, по которым Рынок рабов под измененным названием и с улучшенными правилами не мог бы так же реально удовлетворять потребности, как это делают сельские "наймиты". Арабам в настоящее время нельзя доверять слишком много свободы. И у мужчин, и у женщин есть свои странные бедуинские обычаи, требующие значительных и разумных манипуляций, чтобы приспособить их к обычаям цивилизованного общества. Респектабельные жители, уставшие от существующего положения вещей, небезосновательно надеются, что Школьный совет сократит количество детей, а полиция будет следить за порядком среди взрослых. При таких условиях Невольничий рынок Бетнал-Грин еще может стать полезным учреждением.

ГЛАВА IX.

ЧАЙ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

На днях я прогуливался по одному из приятных западных пригородов и опрометчиво попытался срезать путь назад; когда, как это обычно бывает, я обнаружил, что чем длиннее был бы путь домой, тем ближе он был бы. Не успел я опомниться, как оказался вовлеченным в лабиринты этого района, священного для прачек и родственных душ, известного как Кенсал-Нью-Таун; и моему дальнейшему продвижению помешал Паддингтонский канал, через который в этой местности через редкие промежутки времени перекинуты платные мосты, к большому дискомфорту часто небогатых местных жителей. Под рукой не было ни одного из них, иначе мои полпенни были бы выплачены в знак протеста; так что мне пришлось блуждать, как заблудившемуся эльфу, по сети полублагородных улочек, которые огибают самую не джентльменскую магистраль, Кенсал-Ньютаунскую дорогу, и сразу же я начал находить окрестности, оклеенные плакатами, объявляющими о "Встрече за чаем и впечатлениями" в местном зале под председательством пастора Свободной Церкви, назначенной на вечер следующего понедельника. Пекарни пестрели рекламными объявлениями, и они пестрели на

многочисленных витринах мясных лавок, где продавалась свинина, соседствуя с жестоко выглядящими кровавыми колбасами и слишком жирными корейковыми отбивными. Я решил, что пойду если не на чай, то уж точно на "Опыт", потому что мне нравятся новые впечатления всех видов: и это, безусловно, было бы ново, назидательно или нет.

В конце концов я выбрался из лабиринта и в следующий понедельник снова рискнул побродить по его лабиринтам, хотя и не ровно в шесть часов, которые были назначены для предварительного чаепития. Я уже сталкивался с подобным раз или два раньше, и никогда не оказывался в таком трудном положении, как в тех случаях. Во-первых, я не люблю чай, когда он хорош; но терпеть не могу, когда его кипятят в котле для мытья посуды и разливают из большой жестяной банки, из-за чего у него неприятный вкус. Но, с другой стороны, количество и качество яств, которые нужно было съесть, были буквально непосильны для меня. Я мог бы обойтись одной чашкой явно противного чая или тем, что сойдет за таковой, но не четырьмя или пятью, которые, как мне показалось, были минимумом. Я мог переварить или тайно рассовать по карманам один-единственный кусочек свинцового пирога или маслянистого хлеба с маслом; но я не мог сделать этого с многочисленными кусками ни того, ни другого. Я никогда не пошел бы на более, чем одну чайную встречу, где я чувствовал себя как дома, и это было в вечер Suisse, который ежегодно проходит в Лондоне, где довольно гельветов девушки варят самый ароматный кофе и раздавать вкусные маленькие пирожные, одевался как они, в их расстрелах национальный костюм и чатутомительный в десятке разных патуа. У меня было предположение, что чай в Кенсал-Нью-Тауне будет гораздо менее подходящим, поэтому я остановился. Возможно, я был предвзят. Чай мог отличаться от того, что я ожидал. Впечатления, безусловно, были.

Я добрался туда около половины восьмого, выдержав интервал в полтора часа, которого, по моему мнению, было бы достаточно для самого заядлого любителя чая, даже среди прачек Кенсал-Тауна, если бы таковые случайно оказались здесь. Однако я принял меры предосторожности и попросил пятнадцатилетнего паренька сопровождать меня на случай, если от остатков пиршества все же придется избавиться, поскольку знал, что он не уступает страусу в убирании съестных припасов, особенно в очереди за кусковыми пирогами. Однако, придя в холл, я не обнаружил никаких признаков присутствия чая, кроме резкого запаха пара и дребезжания удаляющихся чашек и блюдец. Независимо от того, "к выгоде или к потере моего духа", я избежал банкета и все же успел вовремя для последующих событий.

В дверях стояла женщина материнского вида и жизнерадостно пригласила меня войти. Она довольно искоса посмотрела на моего мальчика, но, убедившись, что я трезв как стеклышко, она впустила его в портал. Довольно много молодых джентльменов того же возраста, очевидно, были исключены и развлекались языческими забавами на улице. Зал был частично заполнен респектабельного вида механиками, их женами и семьями, причем жен было больше, чем механиков, а семей больше, чем их обоих. Детей было много, особенно младенцев на всех стадиях младенческого развития. Многие пили материнский чай; мальчики и девочки были одеты в самые праздничные наряды, особенно мальчики, сияющие желтым мылом. Большинство мамочек были в зазорных шляпках, и у многих на спине красовались значки "Следуй за мной", но все они были чрезвычайно хорошо одеты и вели себя хорошо, хотя, очевидно, были переполнены весельем, а также пирожными и чаем.

В конце зала находилась неизбежная платформа со стульями и большой подушкой, перекинутой через переднюю перекладину для удобства молящихся; поскольку "переживания" должны были перемежаться священным пением и молитвой. Два джентльмена — я намеренно использую этот термин — поднялись на трибуну: один - длиннобородый мужчина средних лет в сюртуке, который был пастором, а другой - престарелый священник, престарелый, как я впоследствии выяснил, и не совсем счастливый в своей мирской судьбе. Он был очень стар, седовлас и немощен, в поношенном черном костюме священнослужителя и просторном белом галстуке. Он смиренно, почти уныло сидел рядом со своим младшим братом в министерстве, пока тот произносил веселую вступительную речь, надеясь, что всем приготовили хороший чай; если нет, то оставалось еще около половины банки. Больше никто ничего не хотел; поэтому у них был гимн из "Священного певца", экземпляр которого я купил в холле за два с половиной пенса. Мелодия была воинственной, ее хорошо пел хор мужчин и женщин под аккомпанемент фисгармонии, и я искренне верю, что в ней храбро участвовало, можете не сомневаться, все собрание, за исключением младенцев, а один или двое из них иногда брали ноту. Гимн назывался "О, мы добровольцы!" и был действительно очень воинственным по отношению к Церкви, начинаясь так:

О, мы добровольцы в армии Господа,
Выстраиваемся в шеренгу по слову нашего Капитана;
Нам приказано выступить на поле битвы,
И мы никогда не откажемся от боя, пока враг не сдастся.

Затем последовал припев, повторяющийся после каждого куплета:—

Приходите и присоединяйтесь к армии, к армии Господа,
Иисус - наш Капитан, мы сплавиваемся по Его слову:
Острым будет конфликт с силами греха,
Но с таким лидером мы обязательно победим.

Бедный старый священник вознес короткую молитву. Пастор прочитал 1-е послание к Коринфянам, главу 13, и кратко объяснил, что там подразумевается под благотворительностью; добавив, что это собрание было очень похоже на одну из Агапе ранних христиан — замечание, которое я не ожидал услышать на том собрании. Затем был еще один гимн, "Прекрасная земля покоя", когда приятно было слышать, с каким благоговением произносится второй слог припева:

Иерусалим,
Прекрасная земля покоя, Иерусалим.

После этого "Переживания" начались по-настоящему серьезно. Братьев и сестер призвали отбросить застенчивость и подняться на платформу. Конечно, поначалу никто этого не хотел делать, и бедному трясущемуся старому министру пришлось прийти на помощь.

Он рассказал нам, пожалуй, чересчур пространно, простую историю своей жизни — о том, что он был сыном фермера и у него было несколько братьев "помимо него самого". Ему приходилось заучивать стихи из Библии для своего отца, что раньше шло вразрез с обычаями, пока, наконец,

вместо того, чтобы быть "злым мальчиком", он не занялся религией самостоятельно. Он начал бояться, что в случае смерти попадет в "плохое место", и поэтому начал читать свои молитвы. Его брат Джордж обычно толкал его, когда он молился полуодетый в спальне, или время от времени разнообразил процесс, взбалтывая его подметальной щеткой. Наконец он нашел тихое местечко под стогом сена и удалился туда помолиться. Старик нарисовал прекрасную картину первой молитвы, вознесенной таким образом, и сказал нам, что помнит каждую мельчайшую деталь этого места и огромного дуба, раскинувшего над ним свои ветви. "Вот я здесь, - сказал он, - бедный старый пилигрим, которому уже перевалило за семьдесят, и все же я все это помню. Я говорю "светлая" сторона, потому что я знаю, что это светлый дом, в который я скоро попаду". Затем он рассказал нам, как Бог забрал у него жену и все его мирские блага, и он был весьма красноречив по поводу того, каким утешением была для него его религия сейчас, когда он шел в свое маленькое одинокое жилище. Затем он нарисовал слишком правдивую картину положения вещей, которое видел вокруг себя в Кенсал—Нью-Тауне - матери с младенцами на руках, толпящиеся у дверей таверны; и закончил рассказом, не усматривающим неуместности, о прекрасной даме, которая пошла в "театр", и сказала, как ей понравилось предвкушение, затем сама пьеса и, наконец, мысль о ней после. Ее подслушал верующий пастор, который сказал ей, что она упустила одну деталь. "Нет, - сказала она, - я рассказала вам все". "Вы рассказали нам, как вам понравились мысли о театре, само представление и воспоминания о нем впоследствии; но вы не сказали нам, как вам понравятся мысли об этом на вашем смертном одре". Конечно, "прекрасная леди" была обращена на месте, как это всегда бывает в трактатах; и добрый старина мало-помалу завершил свое многословное повествование о пережитом, причем пастор не стал дергать себя за фалды фрака, как он обещал сделать, если кто-нибудь из выступающих превысит отведенное время. "Люди, безусловно, были очень внимательны, слушая его", и один мужчина рядом с моим мальчиком выразил свое удовлетворение, издавая тихие стоны, похожие на выстрелы, с частыми интервалами.

Затем был исполнен еще один гимн, "Прекрасная страна в вышине", который, кстати, является любимым у спиритуалистов на их "Лицевых сеансах". Я почти ожидал увидеть призрачное лицо, выглядывающее из какого-нибудь углового шкафа, как я часто делал со своими духовными друзьями — это был еще один опыт, который я культивирую с большим интересом и любопытством. Когда гимн закончился, на сцену поднялся чернобородый мужчина в вельветовом пальто с мягким голосом и рассказал нам, что когда-то главной радостью его жизни было заставлять собак драться. Когда животные не были достаточно драчливы сами по себе, его привычкой было сконструировать приспособление, состоящее из булавы на конце палки, и таким образом побуждать их к бою, пока это не оказывалось смертельным для одного из них. По его словам, это была ужасная работа; и теперь он считает ее прямым происком сатаны. Другим любимым занятием было прерывать работу миссионеров на открытом воздухе. Однажды после этого он пошел домой с товарищем, который взял брошюру у одного из миссионеров. Он поссорился со своей "хозяйкой". "Не та хозяйка, что сидит вон там, - сказал он, имея в виду элегантную леди впереди, - а моя первая хозяйка". Чтобы показать свое недовольство своей хозяйкой, он принялся читать трактат, и вскоре это довело его до слез. Затем он пошел в часовню и услышал проповедь о том, как жена Лота превратилась в соляной столб. Это его немного развеселило, и он повидался со священником в ризнице, но вскоре снова впал в дурные привычки, распевая канареек по 10 секунд 6d. часов в день. Однажды воскресным утром, когда он выводил свою птицу, дно клетки отодвинулось, и канарейка

сбежала. Он рассматривал это как "Божий промысел", поскольку это заставило его пойти в часовню в то утро. Вскоре последовало его обращение, и он очень уместно применил к этому обстоятельству Притчу о блудном сыне, завершив ее строфой из хорошо известного гимна -

Бог действует таинственным образом,
совершая Свои чудеса.

За ним последовал еще один усатый мужчина. Он был удивительно хорошо одет, хотя и сказал нам, что он всего лишь простой чернорабочий. Он давно отдал свое "искусство" Богу, но без особой цели, пока не пришел в эту часовню. "Но там, - сказал он, - в том углу, под газовой лампой, я впервые помолился. Я молился, чтобы Бог забрал мое каменное "искусство" и дал мне "искусство плоти" и обновил во мне правильный дух ". С того времени он начал новую жизнь. Его товарищи по работе начали насмехаться над этой переменой и с иронией сказали, что им тоже следовало бы начать ходить в церковь. "Молю Бога, чтобы вы это сделали", - был его ответ. Он описал личное влияние пастора на него, которое укрепило принятые им благие решения и позволило ему сказать: "Я не позволю Тебе уйти".

Слушая простые, искренние слова оратора, я не мог отделаться от мысли, что здесь был элемент, который Национальная Церковь слишком склонна игнорировать. Римско-католическая церковь ухватила бы за этого человека и поместила бы его в рабочую гильдию или братство. Свободная церковь нашла ему работу и предоставила ему почетное место в синагоге, а также возможность рассказывать о своих "переживаниях" с трибуны. Конечно, лучше либо то, либо другое, чем влачить жизнь в трактире или становиться оратором в пивной. В конце он оплакивал себя за то, что так поздно отложил перемены, и добавил пожелание, чтобы все трудящиеся классы могли увидеть то, что довелось увидеть ему, в чем заключаются их главные интересы, а также счастье.

За ним последовал высокий мужчина из хора, который был значительно более сдержанным, чем двое других ораторов. С самого начала он сказал нам, что был "христианином" четырнадцать лет. По его словам, было принято считать, что большие люди добродушны. Он не был маленьким человеком; но пока он не отдал свое сердце Богу, он никогда не был добродушен. Тридцать два года он воспитывался в Англиканской церкви, но не нашел там обращения. У него не было желания выступать против Церкви, но таков был случай. В те годы он много странствовал, переходя от римско-католической церкви к Старой методистской, но последняя его успокоила. Однажды вечером он присутствовал на классном собрании в Кенсал-Нью-Тауне, и внезапно им овладело решение, что он не уснет этой ночью, пока не преклонит колени и не помолился вместе со своей женой, хотя это будет первый раз, когда он сделает это за тридцать два года. Когда пришло время ложиться спать, мужество покинуло его. Он не мог лечь в постель; и ему не хотелось говорить жене почему. "Это, - сказал он, - меня беспокоил дьявол". Его жена сказала: "Я знаю, что с тобой. Ты хочешь помолиться. Мы посмотрим, что мы можем сделать". Его жена, по его словам, была "необращенной", но все же в тот раз она "распахнула дверь". Он сказал, что никогда не знал счастья, пока не пришел к Иисусу; и добавил: "О, я действительно люблю моего Иисуса". Он часто разговаривал со своими коллегами по работе о состоянии их душ, и они спрашивали его, как получилось, что он был так уверен в обращении (вопрос, который, я думаю, хотели бы решить другие, а не они сами), и он отвечал им: "Я чувствую это. Раньше мне было не по себе, а теперь я счастлива. Я не так сильно

удивляюсь старым мученикам, смело идущим на костер, потому что я чувствую, что мог бы сделать все, что угодно, только не отказаться от моего Иисуса".

Вслед за этим пастор, предвидя уход части собравшихся — поскольку часы показывали десять, — объявил о Собрании трезвости на следующий понедельник, а также сказал, что ему хотелось бы, чтобы прихожане проводили эти собрания полностью за свой счет, без какого-либо "церковного" элемента вообще, и чтобы Чаепитие проходило "Свободно и непринужденно" в лучшем смысле этого слова.

Я пошел — стоит ли мне в этом признаваться? — на встречу experience meeting, скорее склонный к насмешкам, и остановился, если не совсем для того, чтобы помолиться, то, по крайней мере, очень серьезно подумать о ценности инструмента, применяемого таким образом к такому неподатливому материалу, как население Кенсал-Нью-Тауна. Более громоздкий, даже если более совершенный или отшлифованный механизм Существующей Церкви, как известно, долгое время не мог воздействовать на такой сырой материал; и если он начинает преуспевать, то на самом деле это происходит благодаря "извлечению листка из книги" таких пасторов, как тот, на встрече за чаем и опытом которого я присутствовал. "Palmarum qui meruit ferat."

Элемента Стиггинса, я должен, по всей справедливости, сказать, что такового не было. Пастор был простым, но утонченным и джентльменским человеком; таким же был и бедный сломленный старый священник. Не было никаких признаков буйства или разглагольствования, никакой вульгарности или безвкусицы. Собрание в благочинии или епископальном дворце не могло быть более благопристойным, и я сомневаюсь, что гимны были бы исполнены так же сердечно. Канцелярского крахмала было так же мало, как и противоположного элемента. Устранение угловатостей характера было одной из целей, которые пастор действительно предложил в результате этих собраний; и я действительно почувствовал, как будто один или два уголка исчезли из моего телосложения. Если мужчина склонен к педантизму, или дама исключительно разбирается в религиозных вопросах, я бы порекомендовал тому или иному воспользоваться следующей возможностью и посетить встречу за чаепитием в Кенсал-Нью-Тауне.

ГЛАВА X.

ВОСКРЕСНОЕ ПЕНИЕ КОНОПЛЯНКИ.

В идее коноплянки, поющей в Lock's Fields, есть что-то очень аркадское и не похожее на кокни. Воображение с такой готовностью рисует зеленые пастбища и пение диких птиц, Коридона с его свирелью и его Филлис, что, кажется, жаль разочаровывать эту изысканную способность нашей природы настолько, чтобы предположить, что коноплянки, о которых мы говорим, не дикие, а ручные, в клетках, и поля здесь гораздо менее сельские, чем в Линкольнс-Инн. Это было объявление, которое привлекло меня на Нью-Кент-роуд недавним воскресным утром, чтобы послушать то, что бедный кокни Китс назвал "нежноногими коноплянками": "Птичье пение.—Проводится матч между Томасом Уокером (чемпионом Бермондси) и Уильямом Хартом (чемпионом Уолворта), которые в воскресенье споют две коноплянки по 2л. с каждой стороны;

птицы должны быть наготове ровно в два часа; ведущий будет судьей. 10с. уже закончились; остаток к девяти вечера, в "Веселых мясниках", Родни-роуд, Локс-Филдс. Кроме того, в тот же день шесть пар коноплянок споют "медный чайник"; первая пара выступит в половине седьмого вечера. Любому лицу, которому потребуется указанное помещение для спичек и т.д., при подаче заявки принимающей стороне будет немедленно дан ответ".

Родни-роуд, да будет вам известно, совсем не романтическая улица, ведущая от Нью-Кент-роуд, недалеко от Слона и Замка; а караван-сарай, носящий название "Веселые мясники", представляет собой непритязательную пивную, без внешних и видимых признаков особенного веселья. Войдя, я встретил своего хозяина, румяного и достаточно веселого, который вежливо проводил меня наверх, когда я сообщил, что отправляюсь на поиски коноплянки. Ареной состязания, как я обнаружил, была довольно просторная комната, где уже собрались около двадцати или тридцати джентльменов, выглядевших совсем не аркадийцами, и единственным дополнением, хоть сколько-нибудь характерным для этого пасторального района, были их трубки, которыми они старательно попыхивали. Все нежноногие конкурсанты, как за деньги, так и за медный чайник, висели в маленьких квадратных зеленых клетках над камином; и больше всего мне приходила в голову мысль о том, насколько хорошо коноплянки, должно быть, приправлены к табачному дыму, если они вообще могут петь в атмосфере, которую эти Коридоры так старательно загрязняют. Коридон, помимо своей трубки, заказал орехи и пиво, чтобы скрасить скуку тех четверти часа, которые еще оставались до того, как "Бермондси берд" и ее уолвортский антагонист будут "схвачены"; и время от времени заглядывали новые коридоны, пока не собралось человек пятьдесят-шестьдесят. Все они были одного типа. Во внешнем облике каждого было заметное "птичье" сходство; ибо птичье сходство, так же как и лошадиное, накладывает свой отпечаток на лицо и одежду. В последнем отделе была склонность к толстым бушлатам и объемным белым стеганым одеялам вокруг шеи, хотя день был весенний и в комнате было душно. Беседа была громкой, но не буйной и украшена меньшим количеством изящных оборотов речи, чем можно было бы ожидать. За пять минут до двух птиц, не участвовавших в соревнованиях, тщательно завернули в носовые платки и отнесли в клетки подальше от ушей, чтобы их щебетание не могло вдохновить соревнующихся менестрелей. Бермондси и Уолворт одни заняли гвозди. Ставок почти не было сделано. Они казались небогатым сборищем, собравшимся просто ради спорта. Один джентльмен действительно предложил поставить на кон "вот этого хвастливого боба", как будто имевшийся у него шиллинг был редкостью, о которой его друзья наверняка должны были знать. В чем заключался оккультный смысл эпитета "Напыщенный", я понять не мог, но желающих не нашлось; и после того, как окна были открыты на несколько минут, чтобы очистить атмосферу, они снова закрылись; дверь заперли; два маркера заняли свои места за столом перед птицами с кусочками мела в руках; хозяин дома встал рядом в качестве судьи на случай споров; было объявлено время; и четверть часа царила безраздельная тишина, нарушаемая только вокальными выступлениями чемпионов Бермондси и Уолворта соответственно. Если несчастный человек забывался настолько, что кашлял или неосторожно наступал на ореховую скорлупу, его призывали к молчанию негромкими, но глубокими проклятиями.

The Walworth bird открыли концерт блестящим соло в качестве увертюры, о чем музыкальный критик должным образом сообщил в виде меловой линии на столе. Продолжительность излияния не имела значения; длинная ария или блестящая, но судорожная каденция - каждая имела значение одна, и только одна. Птица Бермондси, не обращая внимания на поставленный на карту вопрос, посвятила драгоценные минуты еде, не издавая ничего, кроме жалобного

щебета, который не считался; а его владелец стоял рядом со мной, явно огорченный и обильно потеющий, то ли от волнения, то ли от излишнего наряда. Прошла почти половина времени, прежде чем Бермондси проявил свою мощь. Тем временем Уолворт максимально воспользовался возможностью, спев в манере, на которую я и не подозревал, что коноплянки способны. В "Репертуаре Уолворта" были заметки и отрывки, достойные канарейки. Птица, без сомнения, чувствовала, что на карту поставлена репутация отечественного искусства, и пела с напором, рассчитанным на то, чтобы отбросить иностранных пернатых художников в тень. Очевидно, Бермондси лучше всего пел после обеда, поэтому он обедал как олдермен; и все же обедал, увы! не мудро, но слишком хорошо, или, скорее, слишком долго. Затем он сначала спел вызывающую руладу или что-то в этом роде, как бы говоря: "Ты можешь превзойти это, Уолворт?" - и остановился, злобно склонив голову набок, в ожидании ответа. В этом ответе не было недостатка, потому что Уолворт был в восторге от успеха; и нельзя было не пожалеть о незнании птичьего языка, чтобы точно понять, что означал этот ответ. Затем последовал затяжной дуэт двух птиц, который стал кульминацией всего представления. Тишина становилась невыносимой. Я не мог не поздравить себя с тем фактом, что ни один Коридон не привел свою Филлис; потому что Филлис, я уверен, не смогла бы этого вынести. Филлис, я уверен, захихикала бы. Мы оставались немymi, как мыши, серьезными, как судьи. Призрак щебета был встречен немymi знаками одобрения покровителями каждой птицы; но взгляд на выразительные черты лица ведущего предупредил маркеров, что нельзя записывать мелом ничего, что не соответствовало бы его представлению о пении. Если бы от его кивка зависели судьбы империй, он вряд ли выглядел бы более пророческим. Но сейчас Уолворт мог позволить себе относиться к делу легко. В течение последних пяти минут Бермондси берд исполняли большую часть музыки; тем не менее, это было безнадежное дело. Успех не зависел от карт. Мало-помалу снова объявили время. Вавилонское столпотворение возобновилось, и результат был следующим:

Уолворт 3 балла 18

Бермондси 1 балл 10

Это было поистине позорное поражение; и если бы кто-то был расположен к морализаторству, то нетрудно было бы извлечь из него мораль. Это был случай не "нет песни — нет ужина", а ужина — или, скорее, ужина- и без песни. Бермондси потерпел неудачу в артистической борьбе не из-за недостатка сил, как доказали его блестящая роль в дуэте и последующие soli, а просто из сибаритской любви к земным удобствам. Я рискнул предположить, что, возможно, было бы целесообразно удалить семя, но мне сообщили, что при таких обстоятельствах это существо — его владелец назвал его более уродливым именем — вообще не запело бы. Примечательной частью этого бизнеса для меня было то, что они действительно пели в нужное время. Они не произносили ничего, кроме щебета, пока не наступила тишина, и с этого момента то один, то другой пели не переставая. Я полагаю, это из-за тишины. Я заметил, что не только птицы в клетках, но и дети, не говоря уже о представительницах прекрасного пола, как правило, наиболее свободно разговаривают, когда человек молчит и, по—видимому, хочет, чтобы так и оставалось.

Соревнование, однако, закончилось, ставки уплачены, и Коридон снова взялся за свою пасторальную трубку — не без пива. Это был новый опыт, но не очень захватывающий — по крайней мере, для меня. Очевидно, что для подавляющего большинства посетителей он имел

свои привлекательные стороны. На самом деле, Родни-роуд вообще "птичий" район. Судя по магазинам, основными продуктами здесь были птицы и пиво. Хозяин дома очень настаивал на том, чтобы я остался на вечернее представление, когда должны были петь шесть птиц, и посетителей было бы больше. По прошествии примерно пяти часов я выразил сожаление по поводу своей неспособности остаться, оставив при себе свое мнение, что пять часов в Локс-Филдс могут оказаться совсем не привлекательными, а Коридон в большей силе может не оказать приятного эффекта на это и без того душное помещение. Так что я удалился, между прочим, сильно удивляясь, какая странная ассоциация идей могла побудить человека с богатым воображением предложить такую неуместную награду, как медный чайник, в качестве премиума за пение коноплянки.

ГЛАВА XI.

ДЕБАТЫ О ПРАВАХ ЖЕНЩИНЫ.

Никогда еще не было такого времени, когда по самым разным вопросам, от месмеризма до прав женщин, дамам было что сказать в свое оправдание. Существует древняя ересь, которая гласит нам, что в большинстве случаев последнее слово остается за дамами; но несомненно то, что сейчас они делают так, чтобы их услышали. Я знал, что в особом вопросе о своих так называемых "Правах" абстрактная Женщина была чрезвычайно категорична - насколько категорична, я не совсем осознавал, пока не увидел с крыши омнибуса, направлявшегося в Город, что дама, которую я опишу под аристофаническим именем Праксагора, будет читать лекцию в Кооперативном институте на Касл-стрит. Я пошел и сотрудничал так далеко, что стал одним из слушателей этой дамы. Ее тема — "Политический статус женщин" — была явно привлекательна не только для тех, кого мы по наивности привыкли называть слабым полом, но и для тех, кто вскоре докажет им ошибочность называния себя сильными. Приличное собрание собралось в прекрасном зале Кооперативов, чтобы присоединиться к разрушению этого древнего мифа о превосходстве мужского пола. Моим первым намерением было передать дословно или почти так речь Праксагоры на эту тему; и если я изменил свой план, то не потому, что эта леди не заслуживала того, чтобы о ней рассказывали. Она сказала все, что можно было сказать по этому вопросу, и сказала к тому же чрезвычайно хорошо; но когда лекция, длившаяся пятьдесят минут, закончилась, я обнаружил, что за ней последуют дебаты; и я подумал, что можно было бы добиться большего, описав последовавшее за этим столкновение мнений, чем просто процитировав слова какого-либо одного оратора, какими бы красноречивыми или исчерпывающими они ни были.

Я признаю со страхом и трепетом — ибо это деликатное, опасное признание, — что, как правило, я не сочувствую дамам, которые разглагольствуют о правах женщины. Я не хочу сказать, что мне не хватает сочувствия к этой теме — я бы хотел, чтобы у каждого были свои права, и особенно у женщин, — но иногда они отстаиваются таким молотобойцем, а дамы, которые их высказывают, настолько склонны к размаху и визгливым голосам, что само их телосложение доказывает, что их притязания либо излишни, либо нежелательны. Я уверен, что, на какое бы положение в семейной жизни ни были поставлены эти дамы, они имели бы свои полные права, если не нечто большее; а что касается парламентских прав, я трепещу за

незащищенных мужчин, если такие вираго когда-нибудь получат избирательное право; или, что еще хуже, реализуют амбиции аристофановых экклезиастов и сядут на скамьи собора Святого Стефана, одетые в нижние одежды волосатого пола. Во ночь во вторник ничего подобного не было. По манерам и внешности наша нынешняя Праксагора была насквозь женственной, и ее очень спокойные манеры произвели на меня впечатление сознания власти и решимости использовать ее. Ее голос был мягким и серебристым, почти как у самой мисс Фейтфулл; и когда в начале своей лекции она потребовала снисхождения на том основании, что никогда раньше не выступала в общественном зале, нам пришлось протиснуться к передним скамьям, чтобы уловить модулированные тона, а мужчин, которые входили, громыхая тяжелыми ботинками, во время лекции сурово утихомиривали женщины из аудитории.

Отрицая связь с каким-либо обществом, Праксагора по-прежнему использовала первое лицо множественного числа, говоря о доктринах и намерениях униженных женщин. "Мы" чувствовали то-то и то-то; "мы" намеревались сделать то-то или то-то; и, конечно, ее дело выиграло от привнесенного таким образом элемента таинственности, а также от ее собственного несомненного умения обращаться с предметом. Когда "мы", как видно, относятся к вышеупомянутым дамам с наглыми голосами и несколькими представителям противоположного пола, которые, по-видимому, сменили натуру на нежную, которую они отстаивают, это местоимение множественного числа является противоположностью внушительности, но "мы" Праксагоры привнесло элемент благоговения, хотя бы по принципу *omne ignotum pro magnifico*. Самым решительным образом она преодолела биржевые возражения против предоставления женщинам франшизы и сбила их с ног одного за другим, как множество кеглей. Это желанное преимущество в виде права голоса, которое, как она доказала, лежит в основе всего процесса возрождения женщин. Она утверждала, что женщина должна иметь свою долю в принятии законов, по которым ею управляют, и опровергала популярное утверждение о том, что, поступая таким образом, она покинет свою сферу деятельности. На самом деле, мы все были с ней до определенного момента, а большая часть аудитории - после этого момента. Что касается меня, то, признаюсь, я был обескуражен, когда, самым исчерпывающим образом разобравшись с другими аспектами предмета, она перешла к религиозной фазе и, задав вопрос о том, что Библия и религия ущемляют права женщины, начала то, что показалось мне яростной атакой на каждый из них.

Теперь я случайно знаю — то, чего, возможно, не знают те, кто смотрит с другой точки зрения, — что эта агрессивная позиция, столь неоправданно принятая защитниками прав женщин, рассчитана на то, чтобы помешать делу больше, чем на что-либо другое; и суть и манеры были настолько противоположны враждебности до того момента, как она без промедления перешла к религиозному вопросу, что это совершенно застало меня врасплох. Я знал множество людей, которые, когда они пришли с решительным протестом послушать мисс Эмили Фейтфулл на ту же плодотворную тему, ушли обращенными, потому что не нашли подобного иконоборчества в ее учении. Они пришли посмеяться и остановились, на самом деле не для того, чтобы помолиться, а для того, чтобы очень внимательно выслушать тему, в пользу которой так много можно сказать, что жаль усложнять ее отстаивание введением постороннего и труднейшего вопроса. Однако так оно и было; с бледным, серьезным лицом и более резким, чем раньше, акцентом Праксагора сказала, что если Библия и религия стоят на пути прав женщин, то Библия и религия должны исчезнуть. Такова была суть ее замечаний. Мне нет необходимости следить за ней в деталях, потому что дополнительный вопрос звучал еще более горько; и, если бы она не читала из MS. Я бы подумал, что лектор была увлечена своим предметом; но нет, она совершенно

спокойно читала то, что было достаточно ясно выражено ее естественными и обдуманно выраженными мнениями. Я сказал, что был удивлен выбранной ею линией. Возможно, мне и не следовало этого делать, потому что с одной стороны ее окружал мистер Брэдло, а с другой - мистер Холиоук! но я никогда не помню, чтобы меня так поразило контраст, как когда в какой-то момент Праксагора изобразила красоту благоустроенного дома и нежное отношение женщины к маленьким детям, а затем перешла к яростным нападениям на Библию и религию, которые казались настолько неуместными, что ни один противник, желающий нанести ущерб общему делу, не смог бы изобрести более совершенного метода для этого.

Лекция закончилась, председатель пригласил к обсуждению, и свирепый маленький рабочий немедленно поднялся на трибуну и отчитал Праксагору за ее опрометчивый натиск. Но, как обычно, этот джентльмен был совершенно неуместен и увлекся своим похвальным рвением. Снова и снова его приходилось вызывать на допрос, пока, наконец, он не настроил против себя всю аудиторию и не был вынужден резко сесть посреди своего рода апофеоза моисея — насколько я мог слышать, поскольку его рвение превосходило его красноречие, равно как и благоразумие, и делало его едва слышным. За ним последовал второй оратор, и, хотя он искренне сочувствовал выступлению и объяснял неспособность женщины ее поработанным состоянием, он выразил сожаление по поводу того, что такой тревожный элемент, как религия, был смешан с социальными притязаниями. Он считал, что такая тема неизбежно должна стать яблоком раздора. За это он сразу же подвергся суровому обращению со стороны мистера Брэдло, который достаточно последовательно защищал линию Праксагоры по отношению к религиозному вопросу и оправдывал введение этой темы обвинением в неуместности. Он также осудил удивление, которое последний оратор выразил по поводу превосходного выступления Праксагоры, указав, что в Америке около трети представителей прессы составляют женщины, и этот факт он приписал плану смешанного образования. Затем громкоговоритель открыл новую линию — разобрать их названия было так же невозможно, как услышать, как носильщики объявляют станции в метро. Он предсказал, что если бы женщины получили франшизы "Мистер Темпл Брэдло было бы" заткнуть за шесть месяцев, а также тех, гг. Войсей и Конвей и доктор Perfitt. Дамы, сказал он, находятся под влиянием условностей и влияния священнослужителей, и пока вы не обучите их, вы не сможете безопасно предоставить им право голоса.

Молодой Добрый тамплиер взошел на трибуну, чтобы метафорически похлопать Праксагору по спине, а также высказать свое собственное мнение об апатии рабочего человека, заявляющего о своем голосовании. Затем кто-то встал и стал отрицать, что женщины по своей природе богословы. Их добродетели превосходили достоинства мужчин, так же как их голоса были на октаву выше. Он был за то, чтобы Государственный департамент нравственности возглавляли дамы. Заговорила только одна дама, бойкая молодая женщина в матросской шапочке, которая сказала, что во время религиозных преследований преследователями были мужчины, а не женщины; и тогда Праксагора поднялась, чтобы ответить. Прежде всего, она объяснила свою позицию по отношению к Библии, на которую, как она отрицала, напрасно нападала. Библия запрещала женщине говорить; и, раз это так, Библия должна оставаться в стороне, потому что "мы" собирались говорить. То, что высочайший интеллект формировался по библейским образцам, она опровергла, приведя в пример Шелли. Если бы она думала, что это движение уничтожит женственность ее пола, она бы и пальцем не пошевелила ради его продвижения. Она лишь думала, что это придаст более высокий стиль женственности. Что касается женщин, которым требуется образование, прежде чем они научатся пользоваться избирательным правом, она торжествующе указала на правительство, которое мужчины привели к власти. По

ее словам, важно, что первым проявлением права голоса трудящихся было приведение к власти Консервативного правительства.

Осмелюсь предположить, что я ошибаюсь, но впечатление, оставленное у меня обсуждением, заключалось в том, что заявленная свобода мысли и действия — это свобода думать так, как "мы" думаем, и делать то, что "мы" хотим, чтобы сделали, - процесс, который до сих пор ошибочно принимали за абсолютную свободу. Лишенная агрессивных дополнений, защита Праксагорой своего главного предмета была бы чрезвычайно красноречивой из-за того факта, что в ней сочетается такая абсолютная женственность личности, характера и чувств с таким энергичным отстаиванием доктрины, против которой, как я полагаю, не существует никаких предубеждений. Однако упомяните религиозную трудность, и вы немедленно противопоставите ей множество предрассудков, разумных или наоборот, сейчас не имеет значения. Меня беспокоит только неразумность того, что я вызвал их к существованию. Признаюсь, я думала, что христианство было средством поднять женщину из состояния восточной деградации до положения, которое она занимает в цивилизованных странах. Но я был там только для того, чтобы слушать, а не говорить; и, признаюсь, я ушел в раздвоенном настроении. Я был доволен статьей, но меня раздражала мысль о том, что дама, имеющая такие превосходные карты, должна рисковать, играя в проигрышную партию.

ГЛАВА XII.

ВСТРЕЧА В ТИЧБОРНЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.

Когда Сидней Смит из глубин своего варварского невежества попытался возвыситься до концепции пьюзеита, он сказал по существу примерно следующее: "Я не знаю, чего хотят эти глупые люди, кроме как возродить все устаревшие обычаи, которым здравый смысл человечества позволил уснуть". Пьюзиизм не подходит для нашей нынешней цели; но тичборнизм подходит, поскольку он достиг достоинства настоящего "изма", и мы можем определить его во многом тем же методом, как попытку, на самом деле, не возродить притязания, но вернуть обществу человека, который после беспрецедентно долгого судебного процесса был отправлен вердиктом присяжных и последующим приговором лорда Главного судьи на, возможно, неуместную пенсию в тюрьме Миллбэнк. С правильностью или неправильностью такого события мне просто нечего делать. Я покинул процесс над Тичборном на ранней стадии в состоянии крайнего замешательства; и как только пожилой джентльмен попытался застегнуть мне пуговицы и доказать, что он должен быть тем человеком, иначе он не мог быть тем человеком, я ушел или сменил тему разговора так быстро, как только мог.

Но когда этот вопрос был наконец решен более мудрыми головами, чем моя, и когда я почувствовал, что могу писать спокойно, не опасаясь, что на моих глазах мне предъявят иск за неуважение к суду, признаюсь, плакат, объявляющий о собрании Тичборнов под открытым небом на крикетном поле мистера Уоррена в Ноттинг-Хилле, был слишком увлекателен для меня. Я слышал о подобных собраниях в провинциальных местах и залах Ист-Энда; но это вторжение на Запад открывало новые горизонты. Я бы пошел; в общем, я пошел. Вечером исключительно жаркого июльского дня я почувствовал, что могут быть места похуже, чем

продуваемая свежим воздухом крикетная площадка мистера Уоррена рядом с фермой Ноттинг-Барн; поэтому шесть часов, час, когда нужно было занимать кресло, застали меня на месте — первом во внешнем мире — и опередил меня только одинокий тичборнит. Я не говорю, откуда я знал, что джентльмен, о котором идет речь, заслуживает этого названия; но я инстинктивно чувствовал, что так оно и было. На нем был блестящий черный сюртук, как на зажиточном ремесленнике, отправившемся в отпуск, а из кармана торчал свиток бумаги, который, как я справедливо предположил, был петицией Тичборна на подпись. Как только мы ступили на землю, и я наслаждался ощущением хрустящего, хорошо укатанного дерна под ногами, в поле зрения появился мужчина со столом, и это привлекло внимание нескольких наблюдателей. Джентльмен в светлом пальто, который безмятежно взирал через изгородь на крикетный клуб Кенсингтон-парка на соседней площадке, был, как мне сообщили, мистером Гилдфордом Онслоу. Однако главным гением заведения была миссис Уоррен, которая, одетая в изумрудно-зеленое платье, как будто присутствовала на собрании фениев, суежилась в состоянии сильного возбуждения, пока не прибыла тележка зеленщика, которая должна была служить трибуной. Когда это произошло, стол и полдюжины виндзорских стульев были водружены на него; еще один стол был установлен под фургоном, с разложенной на нем Петицией Тичборна; и я решил, что приготовления завершены.

Однако это не так. Джентльмен в блестящем пальто и миссис Уоррен изумрудно-зеленого цвета между ними прикрепили к краю фургона длинный свиток или "легенду", состоящий из текста из Псалма xxxv. 11: "Лжесвидетели восстали против меня. Они возложили на меня ответственность за то, чего я не знал". Ассоциация идей была гротескной, я знаю, но на самом деле, когда миссис Уоррен и блестящий ремесленник прибавляли эту полоску к фургону зеленщика, они очень напомнили мне викария и подругу, "делающих украшения" на Рождество или Пасху. И это было еще не все. Когда "странное устройство" было должным образом скреплено жестью, несколько рабочих принесли четыре длинных куса брусчатки, к которым была прибита вторая полоска белого коленкора с наклеенными на нее буквами; и когда крепкие парни подняли его в воздух и привязали два центральных куса дерева к колесам тележки зеленщика, я обнаружил, что это была Девятая заповедь. Самоотверженные плотники должны были удерживать - и удерживали — внешние шесты наподобие знамени в течение всего вечера; и, за одним небольшим исключением, это знамя со странным рисунком № 2 служило подходящим, если не совсем декоративным фоном для фургона зеленщика. Во время этих слушаний собралась кучка людей, и я был смущен, обнаружив, что на меня обычно указывают как на мистера Онслоу, поскольку этот джентльмен удалился в уединение соседнего жилища мистера Уоррена. Позже меня приняли за детектива, потому что в своей невинности я время от времени удалялся от толпы и, сидя на поросшем зеленью берегу, делал пометки в своей записной книжке; но мало-помалу это навело на меня такой дурной запах, что я счел за лучшее воздержаться и довериться памяти. Некоторые из младших мальчиков также утверждали, что я сам сэр Роджер, но их юношеские мнения были слишком явно ошибочными, чтобы иметь вес.

В должное время фургон заняли мистер Онслоу, преподобный мистер Бакингам (к которому я, конечно, испытывал большое любопытство), мой блестящий мастер и еще несколько человек. Джентльмен с худощавым лицом, имени которого я не разобрал, был избран председателем и объявил нам, что ему следует немного поговорить, чтобы господа. Онслоу и Бакингам могли бы "освежиться", поскольку каждый из них приехал из провинции. Это они сделали coram publico в тележке, в то время как председатель развлекал нас. Ветер тоже дул довольно свежий, и особенно сильно дул на Девятую заповедь, что доставляло немало хлопот держателям

реквизита. К тому же это было прямо по зубам оратору — договоренность, которую миссис Уоррен в своем рвении упустила из виду; и по общему согласию было решено "повернуть собрание вспять", то есть развернуть стулья ораторов так, чтобы Девятой заповеди нигде не было, и она выглядела как египетский иероглиф, поскольку перевернутые буквы смутно проступали сквозь ситец. В конце концов председатель зачитал собранию, которое теперь было довольно полным, форму петиции, которая должна была послужить единственной резолюцией вечера. Я был поражен отходом этого джентльмена от общепринятой юридической фразеологии в данном случае. Вместо того, чтобы назвать *cause célèbre* "Королева *против* Кастро" (написано, как говорит Сэм Уэллер, с "ви"), он назвал это "Королева *через* Кастро!" Петиция была следующей:—

"Что на процессе в Коллегии адвокатов Суда Королевской скамьи по делу "Королева против Кастро", он же Артур Ортон, он же сэр Роджер Чарльз Даути Тичборн, барт., за лжесвидетельство, присяжные 28 февраля 1874 года вынесли против него обвинительный вердикт, признав его Артуром Ортоном, и он был приговорен к четырнадцати годам каторжных работ, которые он сейчас отбывает.

"Что у ваших заявителей есть основания знать и верить, и они удовлетворены как на основании доказательств, представленных на суде и представленных впоследствии, так и на основании их собственных личных знаний о том, что он не Артур Ортон.

"Что, хотя на упомянутом судебном процессе в его пользу было допрошено 280 свидетелей, еще очень большое число, как ваши заявители были проинформированы и полагают, также были готовы к допросу, но средств для этой цели не было, поскольку обвиняемый полностью зависел от добровольных взносов общественности на свою защиту.

"Что ваши истцы утверждают, что такого большого числа, как 280 свидетелей, большинство из которых дали положительные показания о том, что подсудимый не был Артуром Ортоном, и чьи показания только в двух случаях были подвергнуты сомнению в суде — в отличие от примерно 200 свидетелей обвинения, чьи показания носили в основном отрицательный характер, — было само по себе достаточно, чтобы вызвать сомнение в пользу подсудимого, от которого он должен был получить преимущество, в соответствии как с законом, так и с обычаями страны.

"Что, учитывая обстоятельства, ваши заявители утверждают, что над ним не было справедливого судебного разбирательства, и они умоляют вашу достопочтенную Палату серьезно рассмотреть этот вопрос, чтобы увековечить память ее Величества о даровании добровольного помилования".

Преподобный мистер Бакингам, жизнерадостный джентльмен, имевший поразительное сходство со знаменитым мистером Пиквиком, поднялся, чтобы внести резолюцию; и я не мог не заметить, что, не довольствуясь обычным белым галстуком священнической жизни, он "продолжил идею книзу" в белом жилете, что несколько изменило положение вещей. Он говорил хорошо и убедительно, я бы подумал час, ограничив свои замечания темой о том, что "сэр Роджер" не был Артуром Ортоном. Он (мистер Бакингам) принадлежал к какой-то прибрежной миссии в Уоппинге и был близко знаком с Артуром Ортоном с самого раннего детства. Две его жалобы заключались в том, что его отрицательные показания не были приняты, и что теперь его постоянно обслуживали "иезуиты", которые соблазнительно протягивали чеки

на 1000 фунтов стерлингов. ему, если бы он только дал письменные показания под присягой, что человеком в Миллбанке был Артур Ортон.

Однако мистер Онслоу, поддержавший резолюцию, выступил с речью вечера и был принят с таким энтузиазмом, что ему пришлось несколько раз возобновлять выступление после пылких выступлений. Бременем пророчества мистера Онслоу была несправедливость судебного процесса; и его "призраками" были детективы, точно так же, как у мистера Бекингема были иезуиты. Дело Жана Луи было самой адской "фабрикой" во всем деле; и он прочитал записи с противоречивыми доказательствами, которых действительно было достаточно, чтобы заставить человека сложить свои капканы и решиться на немедленную эмиграцию. Однако в одном он был, безусловно, прав. Он сказал, что такие собрания являются предохранительными клапанами, которые предотвращают революцию. Без сомнения, это был предохранительный клапан. Это позабавило выступавших, миссис Уоррен и мастера по глазурованию, и никому не могло причинить никакого возможного вреда. Могло ли это принести какую-нибудь пользу человеку из Миллбанка - это совсем другой вопрос, и обсуждать его, конечно, было совершенно не в мои намерения. Было много — на мой взгляд — очень интересных выступлений; ибо я пролил новый свет на это дело и стоял, пока у меня не заболели ноги, слушая господ Бекингема и Онслоу. Букингем и Онслоу.

Когда редактор *"Тичборн газетт"* заявил о подаче, это было другое дело; и — возможно, из—за отсутствия корпоративного духа - я сбежал. Я видел, как этот джентльмен жестикулировал, только когда уходил с поля; но скорость, с которой он набирал обороты, обещала речь, которая продлится до наступления ночи.

Когда я оторвался от земли, меня поразило, с какой ловкостью лондонский уличный торговец привлекает к ответственности все и вся. Один из них разъезжал с грузовиком вишен, выкрикивая: "Вишни сэра Роджера Тичборна. Много пенни!"

Не было никаких признаков открытого противостояния, хотя оппонентов вежливо пригласили взобраться на телегу и изложить свои взгляды; но на задворках толпы было много тихой болтовни, которую я всегда выбираю в таких случаях для наблюдения. В целом, однако, собрание было довольно единодушным; и хотя оно никогда не принимало масштабов "собрания монстров", тот факт, что даже такое количество людей могло быть собрано для такой цели, показался мне достаточным знамением времени, чтобы заслуживать мимоходом упоминания.

ГЛАВА XIII.

ВОСКРЕСЕНИЕ В НАРОДНОМ САДУ.

Я часто думал о том, что можно было бы написать интересную серию статей на тему "Лондон вне Церкви", посвященную манерам и обычаям тех людей, которые по воскресеньям не посещают никаких религиозных заведений. Я довольно хорошо видел все типичные фазы религиозного Лондона и Лондона нерелигиозного; но их скорее можно было бы охарактеризовать как нерелигиозных, чем как нерелигиозных людей. Они не принадлежат ни к одной из разнообразных форм веры; на самом деле вера отделена от их жизни. Именно в этом

негативном смысле они интересны. Воскресенье для них всего лишь регулярно повторяющийся банковский праздник. Было бы интересно узнать, что они с этим делают. Однако при любом подобном расследовании для меня существует особая трудность, возникающая в результате того факта, что в качестве обычного служащего я, как правило, занят по воскресеньям; а когда я не занят, мой День отдыха слишком ценен, чтобы посвящать его какой-либо из разнообразных форм нарушения субботы в метрополии. У меня есть отличная идея, что священникам следует часто читать проповеди; и поэтому я обычно хожу в какую-нибудь церковь или придел, когда сам не в своей тарелке; и если "слушание проповедей" означает надлежащее выполнение того, что было обещано и обетовано от моего имени при крещении, я, должно быть, прошел такой же полный курс христианской дисциплины, как и любой человек в христианском мире, потому что мне проповедовали все, от римских католиков до уолвортских прыгунов и пламстедских чудаков!

Но под впечатлением от желания узнать о деяниях тех, кто не посещает Церковь, я долгое время с опаской смотрел на Воскресную лигу и не раз определенно обещал присоединиться к одной из их воскресных вылазок; но я твердо придерживаюсь мнения Тома Худа, что...

Человек, который рано полюбил помешивать,
Должно быть, *ложкой*.

Воскресная лига начинает свои экскурсии в неурочное время; и кардинальным моментом моего кредо является то, что воскресенье должно быть Днем отдыха, во всяком случае, в том, что касается завтрака в постель. Из-за этого я пропустил экскурсию в Дом Шекспира, а статья об эйвонском барде, полная гениальных локусов, должно быть, была поучительной, как проповедь. Точно так же, в недавнее воскресенье, когда Воскресная лига, направлявшаяся в Саутенд, столкнулась с Добровольческой артиллерией, направлявшейся в Шубери, я снова оказался без дела. Но все же старая склонность осталась, и воскресенье было моим последним свободным днем за долгое время. Как я мог ее использовать? Она у меня была; Я ходил в Народный сад в Уиллсдене. Я слышал, что там преобладали определенные, очень мягкие формы нарушения субботы. Я бы съездил и убедился сам.

Я уже дважды бывал в Народном саду: один раз по случаю спиритического пикника и один раз, совсем недавно, на выставке цветов среди рабочих; и почувствовал значительный интерес к этому месту, особенно после того, как люди были достаточно вежливы, чтобы прислать мне сезонный билет, так что я сам был одним из Них.

Этот Народный сад еще не был настоящим Раем, хотя и находится на пути к тому, чтобы им стать. Это участок площадью около пятидесяти акров, отвоеванный у самой заросшей кустарником части Уормвуд Скраббс и ставший центром деятельности клуба рабочих, одним из членов которого я действительно очень горжусь. Действительно, я не понимаю, почему в оставшейся части этой статьи я не должен использовать первое лицо множественного числа. Я буду. Что ж, тогда мы обеспечили себе это место, и, во-первых, у нас есть одна из лучших — я полагаю, самая прекрасная — танцевальных площадок в Англии, потому что мы как сообщество исповедуем Терпсихору, хотя я, как отдельный человек, таковым не являюсь. Я почувствовала необходимость бросить танцы, когда мой вес сместился на четырнадцать с лишним стоунов.

Тогда мы сможем угостить наших друзей угощениями, от бутылки шампанского до чая и кресс-салата. У нас есть всевозможные клубы, драматические и прочие, и мы скорее гордимся тем, что сами соорудили нашу авансцену, то есть своими руками, молотками и гвоздями. В том, чтобы быть Работающим Человеком или одним из Простых Людей, есть огромное преимущество. Если бы вы были со мной в то воскресенье, вы бы увидели, как мое лицо озарилось осознанной гордостью, когда я читал афиши нашего последнего любительского спектакля, состоявшего из "Уотермана" и "Ici на французском языке", сыгранных на досках, которые я, как представитель компании, выстругал, распилил и прибил гвоздями. Мой маршрут в прошлое воскресенье пролегал по хрустящей траве Кустарников; и было настоящим удовольствием пройти там, не опасаясь упасть, пронзенный пулей какого-нибудь неосторожного добровольца; потому что на Полынном кустарнике есть три окурка, которые я тщательно исследовал в воскресенье и научился определять по отметинам на кирпичной кладке, насколько далеко от цели может попасть выстрел добровольца. Я удивляюсь, что на соседних полях нет массового забоя скота. Сад находится по другую сторону Большой Западной железной дороги, которую мне пришлось пересечь, чтобы добраться до него. Но ответственный за это человек относился ко мне снисходительно, ибо разве я не был рабочим и "помощником"? Часть сада, примыкающая к перилам, до сих пор является невостребованной прерией. Рабочие начали с вершины холма и спускаются вниз.

У входа есть приличных размеров буфет со всеми принадлежностями офиса секретаря и т.д.; и это большое помещение, которое чрезвычайно полезно в сырую погоду, выходит прямо на танцевальную площадку, в центре которой находится симпатичный киоск для оркестра. У нас нет газа, но вкусные парафиновые лампы через равные промежутки времени дают достаточно света и, во всех случаях, пахнут не хуже, чем современный городской газ. Летом здесь постоянно стоит большой шатер для цветочных выставок, и терраса за террасой разбиты крокетные лужайки, и все они, боюсь, шокируют некоторых любителей субботнего дня, если узнают, что в тот воскресный день они были заняты, а шары продолжали щелкать, как обычные выстрелы шальных стрелков в Кустах. Со мной была молодая леди, которая довольно сурово относилась к тому, как мы, рабочие, мужчины и женщины, обращались с нашими молотками. Признаюсь, положение оставляло желать лучшего; и одна группа немецких ремесленников на лужайке в углу производила больше шума, чем было необходимо, завывая и произнося всевозможные гортанные междометия, как будто они играли по крайней мере в поло или принимали участие в бое быков, а не в любимый викариями крокет.

А затем цветы. Мы заставляем пустыню цвести подобно розе. Действительно чудесно видеть, что было сделано за такое короткое время. Мы могли бы быть обществом рыночных садоводов. Мы, работающие люди, не получаем так много цветов на своем жизненном пути, так что нам хочется увидеть кусочек зеленой лужайки и один-два цветка по воскресеньям. Там есть отличный спортивный зал, и наше наблюдение за молодыми людьми, которые там развлекаются, привело бы непосвященного наблюдателя к заключению, что нормальное состояние человечества было перевернуто с ног на голову. То, как один молодой рабочий повис за ноги на траверзе, было поистине дарвинистским зрелищем. Качели привлекли внимание дам; и я с сожалением должен сказать, что юная леди, которую я сопровождал, — которая была зрелого двенадцатилетнего возраста — провела большую часть дня в состоянии колебания и постоянно умоляла меня покатавать ее.

Интересным дополнением к садам — нашим садам — с тех пор, как я был там в последний раз, была клетка с медитирующими обезьянами, числом четыре, которые находились так близко от спортзала, что неизбежно наводили на мысль о дарвиновской параллели. У них тоже был свой спортивный зал, и они весело раскачивались на стволах деревьев в то время, когда не были заняты едой или энтомологическими исследованиями. Я не мог не думать о том, каким лишением было для гимнастов то, что в ходе эволюции мы потеряли свои хвосты. Они были бы так удобны на турнике, где этот настойчивый молодой рабочий все еще боролся с апopleксией, свесившись головой вниз. Вскоре после того, как мы добрались туда, заиграл отличный оркестр, но не в киоске, чтобы нас не соблазнили потанцевать. Первая пьеса была медленной частью, против которой вряд ли мог бы возразить какой-либо субботник, если только он не был настолько бескомпромиссен, что считал все трубы неправильными. Вторым был великолепный марш из "Аталии"; а затем — у меня кровь стынет в жилах, когда я это пишу — нечто вроде попури, в середине которого прозвучала "Маленькая собачка голландца", значительно измененная способом аккомпанемента и вариаций, я признаю, но, вне всякого сомнения, "Маленькая собачка". Тогда я понял, почему оркестра не было в киоске; потому что, хотя мне было четырнадцать стоунов, в тот момент я чувствовал, как все пальцы моих ног дергаются в ботинках так злобно, как будто это было утро понедельника. Там было четырнадцать или пятнадцать громких духовых инструментов с боковым и басовым барабанами и тарелками. Все они играли "Маленькую собачку" в свое удовольствие, и только один джентльмен на слабенькой флейте-пикколо пытался заглушить их нечестие, выводя вариацию, точно так же, как струнные инструменты в великолепной "Симфонии реформации" Мендельсона тщетно пытаются заглушить своими чувственными римскими мелодиями мощные аккорды старого лютеранского хора — "Эйн фесте Бург ист унсер Готт". Я действительно не мог больше этого выносить и уже собирался уходить, когда они остановились; и когда джентльмен, игравший на круглом басу, отошел от своего зловещего инструмента, я обнаружил, что у него есть собственная маленькая собачка, которая спряталась в раструб большой трубы, когда хозяин положил ее на траву. Возможно, именно в честь этого миниатюрного животного был выбран воздух. Однако я не мог позволить себе подобных действий; поэтому я подкупил свою юную подопечную двухпенсовой бутылкой имбирного пива без пены, чтобы она перестала качаться и вернулась в область ортодоксии. Тевтонские джентльмены все еще улюлюкали и вопили, когда мы пересекали угол их площадки для игры в крокет, и я ожидал увидеть, как они нападают друг на друга с молотками и используют мячи для ракетной войны; но это был всего лишь их особый способ развлекаться.

Мой маленький друг описал действия наших рабочих на крокетной площадке как "обнимание ложкой", а также обратил мое внимание на то, что двое влюбленных делали то же самое на скамейке в одобренной манере, распространенной среди нас, рабочих, мужественной рукой обнимая тонкую талию *coram publico*. Для нас это совершенно необходимая мера. Нам часто хотелось бы отказаться от нее, особенно когда маленькие мальчики делают грубые замечания в наш адрес на улице; но от нас этого ждут, и мы подчиняемся.

Солнце начало величественно опускаться за великолепную панораму местности, видимую с Олд-Оук-Коммон, когда мы спускались с холма и снова нарушили подзаконные акты Компании Great Western Railway Company. Шпили церковей Вест-Энда купались в мягком сиянии уходящего дня, а вдалеке Хрустальный дворец сверкал, как сказочная беседка. Мы вернулись, сделав небольшой крюк из—за каких—то джентльменов, которые купались поистине Райским образом — мы действительно вернулись вовремя, чтобы сходить в церковь, как добрые христиане; и я не

думаю, что кто-то из нас чувствовал себя намного хуже за те часы, которые мы провели в Народном саду, - за исключением злой Маленькой Собачки!

ГЛАВА XIV.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮНЫХ ЛЕДИ.

Было время, когда считалось аксиомой, что у юных леди нет другой цели в жизни, кроме как быть украшением — нет другой миссии, кроме замужества. "Достижения" были суммой благородного образования, хотя и учитывались как "дополнительные" в полугодовых отчетах; и все, что законченному созданию нужно было сделать после того, как оно однажды "вышло в свет", - это сесть и томно ждать подходящего жениха.

Времена изменились. И в Англии, когда мы что-то меняем, мы всегда яростно бросаемся в противоположную крайность. У женщины была миссия, и это не ошибка. Теперь это была привилегия и костюм Блумера, точно так же, как раньше это было фортепиано и всеобщее увлечение. На рынке появились синие очки. У нас были женщины-врачи и женщины-юристы. Единственное чудо заключается в том, что не было никакой агитации за женщин-викариев.

Затем снова последовала реакция. Было обнаружено, что женщина может быть образованной, не становясь синим чулком, и практичной, не надевая шаровар и не добиваясь избирательного права. Все еще придерживаясь здравого принципа, что "женщина - это не неразвитый мужчина, а разносторонне развитый", "настоящие друзья прекрасного пола", рассмотрели сто один способ, которым он мог бы использовать себя с пользой и вознаграждением. Больше не опасались, что, как выразился Сидни Смит, если женщина изучит алгебру, она "бросит своего ребенка ради квадратного уравнения"; и Кембриджский университет вскоре присоединился к программе высшего образования женщин; в то время как мисс Фейтфулл и несколько других разработали методы практического использования талантов, которые образование могло развить только в общих чертах. Именно к одному из этих методов — не мисс Фейтфулл — мое внимание привлекло незадолго до этого письмо в ежедневных газетах. Издательство Victoria Press и Международное бюро - это свершившийся факт, и хорошо, что следует приложить усилия для использования другими способами этого интересного избытка нашего женского населения. Миссис Фернандо из Уорик-Гарденс, Кенсингтон, взялась за решение этой проблемы, и форма, которую принимает ее метод, - это Техническая промышленная школа для женщин.

Объект и цель учреждения состоит в том, чтобы изучать, планировать и организовывать такие отрасли промышленного труда, которые применимы к женщинам, и открывать новые виды полезной деятельности, совместимые с интеллектуальными и механическими способностями пола, не забывая об их деликатности и необразованном положении женщин, для практического применения во всех видах промышленного труда: предоставлять женщинам те же возможности, которыми пользуются мужчины, в коллективных классах специального обучения или специальной подготовке к сдаче экзаменов, открытых для женщин, тем самым позволяя им зарабатывать на жизнь с большим успехом, чем это возможно только при простом школьном

образовании. : проводить специальную подготовку женщин, чтобы дать им возможность заниматься специальной производственной деятельностью с такой компетентностью, которая позволит им успешно трудоустроиться: брать женщин в подмастерья или нанимать их непосредственно на профессии, где такие работодатели примут их за пределы промышленной школы и где женщины могут быть заняты постоянно, например, в составлении, тиснении, иллюминировании, черной кайме, составлении билетов, адресовании циркуляров, изготовлении цветов, выращивании цветов и т.д.

Будучи убежденным скептиком в отношении проспектов, я решил пойти и лично убедиться в том, как работает эта схема, которая так хорошо выглядела на бумаге. Учреждение занимает большой дом как раз напротив часовни доктора Паншона, и никто не может его пропустить, потому что оно увешано объявлениями, как афиша во время выборов. Я нашел миссис Фернандо чрезвычайно практичной дамой, которая сама выполняет всю работу в учреждении, за исключением нескольких специальных предметов, таких как ботаника и т.д., которые ведет ее муж. Следовательно, здесь нет "помощников" или делегированных интересов, что является проклятием стольких дорогих школ.

Эти занятия проводятся вечером, с семи до девяти часов, и предназначены для дам старше пятнадцати лет, которые могут быть заняты в течение дня различными занятиями, а также для тех, кто страдает от пренебрежения образованием и желает с удобством и экономией совершенствоваться, не будучи обязанными общаться со своими младшими учениками в дневных школах. Эти занятия готовят женщин к соответствию квалификациям, необходимым для поступления на должности клерков и в другие официальные ведомства; доводят их также до уровня, соответствующего квалификации для почтовых отделений и телеграфных служб; а также к сдаче определенных экзаменов, открытых для них. Плата составляет всего 2с. в неделю—8с. в месяц—1л. 4с. в квартал. Первый курс включает в себя правописание, чтение, письменность, арифметику, историю, географию и грамматику. Второй курс состоит из продвинутого обучения арифметике, бухгалтерскому учету и коммерции, с тем чтобы подготовить женщин к занятию ответственных должностей с заметным успехом. Третий курс состоит из французского языка для практической пользы. Четвертый курс включает в себя простую или техническую подготовку в тех отделах, которые доступны в пределах учебного зала, — для того, чтобы подготовить женщин к компетентному поступлению на производственную работу и сделать их успешными в получении работы. Этот отдел будет расширен до большей полезности по мере появления удобств путем обучения девочек или их непосредственного трудоустройства на профессиях за пределами классной комнаты, где их будут принимать работодатели, или где женщины могли бы быть постоянно задействованы - как, например, в работе наборщиков, составителей билетов, чеканщиц и т.д. и т.п.

Двумя занятиями, с которыми я познакомился, были бухгалтерия и тиснение. В первом более дюжины молодых леди проходили посвящение в тайны одинарной и двойной записи, и они разложили свои книги таким образом, что мне стало очень стыдно за себя, когда я подумал, насколько неспособным я был бы сделать что-либо хотя бы наполовину столь полезное. Многие девушки заканчивают этот отдел, чтобы работать бухгалтерами в крупных отелях, деловых центрах и т.д.

Затем я отправилась в тиснильный цех, где на шести прессах работало столько же молодых леди, причем один из них в соседней комнате был отведен для миссис Фернандо, которая не

только рассказывает своим ученицам, что делать, но и показывает им, как это делать. Позолота и расцветка марок были очень искусными; две монограммы с именем королевы и императрицы Евгении представляли собой настоящие чудеса художественной и замысловатой работы. Каждый процесс, от смешивания красок до полировки золота, был детально проработан этой практичной леди и ее умными учениками для моего особого назидания, и я вышел гораздо более мудрым и уж точно не более печальным человеком, чем вошел в этот настоящий улей человеческих пчел.

На образование этих девочек не жалели средств, какими бы низкими ни были условия, за которые они платили. Я видел довольно жалкую кучу испорченных конвертов и модных листов, заляпанных густым кремом; потому что им приходится проводить свои эксперименты на лучшем материале, и малейшее изменение положения булавки, когда процесс тиснения приходится повторять несколько раз, портит весь результат. Миссис Фернандо также внедрила систему адресования конвертов и циркулярных писем женщинами в качестве отдела женского производственного труда в Женском техническом училище, где несколько женщин работают с десяти до четырех часов, получая удовлетворительное вознаграждение. Она бесплатно предоставляет женщинам, работающим на этом факультете, вечерние занятия, чтобы они могли улучшить свое общее образование.

Я большой поклонник женского пола в целом и юных леди в частности, но на самом деле, когда я ушел, оставив моих хорошеньких бухгалтеров и чеканщиц возвращаться к их обычной работе, и увидел множество юных леди, безучастно сидящих над так называемой "работой" у окна или лениво прогуливающих из стороны в сторону по улицам, я подумал, что, не теряя ни одной из своих привлекательности, более того, предъявляя новые претензии ко многим существующим в нашем отношении, они могли бы с большой пользой воспользоваться шестипенсовыми уроками технического образования миссис Фернандо.

ГЛАВА XV.

ЯРМАРОЧНАЯ ПЯТНИЦА.

Среди тех обычаев, нарушение которых "почитается больше, чем соблюдение", которые быстро искореняются прогрессивными шагами цивилизации, есть заведения, которые, как мы еще помним, были так популярны во времена нашего детства, называемые ярмарками удовольствий. Подобно тому социальному дронту из высших слоев общества, "человеку с тремя бутылками", с глупыми вакханальными обычаями, воплощением которых он был, эти ярмарки медленно, но верно исчезают по мере распространения образования среди народных масс. В сельской местности ярмарка - достаточно простое и необходимое дело. В определенные сезоны года, в зависимости от основных товаров, для продажи которых изначально было учреждено собрание, наши буколические друзья собираются ранним утром с продуктами своих ферм; происходит много шумных покупок, распродаж и бартера. Позже в тот же день дамы вкладывают свои доходы в небольшие скромные наряды или в простые удовольствия; а еще позже, когда трактиры делают свое дело, наступает большой или меньший разгул, грубый разврат и порок; и тогда, вуаля, ярмарка на год заканчивается. Можно легко представить себе результат перехода,

когда из тихой сельской местности ярмарка перемещается в город или пригород. В таких местах отсутствуют все утилитарные элементы, а позолоченные имбирные лепешки и безделушки - всего лишь нарочито невинный аттракцион по отношению к кабачку с выпивкой и танцами, где творится безобразие. Доброжелатели общества достаточно неромантичны, чтобы не сожалеть о явно идущем на убыль великолепии этих сборищ, от самой великой Варфоломеевской ярмарки до той, которая в пятницу, о которой я пишу, превратила многие мили магистралей в Ист-Энде Лондона, а также один из самых красивых лесных пейзажей, все еще окружающих столицу, в обширную таверну под открытым небом, где "поклонению Вакху" предавались так же свободно, как в любом языческом храме древних времен.

Ярмарка Фэрлоп— которая еще не вымерла, хотя и начинает проявлять удовлетворительные признаки упадка, начала свое существование достаточно невинно около столетия назад. В то время мистер Дэй, судостроитель, желая совершить однодневную прогулку в лес со своими друзьями и сотрудниками, оснастил полностью оснащенное судно на колесах, на котором он доставил свою группу на пикник в Эно Форест, на окраине которого, на некотором расстоянии от Илфорда, стоял знаменитый дуб Фэрлоп. Праздник стал ежегодным обычаем и постепенно изменил свой характер с простого собрания мастера и его людей на регулярные сатурналии; во время которых каждый год, начиная с первой пятницы июля, в течение следующих субботы и воскресенья, на лесных полянах и в восточных районах Лондона безраздельно царили беспорядки и разврат. Примеру, поданному мистером Дэем, последовали другие строители кораблей, лодок и барж, но в последние годы, в особенности изготовители мачт и блоков, такелажники, корабельщики и рабочие верфи; а совсем недавно - лицензированные поставщики продовольствия. Сочтя этот обычай полезным для торговли, мытари сформировали общество по строительству или найму этих лодок на колесах, которые, увешанные флагами, снабженные музыкальным оркестром и наполненные гуляками, ежегодно отправляются в лес Эно. Увы, они больше не ходят! в Фэрлоп—Оук — ибо он причислен к событиям прошлого, - но теперь в Баркинг-сайд, где в гостинице "Мэйпол Инн" все еще продолжают праздники Фэрлоп-Фэйр.

Эти автомобили-корабли и катера привлекают огромное количество людей вдоль дорог Майл-Энд, Боу и Уайтчепел вплоть до Олдгейт; толпа собирается утром, чтобы посмотреть, как отдыхающие отправляются в свою экспедицию. Однако самое замечательное зрелище - ночью, когда "лодки" возвращаются, освещенные цветными фонарями, красными и зелеными кострами и т. Д.; И в каждом трактире вдоль дороги горят такие же костры, и расставлены духовые оркестры, которые играют, когда проезжают машины, и останавливаются в определенных любимых заведениях "на благо заведения". Желая лично увидеть увядающее великолепие Ярлоп-пятницы, прежде чем наступающий прилив цивилизации сделает над ними свое неизбежное дело, я отправился в Ист-Энд и, прогуливаясь по одному из лучших подъездов к Лондону, от Олдгейт, мимо Уайтчепела, до церквей Боу и Стратфорд, более чем когда-либо прежде осознал два факта: во-первых, насколько велико население лондонского Ист-Энда; и, во-вторых, как мало требуется, чтобы развлечь и привлечь его. В том году в Лес отправили только две "лодки". Их возвращение могло порадовать этих людей лишь на одно мгновение; и все же там, с ранних сумерек почти до рассвета, эти рабочие, буквально "тысячами" — а не на Трафальгарской площади, уменьшительном от этого выражения, — собрались, чтобы насладиться зрелищем зрелища. По сравнению с этим "Бюф Гра", который ежегодно сводит с ума парижских гейменов, действительно является со вкусом подобранной и изысканной выставкой. И все же они были там, женщины, мужчины и дети — в значительной степени даже

грудные младенцы на руках — толпились вдоль этой обширной улицы, выпивали перед трактирами, вкладывали свои пенсы в "царапины на спинках" и бумажные носы, перья и украшения, как это делают те, кто лучше их, на ипподроме в Эпсоме, под слабым предлогом "ожидания лодок". Первый прибыл с опозданием в Стратфордскую церковь около десяти часов; и, конечно, вид неуклюжего судна, когда оно продвигалось вперед, с его оснасткой, освещенной цветными огнями, красками и лампами, был достаточно странным. Как только он проехал мимо меня в Стратфорде, я выскочил из одного из омнибусов Боу и Стратфорда и таким образом получил возможность следовать за процессией или, скорее, присоединиться к ней до Уайтчепела, где "лодка" свернула на Коммершиал-роуд. На всем этом пространстве пешеходная дорожка была заполнена одной бурлящей массой людей, и трактирщики вели шумную торговлю снаружи и внутри своих заведений. Когда отблески разноцветных костров придавали бледным лицам толпы мертвенный оттенок, и я слышал глупые и слишком часто непристойные реплики, которыми обменивались прохожие и возвращающиеся гуляки, я не мог не задаться вопросом, нельзя ли придумать какое-нибудь невинное развлечение с определенной долей утонченности, чтобы заменить эти, мягко говоря, дурацкие кутежи. На самом деле, они хуже, чем глупцы. Было очевидно не только, что все это мероприятие от начала до конца, с точки зрения взрослых, было апофеозом выпивки; но и среди другой части населения, мальчиков и девочек, или тех, кто раньше был мальчиками и девочками, — ибо, как говорят парижане, "Il n'y a plus de garçons", — нужно было быть поистине слепым, чтобы не видеть безобразий, которые творились на тротуарах Ист-Энда; творились, возможно, более тщательно, и уж точно в гораздо большем масштабе, чем в лесной глуши. Это малопривлекательная тема для размышлений; но можно было бы понять все о детских фермах, закрытых больницах и Актах о заразных болезнях там, той июльской ночью, на многолюдных улицах Восточного Лондона.

Было бы несправедливо распространяться об этом зле и не упоминать организацию, которая в течение последних десяти лет стремилась исправить это зло. Несколько сотен рабочих более серьезного склада, которым помогают несколько джентльменов и служителей различных конфессий, объединяются в небольшие группы уличных проповедников и, отправляясь всем скопом, проводят службы и произносят проповеди в самых густонаселенных местах Фэрлопского маршрута. Мне было любопытно увидеть результат их смелых трудов — ведь для того, чтобы противостоять толпе в Уайтчепеле, требуется огромное "мужество", — и я присоединился к одному из таких отрядов, где проповедником был преподобный Ньюман Холл. Прежде чем начать, этот джентльмен, основываясь на своем долгом опыте общения с британским рабочим, пришел к выводу, что нет смысла ждать, пока он придет в церковь. Если церковь хочет что-то сделать с ним, она должна выйти и встретить его на улицах и в полях, как это было изначально. мистер Холл привел несколько забавных примеров из своего опыта в Гастингсе, где в течение нескольких недель он проповедовал на пляже перед большими собраниями. По его словам, он бездельничал там ради здоровья, и однажды вечером, увидев несколько слоняющихся без дела мужчин, он предложил одному из них дать им адрес. Этот джентльмен отказался от адреса, но добавил, что достаточно характерно: "Если вы дадите мне немного пива, я выпью его". Двое других, когда их спросили, готовы ли они выслушать, "не знали, захотят ли они". Под этим бесперспективным предлогом мистер Холл начал и, привлекая толпу, был "продвинут" полицейским. Джентльмен, узнавший его, предложил отправиться на пляж, и там была прочитана проповедь, которую мистер Холл повторял несколько раз перед многотысячной паствой. У него особая способность говорить на языке, "понятном людям", и его

обращение к толпе Фэйрлопов в тот пятничный вечер о многом "сказало". По окончании он спокойно надел шляпу, смешался с толпой и пошел своей дорогой; но тон критики среди его слушателей был очень благоприятным, и я вполне согласен с критиками в том, что жаль, что у нас нет "побольше таких священников". Однако такая нужда, о которой я упоминаю, может быть удовлетворена не просто религиозным рвением, а заменой низменных развлечений в виде пивной и джин-паласа каким-нибудь разумным развлечением. Это проблема, достойная наших самых глубоких мыслителей: "Что мы можем предложить нашему огромному населению в обмен на глупое представление, которое даже сейчас разыгрывается на окраинах мегаполиса, которое вполне может быть воспринято как времяпрепровождение низших слоев общества — ярмарку Фэрлоп?"

ГЛАВА XVI.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОУС.

Ветреным весенним утром мало что может быть более волнующим, чем пробежка по чудесной руси урбанизации — Кенсингтонским садам и Гайд-парку - с перспективой искупаться в Серпантине, где каждое утро и вечер в определенные часы любящий воду Лондон имеет честь развлекаться в своей естественной стихии. Это настолько благоприятно, что некоторые энтузиасты не ограничивают себя теплыми летними утрами или прохладными весенними и осенними, а купаются круглый год — даже, как говорят, когда путь для их маневров приходится прорубать во льду. Огибая северный берег Серпантина, летом утром или вечером противоположный берег кажется абсолютно розовым от обнаженного человечества, причем более молодая часть танцует и резвится в манере канибалов Робинзона Крузо. Купальщики иногда выглядят намного лучше без своих покровов, чем в них. Однако не из этого класса приходят ваши круглогодичные купальщики. Араб — экзотик, дитя Солнца, любящий не баловаться в воде, температура которой шокирует его дрожащие костяшки пальцев, когда он окунает их в непривычную стихию. Его гардероб, опять же, слишком похож на тот, что относится к нуждающемуся ножедробилке Каннинга, чтобы сделать туалет на свежем воздухе иначе, как неловким. Из круглогодичных купальщиков, как ядра, за последние несколько лет вырос клуб плавания "Серпентайн"; и утром в день Рождества они проводят ежегодный матч, открытый для всех желающих - хотя, вряд ли нужно говорить, что покровительствуют им только те, кого для краткости мы можем назвать универсалами.

Итак, я часто слышал об этом рождественском матче и так же часто, в канун Рождества, решался пойти; но к вечеру решимость развеялась, как это слишком часто бывает с подобными решениями, еще до рассвета. Однако в этом году — главным образом, я полагаю, потому, что прошлой ночью я встал очень поздно, — я с трудом выбрался из постели еще до рассвета и направился к Серпантину. Сиял полумесяц, и звезды усеивали просветы между зловещими клочьями облаков. Дул сырой ветер, и на грязных улицах были заметны следы недавнего ливня. Я понятия не имел, что ворота Кенсингтон-Гарденс открыты так рано; и ощущение было новым, когда я пробирался окольными тропинками на утренней заре и видел, что вдоль Бэйсуотер-роуд все еще горит газ. Одиноким дрозд насвистывал рождественскую песенку, пока я пробирался по затопленному газону; вскоре солнце бросило несколько красных полос на восток, на башню

аббатства; но, пока я не миновал Извилистый мост, ни одно человеческое существо не встретилось мне взглядом. Там, однако, я обнаружил около пятидесяти мужчин, в основном с "спортивным" видом. Там был вездесущий мальчишка, игравший в какую-то неудобную игру в лужах вокруг сидений. Неизбежный пес задумчиво стоял у трамплина для прыжков в воду; и когда мало-помалу появились разбредшиеся любители на все руки и отправились на утреннюю ловлю, четвероногий бросился за ними к самой кромке воды, как будто он был выдающимся членом Общества защиты животных. Однако он избегал самой стихии так религиозно, как если бы был одним из самых немытых людей Лондона. Во время паузы, предшествовавшей забегу, я узнал от Почетного секретаря клуба плавания "Серпентайн" подробности его истории и о самой гонке. В течение шести лет это были просто клубные гонки; но в прошлом году они были открыты. Как ни странно, в гонке никогда один человек не выигрывал дважды, хотя участники были практически одинаковыми каждый год. Я также поговорил с одним из предполагаемых участников соревнований, который с простительной гордостью показал мне на своей груди пять медалей Королевского гуманного общества, присуждаемых за спасение жизни в случаях опасности утопления. Владелец был профессором естествознания и рассказал мне, что среди его учениц была пожилая леди шестидесяти семи лет, которая только начала обучение и уже могла проплыть около двадцати ярдов. Пример храброй старой леди может принести пользу, хотя следует надеяться, что в ее возрасте ей не придется прибегать к своему искусству для собственной защиты.

Теперь были названы имена, и четырнадцать участников представили себя — разношерстная группа, одетая по большей части в брюки, попону и широкие брюки, или, еще проще, только в пальто с фризovým принтом из Ольстера. Группа зрителей к этому времени выросла до нескольких сотен, почти все они были непосредственно заинтересованы в благородном искусстве; и провалы становились быстрыми и частыми. В воде на расстоянии 100 ярдов от трамплина для прыжков в воду были установлены два флага; на этой тонкой платформе расположились четырнадцать дрожащих представителей человечества, которые по команде стартера нырнули в воду с таким нырком вниз, который так непостижим для непосвященных. Последовала короткая, острая борьба, участники плыли боком и шумно пыхтели, что так сильно отличает пловца от традиционного грампуса. В конце концов видно, как один из группы возглавляет остальных и рассекает воду спокойным и ровным гребком в старомодном стиле. Он достигает флага на целый ярд раньше своего ближайшего противника. Вторые и третьи номера, следующие за ними, находятся примерно в полуметре друг от друга. Остальные приходят почти группой. Все были отобраны, и отставших не было. Имена победителей были следующими: -1. Эйнсворт; 2. Квотермейн; 3. Х. Коултер. Время, затраченное на гонку, составило 1 минуту. 24 сек. Сразу после гонки все быстро сменили ковры и ольстеры, хотя некоторые из наиболее выносливых участников разгуливали в естественных нарядах, заставляя вздрагивать всех, кто на них смотрел. Наконец, призы, состоящие из трех красивых медалей, были розданы мистером Х. Бедфордом, который встал на скамейку в парке и обратился с несколькими добрыми словами к каждому из успешных кандидатов; затем, под одобрительные возгласы и частые пожелания Счастливого Рождества, собрание распалось на составные части.

Перед выходом я, как обычно, принял ванну с холодной водой, но каждый из этих четырнадцати преданных мужчин казался мне героем. Они не были геркулесовыми личностями: некоторые из них были всего лишь юношами. Некоторые из универсалов были седовласыми мужчинами, но во всех них чувствовалась свежесть и румянец, свидетельствовавшие о том, что их несколько суровый режим был им по душе. Только что после такой спартанской выставки все казалось

очень запоздалым и сибаритским в моем домашнем заведении, и я не мог не прокрутить в голове вопрос: что бы подумал обо мне один из этих выносливых круглогодичников, если бы узнал, что я когда-либо был виновен в такой халатности, как завтрак в постель? Это новый метод; но есть много худших способов открыть Великий Праздник, чем совершить то, свидетелем чего даже для меня было новым ощущением, — рождественское купание в Серпантине.

ГЛАВА XVII.

ДЕНЬ ПОДАРКОВ НА УЛИЦАХ.

День подарков на улицах Лондона, и особенно день подарков в дождливую погоду, вряд ли может не подарить нам несколько живых картин, иллюстрирующих жизнь английских мегаполисов. В метафорическом и техническом смысле День Подарков всегда более или менее "влажный" — обычно больше, а не меньше; но в этом году это выражение используется в связи с климатом и в его первоначальном значении. Канун Рождества в том году, о котором я пишу, был ярким и весенним; Рождество — унылым, мрачным и совсем не похожим на Рождество; но День Подарков в том году был, по сути, душным, слякотным, морозящим и противным. День, когда стоит избегать лондонских улиц, если вы хотите взглянуть на лондонскую жизнь романтическим взглядом Розы-Матильды; но самый лучший день из всех остальных, если вы хотите увидеть настоящий Лондон таким, какой он есть. День подарков в этом году неизбежно будет "более влажным" во всех смыслах, чем обычно, как внутри, так и снаружи. Итак, давайте начнем нашу серию живых фотографий в десять часов утра. Предположим, мы начнем с чего-то, что будет иметь отношение к прошедшему празднику — кануну и дню Великого Рождения, вспомните. Смотрите, вот пассаж Гротто, Мэрилебон, а на его конце Парадайз-стрит — названия звучат многообещающе, но, увы, такова реальность! Мы собираемся на минутку заглянуть в полицейский суд Мэрилебона, где мистер Д'Эйнкорт вершит правосудие в упрощенном порядке по делам, накопленным за последние два дня. Это люди, которые уже провели сочельник, первый день Рождества и некоторую часть Дня Подарков в полицейских камерах. Давайте рассмотрим один типичный случай. Пусть этот бедный маленький восьмилетний араб сойдет со скамьи подсудимых и уедет со своей матерью, которая, мы надеемся, последует замечательному совету судьи и удержит ребенка от попрошайничества — вот почему он провел Рождество в камере, — иначе его отправят в школу на восемь лет, и ей придется платить за него — да поможет ей Бог! не похоже, чтобы она могла позволить себе очень высокие условия. В ложу входит избитая и истекающая кровью женщина, не молодая и не привлекательная, с перевязанной головой. Ее господин предстает перед ней на скамье подсудимых. Это "старая, престарая история". Капля спиртного вчера — в день Великого Рождества, никогда не забывай — серия "капель спиртного" в течение всего дня; и в пять часов, как раз когда аристократия начала подумывать об обеде, кухонная кочерга была использована с ужасающим эффектом. Треугольный порез над правым глазом и еще один в опасной близости от левого уха, нанесенный этим символом семейного счастья — кухонной кочергой, — заставляет жену согнуться пополам в углу с двухлетним младенцем на руках. Глава семьи выходит на прогулку после своих физических нагрузок. Женщина лежит там, истекая кровью, пока соседи не слышат ее "траур",

как она это называет, — в результате полицейский прерывает "конституцию" господина и наставницы, и этим утром счастливую пару разлучают на шесть месяцев, по истечении которых Paterfamilias должен получить гарантию еще на шесть месяцев хорошего поведения. Такова, сопровождаемая бесконечными сериями "пьяных и хулиганистых", "нецензурных выражений" и так далее, наша первая картина в этот День Подарков. Она не из приятных. Давайте пройдем дальше.

Вдоль Оксфорд-стрит, несмотря на Закон о банковских каникулах, открыто множество магазинов, в основном тех, которые торгуют съедобными продуктами, пригодными для питья и которых можно избежать; последние представляют собой аптеки и магазины рождественских подарков, которых избегают скупые старые холостяки. Давайте зайдём в Британский музей и посмотрим там на разумный, благопристойный День Подарков. На углу Музейной улицы живет оживленный странствующий музыкант, очевидно, француз, который играет на скрипке до тех пор, пока его смычок не разлетается на куски, но он продолжает играть палочкой, как ни в чем не бывало. Когда его инструмент полностью выходит из строя, он обращается к кларнету, который носит под мышкой, и играет "Траур по отечеству" с необычайным вокальным эффектом и непочтительными жестами. На другом конце зала в основном Панч и Джуди; Панч тоже возится на кухне со своей женой, как и джентльмен, от которого мы только что ушли; но мы проходим с толпой к самому музею. Остановившись на минутку в читальном зале, чтобы набросать там несколько заметок, поражаешься скудости студентов. Они проводят День Подарков где-то в другом месте. Проходя сквозь небольшую кучку людей, которым по специальному распоряжению разрешено подходить к дверям читального зала и которые, очевидно, рассматривают читателей как некую любопытную разновидность животного, выставленного для их особого удовольствия, — возможно, книжного "червяка", о котором они так много слышали, — мы поднимаемся по лестнице, теперь запруженной толпой в непривычных одеждах из сукна и благоухающей запахом неизбежного апельсина. Рядом с питьевым фонтанчиком, который, несомненно, является главной достопримечательностью, находится горилла, а затем вымершие животные. Одна полная пожилая леди, созерцая мегатерия и мастодонта, интересуется, в каких местах можно найти "этих существ", и, кажется, изрядно обескуражена сообщением, что в Природе "не было" таких изделий уже несколько эонов. Мумии с торчащими костями пальцев на ногах также вызывают большую долю восхищения. Происходит много грубого флирта; но, в целом, удовольствие носит скорее безмятежный характер, хотя все еще выгодно контрастирует с установившимся мраком, читающимся на лицах обслуживающего персонала в различных галереях. Как хорошо мы можем понять этот мрак! Насколько отвратительными должны быть этот гигантский лось и вымерший броненосец-переросток для человека, обреченного провести всю жизнь в их пристальном созерцании!

Но давайте перейдем к художественным хранителям подарков в Национальной галерее. Прогулка проведет нас по Семи Циферблатам и вряд ли может не наводить на размышления. Сейчас час дня, традиционное время обеда; и на Брод-стрит, в Сент-Джайлсе, я впервые за сегодняшний день вижу, что человеческий барометр, очевидно, показывает "очень сыро". Джентльмен в сером пальто и красном пледе, на котором заметны явные признаки того, что он не раз ложился на спину, только что достиг той озадачивающей точки опьянения, когда он может быстро ходить или бегать, но не может стоять на месте или ходить устойчиво. Его преследуют маленькие дети, в основном девочки, за которыми он время от времени безнадежно бежит, к их огромному удовольствию. Домашняя птица и птичьи лавки в Севен-

Дайалз - объекты привлекательные, хотя в них слишком много "бизнеса", чтобы быть в большой силе. Национальная галерея переполнена непривычными студентами-искусствоведами. От посетителей веет спокойствием, они выполняют свой долг и полны решимости довести его до конца любой ценой. Одна квианка с наглым лицом громко рассуждает - на самом деле, очень громко, — о том, какую "картину" ей следовало бы выбрать, если бы у нее был свой "выбор", а приличные матроны смотрят на особенно Высокое искусство старых мастеров, слегка отводя взгляд, как будто они не совсем уверены, что поступают правильно, одобряя подобные выставки. Вечнозеленый роман Хогарта "Брак по моде" является большим центром притяжения, и молодежь никогда не устает слушать, поскольку "с плачем и смехом до сих пор рассказывается эта история" снова и снова их старшими. Портрет миссис Сиддонс, созданный Гейнсборо, также является самым любимым; но, пожалуй, больше всего внимания привлекает картина Ван Эйка "Джон Арнольфини из Лукки и его жена". Джентльмен носит внушительную шляпу, которая безмерно пощекотала воображение людей, празднующих День Подарков. Среди них также были большие споры о том, были ли любопытные тосканские рисунки наверху лестницы "рукоделием" или нет. И все же, кто скажет, что эти посетители не стали лучше от своего визита, окруженные со всех сторон прекрасными формами, даже если они не рассматривали их глазами знатоков?

День подарков на реке: тихая улица почти пустынна. Сегодня нет спешки на экспресс. Привлекательными являются буквально улицы — более грязные, чем сама Темза. Несколько маленьких мальчиков совершают путешествие от Вестминстера до Лондонского моста в качестве развлечения; и у них очень забавно притворяться, что их ужасно укачивает. День подарков в Городе - синоним застоя. Это воющая пустыня, где некому выть. Я искренне верю, что на Столичной железной дороге путешественники передвигались по ней, как маленькие мальчики на борту пенни-ботика. И вот время театра подходит к концу, и интерес ко Дню подарков достигает апогея. Вскоре после пяти часов возле театров украдкой собираются группы, наполовину стыдясь того, что пришли так рано, но набираясь смелости, чтобы выстроиться в беспорядочную очередь, столь непохожую на парижские театры. Вечер бокса в кинотеатрах, о котором расскажут другие. Ожидать слишком многого от того, чьей миссией был целый день на улицах.

ГЛАВА XVIII.

БДЕНИЕ ПЕРЕД ДЕРБИ.

В те дни — к счастью, уже ушедшие в прошлое, — когда публичное удушение было обычным делом в Веселой Англии, всегда было очевидное очарование, связанное с местом, где завтра какой-нибудь виновный негодяй должен был искупить свои преступления на виселице. Задолго до того, как началось возведение этого элегантного устройства, и обычно воскресным вечером, когда порядочные граждане только что вернулись из домов Божьих, где они услышали послание жизни, на этом центральном месте в сердце великого Города, посвященном внезапной и насильственной смерти, начали собираться толпы. Грядущее событие, казалось, отбрасывало свою тень раньше; и всю ночь гуляка или запоздалый путник делал крюк, чтобы посетить человеческие развалины. Признаюсь, я почувствовал влечение. Тогда я не мог

заставить себя присутствовать при самом удушении; поэтому, в качестве ближайшего приближения к "сенсации", иногда посещал Ньюгейт накануне последнего дня жизни избранной жертвы. Точно так же, будучи достаточно несчастным, чтобы отправиться в Лондон в день нашего великого ежегодного праздника, и услышав красочные отчеты о Падениях накануне Дерби, я решил в том году, поскольку я не мог пойти на скачки днем, посетить ипподром ночью. Позвольте мне самому объявить мягкий импичмент: я не любитель скачек - ни в какой степени не "лошадиный". Когда я все-таки иду на Дерби, то скорее для того, чтобы посмотреть на двуногих, чем на четвероногих; чтобы опустошить корзину из магазина Fortnum and Mason's, а не для того, чтобы изучить "имена, вес и цвета наездников" на "карточке c'rect". Если вы предпочитаете выражать чувства на латыни — а латынь, без сомнения, простирается гораздо дальше английского, — то я не из тех "quos pulverem Olympicum collegisse juvat", за исключением того, что "homo sum; nihil humanum alienum a me puto". Именно для того, чтобы увидеть человечество в новом аспекте, я сел на последний поезд до Эпсому накануне Дерби.

Чтобы совместить приятное с полезным и экономить на обоих, я взял билет третьего класса в аэропорту Виктория, и мне посчастливилось обнаружить купе, уже частично занятое трупной негров. Сделав это, чего при обычных обстоятельствах мне следовало бы избежать, я занял свое место, и всю дорогу меня потчевали отборными морсиками из репертуара моих друзей-музыкантов. "Говорящий человек" на вечеринке тоже оживлял происходящее, с тревогой расспрашивая носильщиков на разных станциях, что бы они взяли из закусок, и раздавая неограниченные заказы воображаемым официантам по их просьбе. Это было странное ощущение — ближе к полуночи оказаться вдали от дома и постели в дикой пустоши; и когда мы приблизились к месту назначения, воздух начал "пронзительно покалывать", а небо приобрело необычный вид, похожий на дождь, - препятствие, которое могло бы стать фатальным для предполагаемого опыта. Нам пришлось пересестись в экипаж в Саттоне, и здесь общительный мужчина по имени тетя Салли, с трудом справлявшийся с орудиями своего ремесла, попытался переманить меня к себе от моих африканских друзей, предложив переночевать в его палатке, которую он предложил пройти пешком через Юэлл и поставить, вместо того чтобы ехать дальше в Эпсом. Мои эфиопские друзья ухватились за это предложение и сразу же подружились с тетей Салли. Я решил следовать своим прежним планам; поэтому, выпив за нашу следующую веселую встречу, мы расстались, якобы до завтра, но, боюсь, навсегда.

Я ожидал, что в Эпсуме будет "веселая компания" — что-то вроде карнавала в тихом городке. Ничто не могло быть дальше от истины. В городе, насколько можно было судить по внешнему виду, было почти так же тихо, как и всегда. Несколько спортивных мужчин толпились в баре главного отеля, а отставшие слонялись по низким пивным; но не было вообще ничего, что указывало бы на неминуемость великого события. Поэтому я вернулся к своему обычному способу обращения в исполнительную власть и нашел не только активного и умного, но и чрезвычайно вежливого сержанта полиции, которому и рассказал о своем поручении. Он был доволен новизной идеи, и так как в тот момент он совершал обход города, прежде чем посетить поле для гольфа, я связал свою судьбу с ним на ночь. Сначала мы посетили то, что он назвал "Немецкой оперой", на Эпсом-Коммон. Это лагерь шарманщиков, шарманщиц, немецких оркестров и т. Д., Которые разбивают здесь свои палатки вместо того, чтобы отправиться в Даунс. Было, однако, довольно поздно, когда мы добрались до места, где расположились бивуаком эти художники, и они уже улеглись на ночь, так что мы не могли составить о них особого представления, кроме их численности, которая казалась значительной, и их запаха, который был немарким. Оттуда мы прошли по короткому переулку к железнодорожной арке,

которая пылала множеством костров и звенела от звуков множества голосов. Приказав мне не делать никаких замечаний, что бы ни говорилось, и попросив меня постараться выглядеть как офицер в штатском, мой чичероне повел меня в странную галерею, куда я, конечно, не смог бы войти без его защиты. Сотни мужчин, женщин и мальчиков собрались группами вокруг костров с кокаином, одни пили кофе, другие пели, большинство спало. Убедившись, что пожары были законными, а не вызваны сломанными заборами, мой проводник покинул этот кишаший улей нетронутым. Затем мы вырулили на трассу, но не по большой дороге, а огибая ее вдоль полей. Полицейский, как и я, нес толстую палку, которая, казалось, действительно была наделена творческой силой в ту ночь. Куда бы он ни тыкал этим посохом — а он действительно тыкал им повсюду, — человеческое существо рычало, или храпело, или ругалось. У каждого куста вдоль живой изгороди был свой обитатель — часто группа из четырех или пяти человек, иногда группа из дюжины или десятков. В одном сарае, забитом тележками, оказалось по меньшей мере сотня, хотя сержант сообщил мне, что его, должно быть, уже несколько раз зачищали в тот вечер, поскольку у него была вереница людей вдоль дороги, помимо кордона внутри парковой ограды, которая окаймляет большую ее часть. Именно с помощью этих изгородей бродяги в основном натворяют бед, стаскивая их, чтобы разжечь костры на своем маршруте. Где бы мой проводник ни находил их, он безжалостно затапывал костры и разбрасывал горящие угли по спящим таким образом, что это, должно быть, было неудобно. Мужчины подчинились в сравнительном молчании, но дамы — там, где таковые имелись, — воспользовались привилегией своего пола и угостили нас несколькими отборными образцами местного наречия. В одном случае самка закричала, что он раздувает огонь над "ребенком", и, конечно же, мы обнаружили полдюжины малышей, свернувшихся калачиком и спящих. Полицейский сделал ей замечание за то, что она привела их в такое место; но она сообщила нам, что это было сделано для того, чтобы "заработать им на жизнь". Каким образом, она не уточнила. Нам это показалось очень похожим на обращение процесса вспять и их гибель. Представьте себе маленьких детей, разбивших лагерь на дороге в Даунс в полночь! Мальчишек тринадцати-четырнадцати лет было предостаточно, они спали большими группами вдоль живой изгороди, а иногда и в открытых полях, где лежала густая роса.

Наконец, после многих поворотов, мы добрались до Холмов. Белые кабинки, своими извилистыми линиями повторявшие направление трассы, выглядели как величественные беломраморные улицы и полумесяцы в тусклом, неуверенном свете того часа, который с 31 мая по 1 июня не является ни днем, ни ночью. Под трибунами и вокруг киосков, прячась под тележками уличных торговцев и даже открыто лежа под землей, все еще находились сотни человеческих существ. В одной маленькой кабине для питья было зрелище, подобного которому, по словам полицейского, он никогда не видел за всю свою двадцатилетнюю практику. Длинный узкий стол тянулся по центру, со скамейками по обе стороны. Сам стол был занят лежащими фигурами; на скамейках сидели спящие, склонившись над ним, а под скамейками спящие растянулись на траве. Вся передняя стенка будки была открыта и продувалась пронизывающим ветром; но там они храпели так спокойно, словно лежали на гагачьем пуху. Мы поднялись по ступенькам трибуны над рингом и стали ждать рассвета, который медленно наступал под пение жаворонка и соловья над этой странной сценой. С первыми признаками рассвета спящие проснулись и встали; зачем — я не могу себе представить. Едва пробило два часа, и я не мог догадаться, как они собирались убить следующие двенадцать часов. Однако они поднялись, и странствующий продавец кофе, который был буквально на взводе, сразу же начал бурно торговать. Я не видел более крепкого

напитка, чем этот, и не был свидетелем ни одного случая пьянства за всю ночь. Но это было до Дерби! В этот момент мы все были удивлены появлением экипажа с фонарем, с трудом взбирающегося на холм. Оказалось, что два предприимчивых джентльмена из Ливерпуля прибыли на вокзал Юстон и настояли на том, чтобы их немедленно отвезли в отель на Эпсом-Даунс. "Иегу", обеспеченный баснословной платой за проезд, отвез их соответственно; и, конечно, ему пришлось везти их обратно в Эпсом — отели на Даунс тихо, но твердо отказывались принимать гостей в столь неурочный час даже джентльмены из Ливерпуля. Когда солнце показало свои первые косые лучи над горизонтом, а утренняя звезда дерзко зависла совсем рядом, в двух цыганских лагерях начали проявляться признаки жизни. Зингарцы разбивают лагерь исключительно в одиночку, и на окраине показались несколько живописных представителей мужского пола, удивительно похожих на оживленную фотографию греческих разбойников. Дамы приберегли себя на более поздний час. Мой проводник предупредил меня, чтобы я не пыталась проникнуть в лагерь, поскольку мужчины опасны, а их положение на Холмах привилегированное. Их беспокоили только тогда, когда бродяги вторгались на чужую территорию или явно замыслили что-то недоброе. На Холмах они были монархами всего, что им открывалось.

Когда солнце уже почти взошло и утренний туман рассеялся с этих великолепных Холмов, я почувствовал, что моя миссия выполнена. Я видел восход солнца на поле для гольфа в Эпсеме. Поскольку до возвращения поезда оставалось много часов, а я все еще чувствовал себя бодрым, я решил завершить свое ночное приключение пешком домой — по крайней мере, в радиусе действия поездов для рабочих. Авангард процессии Дерби теперь начал отчетливо вырисовываться в виде огромного немытого животного, взбирающегося на гребень холма у паддока; и я почувствовал, что увижу по дороге несколько характерных достопримечательностей. Поэтому, попрощавшись со своим проводником в Эпсеме, я отправился пешком по ныне многолюдной дороге, поскольку мое лицо было единственным, обращенным в Лондон. Теперь начали появляться тележки, груженные козлами и досками для трибун. Постепенно хорошо известные бумажные букеты и эпатажные головные уборы стали украшать тележки уличных торговцев. Все путешественники были разговорчивы, многие из них зябли. Мне часто приходилось отвечать на вопросы о часе и расстоянии до трассы. Иногда какой-нибудь шутливый джентльмен с тревогой спрашивал, все ли кончено, когда я возвращаюсь? Полагаю, большинство смотрело на меня как на безобидного сумасшедшего, поскольку утром на Дерби я уезжал из Эпсоста, и соответственно жалело меня. Ирландец удачно проиллюстрировал добродушный характер хибернианского языка чафф по сравнению с английским. "Доброго дня вашему приятелю!" - сказал он. "Мне приятно снова видеть счастливое лицо твоего хоннера", хотя, конечно, он никогда не видел его раньше. Когда я проходил мимо, коротко поздоровавшись, он не поленился побежать за мной и, хлопнув меня по плечу, добавил с прекрасным акцентом: "Подождите минутку; я не хочу вас ни за что расстреливать, а только сказать вам, как я рад снова видеть счастливое лицо вашего друга. Доброе утро!"

Итак, через Юэлл, Чим и Морден до Тутинга; толпа увеличивается с каждой милей. В Бэлхэме, не дождавшись поезда в течение часа, я снова пустился в путь. Я обнаружил, что на Клэпхэм-Коммон уже делаются приготовления к встрече бесконечной тети Салли. Вскоре после шести я вскочил в поезд, следующий до Лондона, Чатема и Дувра, и вернулся домой "с молоком", не только совершив полезную ночную прогулку — погода все это время была великолепной, — но и добавив к своим впечатлениям о лондонской жизни по крайней мере одну новую "черточку": я

увидел жизнь в St. Giles's kitchen и Bethnal Green lodging-house à la campagne. То, что я уже видел при ярком свете свечей на Севен Дайалз и Коммершиал-роуд, я увидел позолоченным до живописности благодаря тому великолепному и никогда не забываемому восходу солнца над Эпсом-Даунс, который возвестил о Дне Дерби.

ГЛАВА XIX.

"ДОМ" ЖЕНОУБИЙЦЫ.

Есть что-то очень странное в этом исключительном увлечении, которое приводит человека сегодня на пир к лорд-мэру или турнир по крокету, завтра на Ритуальную службу, а послезавтра в дом, где расследуется убийство. Я могу свободно признаться, что каждый из них по-своему привлекателен для меня. Я очень склонен "возвеличивать свою должность" в этом отношении не из-за какой-то глупой идеи, что я "вижу жизнь", как это называется, но все же из чувства, что надлежащее изучение человечества — это человек во всех его разнообразных аспектах.

Это не всегда должно быть болезненное чувство, которое приводит человека на место убийства или другого ужасного события, хотя, как мы хорошо знаем, большинство тех, кто посещает такие места, действительно отправляются туда из простого любопытства. Однако, возможно, стоит тем, кто заглядывает немного глубже в суть вещей, оценить, так сказать, гениальные фокусы и посмотреть, есть ли во влияниях, окружающих это место и его обитателей, что-нибудь, что могло бы дать ключ к разгадке причин преступления.

Подводя итог свидетельским показаниям, касающимся некой трагедии в Гринвиче, когда мужчина убил свою жену, бросив нож, коронер "сослался на ужасное жилище — угольный погреб, в котором проживала семья, насчитывавшая девять человек, которое было непригодно для проживания и должно было быть осуждено приходскими властями". Увидев и описав на этих страницах кое-что о том, как бедняки размещаются в подвалах Сент-Джайлса и Бетнал-Грин, и проследив возможные последствия совместного содержания преступников и невиновных в дешевых пансионах, мне пришлось в голову посетить место этого ужасного происшествия и посмотреть, насколько верен отчет, представленный коронеру присяжным.

С этой целью я сел на поезд до Гринвича и, посоветовавшись с первым попавшимся полицейским, получил от него направление на Роан-стрит как место трагедии. Роан-стрит оказалась несколько убогим переулком, отходящим от Скелтон-стрит, недалеко — казалось, значительно близко — от старой приходской церкви. Невольно вспоминается известная пословица: "Чем ближе церковь, тем дальше от Бога". Фактический район называется Маньярдс-Роу и представляет собой несколько дюжин домов среднего размера на Роан-стрит, сдаваемых в аренду под жилье, причем конкретный дом, о котором идет речь, опять же, с ужасающей гротескностью, находится по соседству с пивной под названием "Попадание или промах!". Я ожидал, что Роан-стрит окажется под пристальным вниманием всех наблюдателей, но девятидневное чудо закончилось с тех пор, как Диккенс назвал это "чернильным пятном". Действительно, теперь убийство перестало быть девятидневным чудом. Это произошло только в субботу; и когда я был там, в следующую среду, Роан-стрит уже погрузилась в свой привычный

покой. На пороге стояла женщина с ребенком и, когда я поинтересовался, могу ли я осмотреть кухню, направила меня к миссис Бристоу из "мелочной лавки", которая занимается арендной платой за эти многолюдные многоквартирные дома, поскольку Маньярдс-Роу заселена "от чердака до подвала", и к тому же довольно далеко под землей.

Миссис Бристоу, вежливая, полнотелая ирландка, с готовностью согласилась сыграть чичероне, и мы прошли по коридору в сад за домом, где была сложена вся бедная домашняя мебель из бывшего "дома" отдела по расследованию убийств. Она не занимала большого места и состояла только из кровати, на которой сидела бедная женщина, когда было совершено роковое деяние, двух шатких столов и двух стульев. Это было все движимое имущество семьи из девяти человек. Матрас остался внутри — слишком ужасное зрелище после того, что произошло, чтобы выносить его на дневной свет.

Мы прошли — Хонора Бристоу и я — с парой "сплетниц", которые пришли посмотреть, что мне нужно, в заднюю кухню, потому что у женоубийцы было две комнаты с ванными комнатами, хотя семья предпочла занять только одну. Пол в этой квартире был либо матерью-землей, либо, если его вымостить, настолько покрыт грязью, что очень напоминал почву. Здесь стоял только этот ужасный сувенир - промокший матрас. В кухне, которая, позвольте мне заметить, выглядела бы роскошно по сравнению с "Северн Дайалз" или "Спиталфилдз", будь она только чистой, было очень мало света, потому что в окне, которое находилось значительно ниже поверхности тротуара, не было целого стекла, а разбитые были забиты старыми тряпками, которые действительно сильно выпирали. Одно это окно показывало бы, что проживание было неразумным.

"Он был тихим человеком, - сказала Онора, - и никому не доставлял хлопот. Они с женой никогда не перемолвились ни словом". Все сплетники верили, что история о метании ножа была правдой, несмотря на то, что медицинские свидетельства свидетельствовали против этого. Двенадцатилетний мальчик, который спровоцировал отца бросить нож, очевидно, был инкубом этого несчастного дома. "Почти до того, как его мать испустила дух, этот мальчик шарил по кровати в поисках какого-нибудь пенса", - сказала Гонора. Этот мальчик явно был неудовлетворителен. Коронер отклонил его показания, потому что он не умел ни читать, ни писать. Но тогда каково было окружение ребенка? Оно было описано выше. У самого мужчины была патриархальная семья из семи человек, от семнадцатилетней девочки до двухлетнего ребенка, и все они, как мы видели, спали в одной комнате, хотя их было две, и хотя ведро побелки сделало бы эту пару пригодной для жилья, не говоря уже о том, что дало бы парню какую-нибудь полезную работу.

Отец не имел определенного занятия, подрабатывал случайными заработками и в основном занимался торговлей креветками. Хонора Бристоу высоко ценила его за то, что он исправно выплачивал 1s. 9d. в неделю в течение пяти лет или, по крайней мере, сейчас отстает примерно на 5s.; сумма, которую, вероятно, покроет движимое имущество в саду за домом. Тогда в бедном доме воцарилась тишина. Мать спокойно лежала в доме умерших после вскрытия, "ужасно изрезанная", - сказал один сплетник, который отважился навестить свою бывшую подругу. Отец находился в Мейдстоунской тюрьме. О маленьких детях заботилась бабушка до тех пор, пока мать не должна была быть похоронена, и тогда их потянуло бы в рабочий дом.

Тем временем двенадцатилетний мальчик, причина всех проказ, развлекается на Маньярдс-Роу как ни в чем не бывало. Возможно, он - самая трудная часть проблемы; но вопрос о доме в

целом вызывает недоумение. Мальчик, очевидно, является продуктом семьи. Общество очень обеспокоено тем, что такие продукты могут исчезнуть; и поэтому, чем скорее в такие дома будут внесены некоторые улучшения, тем лучше. Во-первых, здесь явно слишком мало света. Солнечный свет там был бы невозможен ни при каких обстоятельствах. Может быть поставлена под сомнение целесообразность того, чтобы люди прятались под землей, будь то в подвалах или изысканных подземных кухнях.

С другой стороны, одной спальни — нет, одной кровати — для отца, матери и семерых детей в возрасте от семнадцати до двух лет явно недостаточно. Это звучит слишком ужасно, чтобы быть правдой; но я позаботился о том, чтобы удостовериться, что старшая девочка, хотя и работала домработницей в Гринвиче, спала в "доме". Еще более ужасным является раскрытый факт, что у них была вторая комната, но они не посмели ею воспользоваться. "De mortuis nil nisi bonum." Они жили в соответствии со своим светом; но света у них было очень мало, в прямом или переносном смысле. Конечно, мы хотим научить наших бедных простым правилам гигиены. Одна из сплетниц, чистенькая, здоровая маленькая женщина с чудесным младенцем у груди, с гордостью рассказывала о своей бедной кухне, во всех отношениях, кроме грязи, идентичной домашнему очагу.

И опять же, была одна вещь, которая сильно поразила меня, и это было своего рода квалифицированное осуждение, с которым эти добрые сплетники — действительно порядочные люди в своем роде — говорили о привычке метать ножи. Онора однажды бросила такой в свою восемнадцатилетнюю дочь, но больше никогда не собиралась этого делать. И все это под звон колоколов старой приходской церкви Гринвича в 1870 году от рождества Христова!

Однако, очевидно, что первый вопрос заключается в том, что делать с двенадцатилетним мальчиком. Ведя себя так, как он вел себя перед лицом ужасной трагедии, причиной которой он стал, этого молодого джентльмена явно нельзя упускать из виду, иначе будет хуже для него самого и для тех, с кем он соприкасается. Более того, через несколько лет он станет центром влияния и создаст вокруг себя другой такой же "дом", возможно, хуже первого.

Позвольте нашей социальной науке настолько далеко продвинуться в рамках программы, которую она, возможно, установила, чтобы затронуть эту очень подходящую тему убогих домов, и ее следующее заседание может оказаться действительно очень полезным.

ГЛАВА XX.

КУПАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

Картины восточного великолепия проносятся в воображении при одном упоминании легендарного Востока. Воспаряя над всей рутинной обыденностью существования и банальностями истории, эта творческая способность внутри нас рисует Пактол с его золотыми песками; или вспоминает из легендарных записей детства пышность принцессы Аладдина, идущей в свою роскошную ванну; или вспоминает почти прозаическую подробность, с которой греческий поэт

описывает ванну Улисса, когда он вернулся из своих странствий. На Востоке баня всегда была учреждением — не просто роскошью, но необходимостью; и доказательством эклектичных тенденций нашего поколения является то, что мы приручили здесь, на Западе, это великое заведение, хаммам, или турецкую баню, которую римляне были достаточно мудры, чтобы перенять, после своего восточного опыта, более двух тысяч лет назад. Однако ни об одном из этих восточных великолепий настоящее повествование не может рассказать. Я прошу тех, кто интересуется социальными вопросами, как можно раньше отправиться в воскресную экспедицию в лондонский Ист-Энд и хотя бы мельком увидеть тех, кого после того, что я должен рассказать, было бы клеветой называть "Великими немытыми". Мы посмотрим на Восточный Лондон, занятый интересным процессом совершения омовений.

Очень приятна субботняя дневная прогулка по парку Виктория. Те лондонские джентльмены, которые непринужденно сидят дома, склонны думать об Ист-Энде как о скопище трущоб, где для тысяч собравшихся здесь людей примерно столько же свободного пространства, сколько для клещей в устаревшем чеширском сыре. Давайте пройдем по Бетнал-Грин-роуд и, оставив позади новый Музей, войдем под волшебный портал на величественные земли, носящие имя нашего Государя. Справа от нас находится Больница для лечения заболеваний грудной клетки, первый камень в фундамент которой был заложен принцем-консортом, и новое крыло, которое наши жители Востока надеются однажды увидеть открытым лично ее Величеством. Самым убедительным доказательством из всех является ситуация в этой Чахоточной больнице— демонстрирующая целебность восточного бриза. За внушительными воротами посетитель найдет обширные площадки для игры в крикет, чередующиеся с обширными пастбищами, чьи стада по оттенку противоположны аркадским. Крикетные мячи свистят вокруг нас, как снаряды в Инкермане; и многозначительное "Спасибо" скаутов побуждает прохожего к непривычной активности, когда он бросает мяч боулеру. Кроме того, есть бесчисленные карусели и множество спортивных залов. Здесь есть боскеты для тех, кто занимается любовью, и стеклянные бассейны, усеянные бесчисленными островками, по которым многие Озерные Владычицы плавают на своих отмелях, в то время как восточные моряки безудержно гребут на каноэ. Есть цветочные клумбы, которые не нужно краснеть, чтобы сравнить с Кью или Кристал Пэлас. Но нас сейчас интересуют не такие. На одном из тех самых озер, по которым субботним вечером матросы в зачаточном состоянии пускают в ход свои имитационные суденышки — а один молодой джентльмен, немного опережающий остальных, управляет очень миниатюрным пароходиком, — мы видим таблички, предполагающие, что ежедневно с четырех до восьми утра жители Востока могут окунуться в прозрачные и самые соблазнительные воды. Глубина, как им по-отечески сообщают, увеличивается к центру, буи отмечают, где она составляет шесть футов; так что у наших восточных друзей нет оправдания самоубийству путем утопления.

Птицы Восточного Лондона - ранние пташки, и чтобы застать их во время купания, вы должны быть буквально на ногах вместе с жаворонком. Ближе к шести часам - самое модное время для нашего столичного Пактола; и, поскольку он находится в нескольких милях от того, что с большой натяжкой можно назвать Вест-Эндом, и поскольку в воскресенье утром туда не ходят поезда для рабочих, всем, кто хочет стать свидетелем развлечений наших восточных амфибий, неизбежно придется долго идти пешком или ехать на такси. Поднявшись таким образом вовремя в недавнее "воскресное утро до того, как зазвонили колокола", я поспешил к пруду для купания, предусмотрительно отгороженному кустарником от главной дорожки. Я прибыл между назначенными часами; и задолго до того, как я что-либо увидел, сквозь кусты до меня донесся звонкий смех молодого Востока. Пробираясь по тропинке, ведущей к озеру, я обнаружил, что

вода буквально кишит мужчинами, мальчиками и неуклюжими лошадьми, которые наслаждались водой, как молодые гиппопотамы в Ниле. Преобладали мальчики в возрасте от десяти до пятнадцати лет, которые плавали, как юные леандры, и загорали на берегу, при отсутствии полотенец, перед тем как переодеться, или курили свои трубки на природе. Справедливо будет только сказать, что пока я оставался здесь, я почти не слышал языка, который можно было бы назвать "нецензурным". Конечно, эти замечания были очень свободными и непринужденными и в значительной степени свидетельствовали о вульгарном языке; не без доли легкой насмешки в мой адрес, чье присутствие на берегу озера озадачивало моих юных друзей. Я получил множество приглашений "почиститься" и окунуться; и один юный сорванец заверил меня самым покровительственным образом, что он "не стал бы надо мной смеяться", если бы я не смог преуспеть. Язык, возможно, был не столь изысканным, как тот, который я услышал несколькими днями ранее от молодых джентльменов в высоких шляпах и синих галстуках в "Лордз"; но я намеренно говорю, что он более чем выдерживает сравнение с языком купальщиков в Серпентайне, где мои уши часто подвергались атаке чего-то гораздо худшего, чем все, что я слышал в Восточном Лондоне. Что касается одежды, то одежда наших юных друзей действительно была восточной в своей простоте; и все же они оставили ее незащищенной на берегу с уверенностью, которая делала честь нашему общему человечеству в целом и правилам парка Виктория в частности. Плавание в том или ином виде было почти повсеместным среди купальщиков, показывая, что их посещение воды было не единичным событием в их существовании, а постоянной, поскольку это полезная привычка. Восточное население по большей части, по-видимому, было хорошо упитано; и там можно было увидеть гибкие и активные фигуры, либо грациозно плывущие в старом стиле плавания, либо применяющие новый научный метод, благодаря которому божественная форма человека очень близко приближается к сходству с довольно возбужденным грампусом.

Но неумолимое Время предупреждает юных купальщиков, что они должны пожертвовать собой ради Благодати; и во время этого процесса происходят некоторые забавные инциденты. Вообще говоря, хотя количество одежды не является чрезмерным, требуются значительные усилия по закреплению и закреплению, чтобы расставить вещи по своим местам. Молодой джентльмен был повергнут в невыразимое горе и вызвал презрение своих товарищей по купанию из-за того, что во время его туалета на свежем воздухе одна из его ног наступила на его невыразимые части тела в почетном месте, вместо того, чтобы следовать надлежащим маршрутом; ошибка чрезвычайно заинтересовала его друзей, поскольку они настолько придиричивы, насколько это вообще возможно, к любой необычности в одежде, и они долгое время держали несчастного подростка в его неловком положении, к его сильному отчаянию, пока он не был спасен от своей участи. позорное положение какого-то взрослого друга. Кроме того, молодой Восток склонен к удовольствиям, связанным с табаком. Я полагаю, это было перед завтраком с большинством купальщиков, и курение в таких условиях является испытанием даже для опытных. Некоторые, бледные от долгого погружения — ибо их погружение не было кратковременным, — побледнели еще больше после того, как обсудили трубку или сигару, которых требовал от них строгий обычай. Мода безраздельно властвует как среди гейменов Востока, так и среди дам Запада. Однако они ушли более чистыми и свежими, чем раньше, молчаливо поддерживая своим утренним развлечением девиз, который дошел от философа древности и даже сейчас безраздельно правит от Бермондси до Белгравии: "вода - самая превосходная вещь".

Возможно, настанет день, когда, выйдя на берег Темзы, мы последуем примеру Сены и Рейна, оборудовав их дешевыми ваннами для многих. Пока мы этого не сделаем, устаревшая шутка о "Великих немытых" будет отталкивать нас самих и не менее симптоматична для несовершенных санитарных мер, чем возможность засухи в Бермондси. Но мы забываем о наших купальщиках. Они ушли, оставив это место в одиночестве — некоторые, я надеюсь, вернулись домой завтракать, другие вышли на цветочную аллею или на лужайку. Стоит мрачное, пасмурное, душное июльское утро не по сезону; и служащий на берегу озера говорит мне, что собрание было не таким многочисленным, как обычно. Молодые жители Востока — как это принято у их расы — любят солнечный свет. Видит Бог, они получают его недостаточно. В следующее ясное воскресное утро любой, кому посчастливится проснуться между упомянутыми часами и кто хотел бы пополнить свой опыт столичной жизни, может поступить хуже и увидеть гораздо менее приятное зрелище, чем если бы он остановил экипаж и проехал мимо главного входа парка Виктория к нашим Восточным баням.

ГЛАВА XXI.

СРЕДИ КВАКЕРОВ.

Нет более привлекательного и торжественного предмета для размышлений, чем упадок религиозной веры. Правильно это или неправильно, но с этой верой люди жили и умирали, возможно, на протяжении веков; и нельзя видеть, как она уходит из сознания человечества, не задумавшись о причинах ее упадка. Побуждаемый исключительными причинами проявлять более чем обычный интерес к тем формам веры, которые лежат за пределами Англиканской церкви, я был привлечен уведомлением в публичных журналах о том, что на следующее утро Общество друзей соберется со всех концов Англии и откроет Конференцию, чтобы исследовать причины, вызвавшие надвигающийся распад их тела. Итак, факт такого упадка был признан. В большинстве случаев самыми последними людьми, осознавшими неприятную истину, являются те, кто придерживается доктрин, которые становятся устаревшими. Я чувствовал, что квакерство, должно быть, действительно находится в очень плохом состоянии, когда его собственные последователи созвали конференцию, чтобы отчитаться за его уход. Ни люди, ни сообщества, как правило, не участвуют в поисках коронера после собственной смерти. Было ясно, что эта вера, должно быть, почти забыта, о чем молиться, и что, не веря, как это делает наш современный квиетизм, в действенность собраний и полагаясь во всем на внутреннее озарение отдельных людей, все же следует созвать что-то вроде квакерского Вселенского совета. Я подумал, что хотел бы сам исследовать этот личный свет и, расспросив одного или двух членов организации, узнать, что они думают по этому поводу. Я был наполовину склонен облачиться в серое *истать* первым представителем тела, с которым мне довелось столкнуться во время моих прогулок за границей. Но потом мне пришло в голову, как редко в наши дни можно встретить квакера, за исключением "месяца Мэйнинг". Мне действительно пришлось некоторое время поразмышлять, прежде чем я смог выбрать из достаточно широкого и разнородного круга знакомых два имени людей, принадлежащих к Обществу друзей; хотя я мог легко вспомнить полдюжины представителей любой другой культи, от ультрамонтанов до

Прыгунов. Во всяком случае, с этими двумя я хотел бы "побеседовать" и, таким образом, предварить Конференцию моим собственным небольшим избранным синодом.

Конечно, можно было найти смехотворную сторону в этом вопросе, но, как я уже сказал, я подошел к нему серьезно. Сидней Смит, с его неисправимой привычкой шутить, поставил под сомнение существование детей—квакеров - позиция, которая, если бы ее доказали, конечно, сразу же объяснила бы уменьшение числа взрослых членов секты. Это правда, что я никогда не видел младенцев-квакеров; но поэтому я сомневался в их существовании не больше, чем верил, что почтальоны и некоторые скромные четвероногие бессмертны, потому что никогда не видел мертвых представителей ни того, ни другого. Я сразу понял, что этот вопрос носит социальный и религиозный, а не физиологический характер. Почему квакерство, которое просуществовало более двухсот лет, со времен Джорджа Фокса, и подверглось таким же преследованиям, как любая система аналогичного возраста, начинает поддаваться влиянию мира и процветания? Неужели это снова старая история о Капуе и Каннах? Возможно, было бы не совсем корректно говорить, что сейчас оно начинает приходить в упадок; и, по сути, эта Конференция не является первым исследованием, которое само тело предприняло по поводу своего собственного зарождающегося распада. Говорят даже, что симптомы подобной проблемы проявились еще в начале восемнадцатого века; и время от времени о причинах этого писались призовые статьи, прежде чем Общество настолько приспособилось к обычаям времени, что создало совет для проведения нынешнего очень сложного и деликатного расследования. Эссе Уильяма Раунтри, получившее первую премию, объясняет отпадение тем фактом, что первые Друзья, преувеличив ранее игнорируемую истину — истину о Пребывающем Слове, — впали в естественную ошибку, придав ей неподходящее место, тем самым лишив их представления о христианской доктрине симметрии, которой они в противном случае обладали бы, и повлияв на их собственную практику таким образом, что подорвали основу, на которой зиждется христианское братство. Эссе, получившее вторую премию под названием "The Peculium", придерживается еще более практического взгляда и самым нелестным образом указывает на то, что Друзья, исключив из своей системы всякое внимание к искусству, музыке, поэзии, драме и т. Д., Не оставили ничего для проявления своих способностей, кроме еды, питья и зарабатывания денег. "Рост квакеризма, - говорит мистер Т. Хэнкок, автор этого откровенного эссе, - заключается в его энтузиастической тенденции. Подчинение квакеров коммерческим тенденциям означает прекращение существования их собственного раскола. Чистый энтузиазм и погоня за деньгами (которые *и есть* энтузиазм) никогда не могут сосуществовать, никогда не взаимодействуют; но, - добавляет он, - величайшей потерей власти, зарезервированной для квакерства, является повторное принятие католической церковью тех католических истин, свидетельствовать и отстаивать которые квакерство было отделено".

Однако я признаю, что сам до такой степени тоже квакер, что меня мало интересуют письменные свидетельства друзей или врагов. Во всех своих религиозных странствиях и исследованиях я использовал метод устного экзамена; так что недавним ноябрьским утром я обнаружил, что мчусь по железной дороге на окраину Лондона, чтобы навестить пожилую даму-квакершу, которую я знал очень смутно, но которая, как я слышал, иногда была движима духом просветить небольшую пригородную паству, и поэтому я чувствовал, что именно она могла бы просветить и меня, если бы ее это тронуло. Это была почтенная седовласая пожилая леди, одетая в традиционную одежду своей секты и очень похожая на живое изображение Элизабет Фрай. Она приняла меня очень сердечно, хотя я чувствовал себя так, словно был вычурным новшеством девятнадцатого века, вторгшимся в священную, старомодную тишину ее опрятной

гостиной. Она обращалась ко мне "ты" и "ты" сколько душе угодно: и — подводя итог нашему с ней разговору — именно отказу от старой фразеологии и отказу от необычного платья она приписывала большую часть выпадений, на которые она была слишком проницательной светской женщиной, чтобы закрывать глаза. Конечно, это были только внешние и видимые признаки соответствующих внутренних перемен; но именно поэтому Друзья отпали и потянулись, как, по ее признанию, они и делали, к постройке домов с колокольнями, купанию в воде и поклонению хлебу и вину. Она казалась мне тихой старой пророчицей Анной, распевавшей "Nunc Dimittis" собственного сочинения по случаю ухода из жизни ее веры. Она была бы рада уйти до того, как слава совсем угасла. Она сказала, что не возлагает особых надежд на Конференцию, и, к моему изумлению, скорее превозносилась старым непочтительным титулом, данным Независимыми ее предкам за их "трепет", когда они слышали Слово Божье, хотя она еще больше предпочитала более старый титул "Дети Света". На самом деле она была непреклонной старой консервативной последовательницей Джорджа Фокса, начиная с макушки шляпки с узкой каймой и заканчивая подолом серого шелкового платья. Боюсь, мое лицо выражало недоверие к ее объяснению этого упадка; ибо, когда я поднялся, чтобы уйти, она сказала: "Ты не согласен, друг, с тем, что я тебе сказала — нет, никогда не качай головой; было бы замечательно, если бы ты это сделал, когда наши собственные люди этого не делают. Останься; я дам тебе записку моему сыну в Лондон, хотя он и опровергнет многое из того, что я тебе рассказал. Она дала мне письмо, которое было как раз тем, чего я хотел, поскольку я чувствовал, что мало что приобрел, кроме приятного опыта жизни в старом свете, от своей утренней прогулки. Я воспользовался ее любезным гостеприимством, мне показали ее особенно уютный дом, сады и оранжереи, и на обратном пути я размышлял над многими подробностями, которые я впервые узнал о ранней истории Fox; понимая, какое согласие существовало между опытом всех иллюминатов. Я снова и снова улыбался над причудливым названием одной из книг Фокса, которое мой почтенный друг процитировал мне, а именно: "Боевой путь для учителей и профессоров по изучению множественного и единственного числа. *Ты ко многим, а Ты к Одному*; Единственное число - Один, *Ты*; множественное число - Многие, *Вы*." Пока я так размышлял, мое такси высадило меня у дверей явно "убогого" дома в Вест-энде, где мой предполагаемый друг практиковался в, не буду упоминать, в какой из изученных профессий. И пригородный коттедж матери, и лондонская квартира сына заверили меня, что они процветали благодаря квакерству; и только тогда я вспомнил, что бедный квакер был такой же редкой личностью, как и инфантильный член Общества.

Молодой человек, который ни одеждой, ни речью, ни манерами не отличался от обычного английского джентльмена, улыбнулся, читая строки своей матери, и, вежливо извинившись за то, что испортил впечатление, которое ее речь могла бы произвести на меня, принял именно тот взгляд, который был скрыт в моем собственном сознании относительно причины упадка Общества. Оставаясь полностью солидарным с ними в учении о просветляющей силе Духа в индивидуальном сознании, он относился к архаичной одежде, устаревшей фразеологии, упорному противодействию многим невинным обычаям того времени просто как к анахронизмам. Он с гордостью указал на тот факт, что наш величайший из ныне живущих ораторов был членом Общества; и утверждал, что основополагающий принцип квакеризма, а именно превосходство совести, свободной от оскорблений, над письменным Писанием или официальной церемонией, по сути, является *самым широким* вероучением христианского мира. Он был уверен, что неблагоприятное сохранение обычаев, которые стали бессмысленными,

навлекло на общество самое пагубное из всех влияний — презрение. "Вы видите это в вашей собственной Церкви", - сказал он. "Существует школа, которая, возрождая устаревшие доктрины и практики, приведет к упразднению Англиканской церкви, поскольку она уже распалась. Вы видите это даже в самой древней религии из всех — иудаизме. Понимаете, я имею в виду школу, набирающую известность и могущество, которая отбрасывает все наработки веков и, возвращаясь к настоящей древности, сразу же приводит систему в большее соответствие с веком и предотвращает то презрение к ней, которое будет нарастать всякий раз, когда система яростно противостоит тону современного общества ". Он считал Собрание совершенно излишним. "Не нужно никакого призрака, восставшего из мертвых, чтобы сказать нам это, Горацио", - весело сказал он. "Они узнают, что квакерство - это не прозелитическая религия, - добавил он, - о чем, конечно, мы знали и раньше. Они укажут на модную одежду, золотые кольца и высокие шиньоны наших младших сестер как на прямое нарушение первобытных обычаев. Я достаточно неортодоксален, — и он улыбнулся, произнося это слово, - чтобы думать, что этот наряд больше идет моим младшим сестрам, точно так же, как Светская одежда - моей дорогой матери. Этот молодой человек и юные сестры, о которых он мне рассказывал, были воплощенными ответами на вопрос, который я задал себе. Они были внешними и зримыми доказательствами доктрины квакерского "развития". Идея не мертва. Дух все еще жив. Именно дух лежит в основе всей настоящей религии, а именно личное отношение человеческой души к Богу как источнику просветления. Этот молодой человек в душе был таким же добрым квакером, как сами Джордж Фокс или Уильям Пенн; и "извинение", которое он принес за свою изменившуюся веру, было лучше, чем у самого Барклая. Мне интересно, придет ли Конференция к какому-нибудь столь же разумному выводу относительно того, почему квакеризм приходит в упадок.

ГЛАВА XXII.

ПОКАЗАНИЯ ПО ПЕННИ.

Кто когда-либо проникал под поверхность клерикального общества — подразумевая под этим сферу богословий (в основном женского пола), которые защищают приходского викария, — не осознавая, насколько Грошовые чтения соответствуют месту в Мистическом Лондоне? Когда сезон Глупостей в самом разгаре; когда чудовищный крыжовник дает всходы, а лягушачьи дожди прекращаются; после супружеских хлопот в Маргейте или Скарборо и до более решительного дела с рождественскими украшениями, тогда проникновение в каждый приход окутано глубокой тайной. Разрабатывается грандиозная схема Пенни-чтений, и все доступные таланты округа — все, что является "ортодоксальным" и "правильным", — вносятся в фонд.

Верна пословица, что мы, англичане, умеем делать лучшие из возможных вещей наихудшим из возможных способов; и что нередко, когда мы однажды начинаем их делать, мы доводим их до смерти. Требуется некоторое время, чтобы убедить нас в том, что это конкретное дело вообще стоит делать; но, однажды убедившись, мы беремся за него со всей нашей британской мощью. Движение за бороду и усы было тому примером. Несколько лет назад серьезные англичане считали усы решительно безрассудными и рассеянными. Борода годилась только бандиту. В наши дни самый скромный юноша в Христианской ассоциации молодых людей может носить

усы, не будучи обвиненным в "плотских наклонностях", а патерфамилиас наслаждается бородой сапера, и ни один мизопогон не осмеливается сказать ему "нет". Однако ни к одному "движению" поговорка "Vires acquirit eundo" не применима более основательно, чем к тому, что связано с "Чтением пенни". Первоначально робко возникавший в сельских и пригородных приходах, в последнее время он добился гигантских успехов и сделал каждый приход, где егонет, сельский или столичный, действительно исключительным. В основе движения лежал здравый принцип, поскольку оно было разработано для объединения классов; хотя, возможно, в нем было слишком много допущения, что "рабочему человеку" должен читать лекции его брат в пурпуре и тонком льне. И все же теория пока была здоровой. Широкая ткань должна была дать фустиану преимущества, которыми она обладала в плане чтения, пения, игры на скрипке или чего-то еще; и это не безвозмездно, что оскорбило бы достоинство рабочего человека, а за скромную сумму в один пенни, которую, хотя Лазарус был не так беден, чтобы позволить себе это, Дайвс снизошел до того, чтобы принять и направить на благотворительные цели.

Такова, вкратце, теория движения чтения пенни, и может быть интересно посмотреть, как это осуществляется на практике. Теперь, чтобы убедиться в этом, я воспользовался несколькими возможностями, предоставленными началом сезона чтения Пенни, который, можно сказать, почти совпал с наступлением лондонских туманов, и присутствовал на открытии серии в нескольких совершенно разных местах. При описании моих впечатлений, возможно, было бы неуместно указывать точную местность, где они были собраны. Я предпочитаю сопоставлять те впечатления, которые простираются от Кэмпден-Хилл до Кэмпден-Тауна включительно. Среди множества отличительных черт есть общие элементы, прослеживаемые во всех, которые могут позволить нам составить некоторую оценку работы схемы и, возможно, дать несколько советов тем, кто в ней заинтересован.

В большинстве случаев Грошовые чтения организуются приходским духовенством. Мы будем православными и будем считать их таковыми в данном случае. В этом случае серию, вероятно, открыл бы лично действующий президент. Некоторые церковные дамы, молодые и среднего возраста, которые, справедливо или ошибочно, верят, что их миссия - музыка, и которых, весьма вероятно, привлекает викарий, помогают ему в его усилиях. Серьезные молодые люди читают, а другие, более приземленного склада ума, поют печальные "комические" песни, взятые из более презентабельных репертуаров мюзик-холлов. Во многих случаях квалифицированные любители или профессионалы оказывают свою ценную помощь; и не будет преувеличением сказать, что публике представлено множество программ — да, и к тому же добросовестно исполненных, — которые сделали бы честь дорогому концертному залу. Но, в таком случае, кто же составляет аудиторию? Постепенно "копеечные" люди отходят на задний план, так же медленно, но так же верно, как старомодные ямы в наших театрах скромно уходят под ложи, освобождая место для партера. Было обнаружено, что чтения Пенни "привлекают" аудиторию более высокого класса, чем те, для кого они изначально предназначались. Сам викарий, если он не женат, обеспечивает безопасность всех старых девиц прихода. Его перевод строк "О получении портрета моей матери из Норфолка" повсеместно признан "восхитительным"; и поэтому со временем было установлено, что "Пенни Ридинги" приносят хороший приходской доход; и владелец, направляя выручку на какую-нибудь местную благотворительность, естественно, желает увеличить этот доход настолько, насколько это возможно. Следствием этого является то, что пенни-людей на Пенни-чтениях так же нет, как и свободных мест в их приходской церкви. Вся комната, так сказать, "загнана в тупик" для шестипенсовиков, а пенсовики спрятаны где попало. С другой стороны, в нескольких

программах, которые я потрудился проанализировать, заметно, что, хотя основная часть отрывков направлена против бедняков, вставлены один или два, которые так же старательно направлены против них, как замечания священника в прошлой воскресной проповеди против безделья в трактирах. По—прежнему "не называя имен", я посетил несколько чтений, где один из священнослужителей прочел длинный отрывок из "Феста" Бейли, в то время как его сменил вульгарный тип, очевидно, заменявший "богов", который выступил с пародией на Инголдсби, полной грубейшего сленга - нет, хуже того, изобилующей безнравственностью, которая, я надеюсь, заставила приходское духовенство сесть на шипы и отныне помещать читателя в их "Index Expurgatorius".

Превосходный в своем первоначальном дизайне механизм, очевидно, вырождается во что-то совершенно иное. Во-первых, я бы сказал, пусть ваши Показания за Пенни будут действительно показаниями за Пенни, а не вопиющими *лукавствами*, которыми они сейчас не являются. Если есть какое-то различие, то партеры должны быть у пенни-людей, а затем, *если бы там было место*, "молодчики" (я вынужден использовать оскорбительный термин) могли бы заходить за шесть пенсов и стоять сзади. Но разницы быть не должно. Дайвз и Лазарус должны сидеть вместе, или Дайвз должен держаться подальше, если он боится, что его тонкое белье может испачкаться. Лазаря, во всяком случае, нельзя упускать из виду или считать второстепенным. Я знаю, что эксперимент по их подобному смешиванию был опробован и увенчался превосходным успехом. Дивес и Лазарус *дружат*; и хотя первый иногда предлагает серебряную монету за свое блюдо, он не чувствует, что таким образом имеет право на лучшее место. Комитет извлекает выгоду из его щедрости; и когда весной проводится аудит счетов, Лазарус безмерно доволен цифрой, которую приносят его деньги. Затем, опять же, что касается качества развлечений. Давайте вспомним, что Лазарь приходит туда, чтобы возвыситься. Такова была теория, с которой мы исходили, — что мы своим чтением, или пением, или игрой на скрипке, или переигрыванием на корнете могли бы цивилизовать нашего друга в фустiane. Не дай нам впасть в ошибку, опустившись до его уровня. Мы хотим поднять его до нашего уровня. Давайте ему музыку, которую мы играем в наших собственных гостиных; читайте его жене и дочерям избранные произведения художественной литературы или поэзии, которые мы должны выбрать для своих собственных. Развлекайте его бедных маленьких детей той же невинной чепухой, которой мы потчуем нашу молодежь. Прежде всего, не надоедайте ему. Я не говорю "никогда не будь серьезным", потому что это большая ошибка - думать, что Лазарь может только хохотать. Прочтите "Смерть маленькой Нелл" или Поля Домби и посмотрите в глаза миссис Лазарус. Прочтите "Песнь о рубашке" Тома Худа и посмотрите, оценит ли это бедная швея, сидящая на продуваемых сквозняками дешевых сиденьях в конце зала, или нет. Я слышал об одном приходе в Вест-Энде — кстати, том самом, который я только что похвалил за приверженность системе "пенни", — где на "Нелли Грей" Худа, предложенную для прочтения сыном одного из наших самых известных актеров, наложили табу как на "необразованность". Лазарь приходит не для того, чтобы его "наставляли", а для того, чтобы позабавиться. Если его можно в то же время проинструктировать, тем лучше; но горькая пилюля должна быть позолоченной, иначе он прикарманит свой пенни и потратит его на мутное пиво в трактире. Если чтение Пенни может предотвратить это — а мы не видим причин, почему этого не должно быть, — у него действительно была миссия. Наконец, я уверен, что в этом движении, лежащем совсем недалеко от поверхности, есть полезный урок и для Дайверов; и это то, насколько, в конце концов, мала разница между ним и Лазарусом. Я был удивлен, увидев, как некоторые из наиболее изысканных "отрывков" наших настоящих юмористов подействовали на "пенни пипл"

и вызвали аплодисменты, которых не смог бы вызвать самый заурядный пародийный каламбур или самая отвратительная нелепость мюзик-холла. Лазарь должен быть представлен на сцене, а также удобно расположен в аудитории. Его нужно попросить прочитать, или спеть, или поиграть на скрипке, или сделать все, что он может. Если нет, он почувствует, что ему читают, или поют, или играют на скрипке, и отправится в "Сороку и пень", вместо того чтобы привести миссис и малышей на "чтения отца". Пусть "Пенни Ридинг" научит нас истине — и насколько это верно, — что все мы "работающие люди". Какое значение имеет, работаем ли мы головой или руками — мозгом или мышцами?

ГЛАВА XXIII.

ДАРВИНИЗМ О ДЬЯВОЛЕ.

Было сказано — возможно, скорее в насмешку, чем серьезно, — что теология не могла бы обойтись без своего дьявола. Несомненно то, что везде, где было яркое осознание Духа Света, там, как бы в качестве антитезы, было столь же ясное осознание Силы Тьмы. Ормузд — под каким бы именем он ни признавался — обычно предполагает, что его противник Ариман; и даже были времена, как в случае распространения манихейской ереси, когда Злой Дух оказывал предпочтение добру — вероятно, это всего лишь другой способ сказать, что мораль была подчинена интеллекту. Но я становлюсь одновременно прозаичным и уклончивым.

Объявление о том, что "Либеральный социальный союз" посвятит один из своих сладко-еретических вечеров в Beethoven Rooms на Харли-стрит изучению дарвиновского развития Злого Духа, не вызвало презрения у исследователя наиболее эксцентричных и неустойчивых аспектов теологии. Литературные мероприятия стояли на пути — общественные еретики собирались по пятницам, — но что бы ни случилось, я слышал, как они обсуждают дьяволизм. Предоставив дьяволу моего печатника потворствовать опечаткам по собственной воле (и я должен признаться, что он *действительно* ошибался), я появился, как мне показалось, вовремя, у дверей зала на Харли-стрит, где его Сатанинское Величество должно было подвергнуться еретической анатомии. Но, увы! Я неправильно рассчитал способность этого конкретного властителя "рисовать". Не успел я подойти к раздевалке, как сами шляпы и зонтики предупредили меня о количестве его приверженцев. Вечерний костюм был "необязательным", и я откровенно признаюсь, рискуя вызвать его неудовольствие, что не счел Мефистофеля достойным фрака с ласточкиным хвостом. Я пришел в обычной одежде и сразу почувствовал себя неловко, когда, поднимаясь по лестнице, был встречен дородным джентльменом и приветливой леди в бурном *tenue de soir*. Аудитория была полна до самых дверей, и как только я протиснулся в зону слышимости лектора (который уже начал свою речь), Меня приветствовал неортодоксальный знакомый в изысканном фраке и розово-розовых перчатках. Опыт в подобных делах уже подсказывал мне — и вслед за этим я доказал это новыми личными муками, — что англичанин никогда не чувствует себя так неловко, как одетый не так, как его коллеги, на любом светском рауте. Миссис Т. приглашает вас на ужин, и вы приходите в подобающем костюме из уважения к утренней трапезе, но обнаруживаете, что все остальные одеты в утреннюю одежду. Миссис Г., напротив, присылает вам веселую записку с приглашением поужинать с несколькими друзьями — никакой вечеринки; и вы идете прямо из офиса, чтобы

обнаружить дюжину солидных людей, хихикающих над вашим сюртуком и черным галстуком. Однако, как я уже сказал, в этот раз лектор, доктор Зерффи, был в гуще событий, которые оказались очень привлекательной лекцией; поэтому все наблюдатели наблюдали за мной не более двух-трех минут, и я смог уделить ему все свое внимание, как только оправился от замешательства. Доктор Зерффи сказал: —

Теория эволюции и отбора доктора Дарвина изменила наш современный подход к изучению неорганических и органических явлений природы и исследованию реалий истины. Его теория не совсем нова, она была впервые провозглашена Лейбницем и продолжена в отношении истории Джованни Баттиста Вико. Окен и Гете усилили его в конце прошлого и в начале нынешнего столетия. Дарвин, однако, систематизировал теорию эволюции, и теперь развитие отраслей человеческого знания может принести пользу только в том случае, если мы прослеживаем во всех явлениях, материальных или духовных, начало и постепенное развитие. Был четко установлен один факт, а именно, что в вечных изменениях есть порядок, что этот порядок порожден законом, и что закон и порядок являются критериями премудрого правящего Духа, пронизывающего Вселенную. Этому позитивному духу закона с самого начала противостоял дух отрицания, элемент бунта и озорства, насмешки и эгоизма, обычно называемый дьяволом.

До самого недавнего времени казалось, что Бог создал мир только для того, чтобы развлекать дьявола и давать ему множество работы, и все это было направлено на то, чтобы разрушить счастье лучшего Божьего творения — человека. Рассматривая Дьявола с дарвиновской точки зрения, мы можем утверждать, что он развился из протоплазмы невежества и в мрачном тумане страха и суеверий постепенно превратился в грозного монстра, превращенного разгоряченным воображением догматиков в рептилию, сову, ворона, собаку, волка, льва, кентавра, существо наполовину обезьяну, наполовину человека, пока, наконец, не превратился в вежливого и утонченного человека.

Человек, однажды достигнув определенного состояния сознания, увидел болезнь, зло и смерть вокруг себя, и поскольку было принято приписывать каждому эффекту какую-то осязаемую причину, человек придал абстрактному понятию зла конкретную форму, которая менялась с изменением впечатлений от климата, пищи и состояния интеллектуального прогресса. Для белого человека Дьявол был черным, а для черного человека белым. Таким образом, первоначально дьявол был просто олицетворением явно разрушительных сил природы. Его стихией был огонь. У индийцев были свои ракши и ураганы, у египтян - свой Тифон, а у персов - свои Дэвы. Израильяне могут претендовать на честь того, что облекли теорию зла в грубую и чувственную форму, а христиане подхватили эту концепцию и догматически развили ее с помощью гностиков, Платона и Отцов Церкви в единое целое.

Я не буду вдаваться в подробное исследование происхождения этого грозного противника здравого смысла и истинного благочестия; я намерен рассмотреть три основные фазы развития дьявола в период, когда он уже предстает перед нами как добрый христианский дьявол, и, всегда помня теорию эволюции мистера Дарвина, я попытаюсь духовно проследить изменения в представлениях о зле от дьявола Лютера к дьяволу Мильтона и, наконец, к дьяволу Гете.

Старые еврейские раввины и доктора богословия, несомненно, были первыми, кто проследил генеалогически родословную христианского дьявола в ее первоначальном виде. Если мы возьмем на себя труд сравнить главу i, ст. 27 Книги Бытия с главой ii, ст. 21, мы обнаружим, что

даны два различных творения человека. Одно отличается от другого. В первом случае мы имеем ясное, неоспоримое утверждение: "Итак, Бог сотворил человека по образу своему", и для придания большей силы этому утверждению текст продолжается: "по образу Божьему сотворил он его; мужчину и женщину сотворил он их". Затем были сотворены и мужчина, и женщина. Ничего не могло быть проще. Но как будто никакого сотворения человека вообще не происходило, мы находим в главе ii. ст. 7: "И создал Господь человека из праха земного и вдунул в ноздри его дыхание жизни". Очевидно, это был второй человек, созданный иначе, чем первый, который, как утверждается, был создан "по образу самого Бога". Этому второму созданию было поручено обозначение и классификация всех сотворенных вещей, то есть формирование языка и установление первых принципов ботаники и зоологии. После того, как он выполнил эту трудную задачу, случилось так, что "для Адама не нашлось помощника, достойного его" (стих 20), и в главе ii. ст. 21 говорится нам: "Господь Бог навел на Адама глубокий сон, и он уснул; и Он взял одно из его ребер и закрыл его плотью вместо него"; и стих 22: "И из ребра, которое Господь Бог взял у человека, сотворил женщину и привел ее к мужчине". Затем Адам радостно восклицает (стих 23): "Это *теперь* кость от костей моих и плоть от плоти моей". Это не может не привести к выводу, что эта женщина была совершенно иным созданием, чем первое. Это противоречие было наиболее остроумно объяснено учеными еврейскими раввинами, которые считали первую женщину органическим зародышем, из которого развились особые еврейско-христианские дьяволы. Раввины обнаружили, что имя первой женщины было "Лилит"^[1] ("ночная"); они точно знали — и кто может опровергнуть их утверждение? — что она была самой совершенной красавицей, прекраснее Евы; у нее были длинные вьющиеся волосы, яркие глаза, красные губы и щеки, очаровательно законченная форма и цвет лица; но будучи созданной в тот же момент, когда как первый мужчина, и подобно ему, по образу Божьему, она отказалась стать женой мужчины; она возражала против подчинения мужской части творения — фактически, она была первой сильной духом женщиной, претендующей на те же права, что и мужчина, хотя и была женщиной по телу и облику. При таких обстоятельствах существование человеческой расы считалось невозможным, и поэтому Господу пришлось исправить свою ошибку, и Он создал Еву как завершающую часть человека. Первая женщина оставила своего сотворенного в равной степени мужчину и превратилась в огромную, самую красивую и соблазнительную "Дьяволицу", и сами ее мысли ежедневно порождали легион дьяволов — воплощения гордыни, тщеславия, самомнения и неестественности. К счастью, эти дьяволы были устроены так, что пожирали друг друга. Но в своей ярости они могли овладевать другими, и в особенности вторгались в маленьких детей — мальчиков до трех дней от роду, девочек до двадцати дней от роду — и пожирали их. Этот миф, посредством эволюции и закона действия и противодействия, породил дальнейшую легенду о существовании трех особых ангелов, которые действовали как мощные противоядия от этих дьяволов, и чьи имена "Сенои, Сансенои и Санмангелоф", написанные на куске пергамента, подвешенном на шею детей, обеспечивали определенную защиту от них.

Таким образом, происхождение дьявола можно проследить до первого напрасного презрения к вечным законам природы. Женщина, отказывающаяся быть женщиной, порождает дьяволов; мужчина, пытающийся быть Богом, теряет рай и свою невинность, ибо элемент сверхъестественного вторгся в него и отвлек его мысли от этой земли. Это были наполовину идеалистические, наполовину реалистические элементы, из которых возникли три величайших духовных воплощения Злого Духа. Лютер воспринимал Злого Духа как физическое существо с

большими рогами, огненными глазами, красноватым высунутым языком, длинным хвостом и лошадиным копытом. В этом последнем атрибуте мы сразу же прослеживаем кентаурский элемент древних времен. На протяжении почти тысячи трехсот лет, от Тертуллиана и Чудотворца до Лютера, каждый привык смотреть на жизнь как на одну великую битву с десятками тысяч дьяволов, нападающих, изводящих, раздражающих и соблазняющих человечество. Все сражались, ссорились, разговаривали и боролись с Дьяволом. О нем больше говорили с кафедр христианских церквей, о нем писали в богословских и научных книгах, чем о Боге или Христе. Все несчастья приписывались ему. Гром и молния, град и чума крупного рогатого скота, коклюш и эпилептические припадки - все это было делом рук дьявола. Говорили, что человек, страдавший безумием, был одержим легионом Злых Духов. Дьявол поселился в нежных ямочках на щеках хорошенькой девушки с той же легкостью и комфортом, что и в морщинах старой женщины. Все необъяснимое было злом. На протяжении средневековья массы и большинство их ученых учителей-богословов верили, что греческая и латинская классика была вдохновлена злыми Духами; что скульптуры или картины, если они красивы, были порождением зла; что любой ум в математике, химии или медицине доказывает присутствие развращающего Злого Духа, действующего в человеке. Любой мост над пропастью или быстрой рекой был делом рук дьявола; даже самые красивые готические соборы, такие как Кельнский и Святого Стефана в Вене, были построены архитекторами, прошедшими обучение в адских краях. Дьявол, ухмыляясь, сидел над чернильницами поэтов и ученых мужей, диктуя бедным введенным в заблуждение смертным в качестве платы за их души очаровательные любовные песни или глубокие богословские и философские эссе. В этот период исторической эволюции человека было чрезвычайно опасно быть лучше или мудрее невежественных масс. Ученость, талант, превосходная способность рассуждать, любовь к истине, дух исследования, способность зарабатывать деньги ловкой торговлей, артистический склад ума, успех в жизни, даже в Церкви, были лишь немногими доказательствами того, что душа была продана какому-то карликовому или гигантскому посланнику Люцифера, который мог появляться в тысяче различных обликов. С момента своего предполагаемого Падения Человек был исключительной собственностью грубого и вульгарного представления о Злом Духе. Лютер был полон этих идей, он был воспитан в этой вере, и хотя он подсознательно чувствовал, что дьявол должен быть изгнан из нашего вероучения, он не осмеливался пытаться реформировать человечество путем уничтожения провокатора: он не мог отнять у человека его самое дорогое духовное достояние; если бы он думал отправить дьявола в допотопный период нашего морального и социального становления, он никогда бы не преуспел в своей реформе. Дьявол, на самом деле, был его самым сильным помощником; он мог бы описать ритуал Римской церкви как работу Злого Духа, созданную для того, чтобы ввести человечество в заблуждение. У дьявола были свои римские молитвы, свои процессии, свое поклонение мощам, свое отпущение грехов, свои исповедальни, свои адские синоды; для Лютера он был активным, грубым и материальным воплощением рыкающего льва Священного Писания в облике Римской церкви, зримо, осязаемо, телесно разгуливающего среди людей, пожирающего всех, кто верил в Папу и кто не верил в этот глупый призрак догматически ослепленного воображения.

Теория эволюции может быть ясно прослежена в двух следующих концепциях: сатане Мильтона и Мефистофеле Гете. Они различаются так же сильно, как периоды и стихотворения, в которых они появляются. Сатана Мильтона теряет вульгарную природу плоти и костей, рогов и копыт - он эпический персонаж; в то время как дьявол Гете - активное драматическое существо современности. Представитель зла у Мильтона — это очень мощная концепция - это зло

абстрактно; в то время как Мефистофель является злом конкретно - умопостигаемый, осязаемый Дьявол, развившийся в результате отбора из допотопного чудовища и преобразованный в ходе процесса цивилизации, длившегося по меньшей мере шесть тысяч лет, в свою нынешнюю форму. Сатана Мильтона - это униженный интеллект, который в своих безграничных амбициях все еще остается сверхъестественным существом. Мефистофель - воплощение нашего сложного современного социального зла, полное мелких уловок и заученных цитат; он благочестиво закатывает глаза, он лжет, сомневается, клеветает, соблазняет, философствует, глумится, но все это в вежливой и высокообразованной манере; он ученый, богослов, политик, дипломат. Сатана способен на дикий энтузиазм, он иногда вспоминает свое светлое безгрешное прошлое; "из самых нижних глубин" он жаждет "еще раз подняться, вопреки судьбе, поближе к своему древнему местопребыванию"; он надеется вернуться на небеса", чтобы рассеять свой мрак"; какой—то остаток небесной невинности все еще цепляется за него, ибо, хотя он и *падший*, он все еще *ангел*! Мефистофель в своей истинной натуре лишен каких-либо высших устремлений, он спорит с саркастической улыбкой на губах, он ироничен с изощренной остротой. У сатаны бессознательно гигантские идеи, он готов бороться с Богом за господство на небесах. Мефистофель прекрасно осознает свою ничтожность в противоположность нашей лучшей интеллектуальной природе и творит зло ради зла. Сатана возвышен благодаря величию своих примитивных элементов, гордости и амбиций. Мефистофель серьезен только в своей мелочности; он не отказывается от оргии с пьяными студентами, балуется шутками с обезьянами, творит чудеса на кухне ведьмы, наслаждается ведьминым "одноразовым"; распространяет маленькие трактаты, "чтобы разжечь в сердце ведьмы особый огонь". В сатане нет ничего вульгарного: он способен на меланхолические чувства, он может быть патетичным и красноречивым. Мефистофель смеется над глупостью мира и над своей собственной. Сатана верит в Бога и в себя, в то время как Мефистофель — это "Дух отрицающий"; он не верит ни в Бога, ни в рай, ни в ад; он не верит в свою собственную сущность - он не сверхъестественное, фантастическое существо, а воплощенный человек: он злая часть доброго целого, которое теряет свою сущность, когда однажды увидено и признано в его реальной природе; ибо Мефистофель на самом деле - это наша собственная невежественная, одурманенная, животная природа, возвращенная и развитая за счет нашей интеллектуальной части.

Дьявол Лютера - это порождение человечества в длинных одеждах. Человек, не знающий сил Космоса, ослепленный теологической диалектикой и метафизическими тонкостями, неспособный понять истинную сущность нашей моральной и интеллектуальной природы, философски неподготовленный замечать, что зло — это всего лишь следствие нарушенного равновесия между нашей двойной природой — духом и материей, - приписывал все беды как в интеллектуальной, так и в социальной сферах абсолютному могущественному существу, которое постоянно мучило его.

Сатана Мильтона - это поэтическое представление о человеке, развившемся из младенца в длинной одежде в неистового, но мечтательного юношу, приписывающего каждому непостижимому действию произвольную поэтическую причину. Наконец, "Мефистофель" Гете - это правдивая концепция зла, поскольку оно действительно существует в тысячах форм, развившаяся из нашей собственной неправильно понятой и искусственно и догматически искаженной природы.

Гете, уничтожив дьявола как такового, причислил его к первобытным мифам и легендам невежества и страха и показал нам истинную природу зла.

Что же тогда такое Дьявол?

Дьявол, как я уже говорил в начале, берет свое начало в наших ослепленных чувствах, в чрезмерном преобладании материального в нас над интеллектуальным. В тот момент, когда мы смотрим Злому Духу в лицо, он исчезает как *абсолютное* существо и становится...

Часть той силы,
Которая желает плохого и творит хорошее каждый час.

После того, как в течение нескольких периодов поколений Дьявол подвергся воздействию новых условий, что сделало возможным большое количество вариаций, он превратился из монстра в обезьяну, а из обезьяны - в человека, наделенного природой обезьяны исключенностями монстра. В государстве и в Церкви, в Искусстве и Науке дьявол - это принцип несправедливости, лицемерия, уродства и невежества. Гете уничтожил идеальное поэтическое величие сатаны Мильтона; он лишил Дьявола Лютера его вульгарного реализма; Гете изгнал сатану из воображаемого ада, где он предпочитал править, а не поклоняться и служить на небесах, и губкой здравого смысла он стер рогатое чудовище, нарисованное воображением догматиков, с черной доски невежества. Изгоняя Злого Духа во власть мифов, Гете показал его истинную природу. Дарвин сместил человека с возвышенного пьедестала особого творения и попытался проследить его как развитие космических элементов. Дарвин позволил нам взглянуть на человека как на завершающее звено в великой цепи постепенной эволюции животворящих сил Вселенной, и таким образом он сделал нашу позицию более понятной и естественной. Гете, доказывая, что Злой Дух древних и иудео-христианских времен был всего лишь призраком плохо организованной фантазии, научил нас искать истинное происхождение зла. То, что было метафизической непостижимостью, стало постижимой реальностью. Демона можно увидеть в "Фаусте" как в зеркале, и, заглядывая в него, мы видим нашего дарвиновского прародителя, животное, лицом к лицу. До времен Гете, за очень немногими исключениями, Злой Дух был существом, с которым мог познакомиться любой — фактически, древним "spiritus familiaris". Дьявол говорил, рычал, шептал, мог подписывать контракты. Мы могли отдать ему свою душу; и он мог телесно войти в наше тело. Дьявол был телесным существом. Дыба, вода и огонь использовались, чтобы изгнать его из колдунов и ведьм, а также отправить ко всевозможным нечистым животным. Гете, разоблачая этот фантом, представил его не как нечто *внешнее*, а как элемент *внутри* нас. Услуга, оказанная человечеству, показав нам истинную природу зла, столь же велика, как и услуга, оказанная мистером Дарвином в определении человеку его места в природе, а не *над* природой. Любопытно, что те, в ком больше всего заложена неисправимая и непреклонная животная природа, с величайшей горячностью протестуют против этой теории. Они думают, утверждая свое превосходство, основанное на особом творении, сразу стать особыми и высшими существами, и предпочитают эту позицию попыткам посредством прогрессивного развития науки и познаний, добродетели и честности доказать существование высших способностей, которыми был наделен человек в ходе своего постепенного развития от низших фаз живых существ к высшим. Предполагая, что дьявол - это нечто абсолютное и позитивное, а не нечто относительное и отрицательное, человек надеялся,

что сможет лучше бороться с ним. В Мефистофеле нет ничего личного; его, как и самого Творца, можно проследить только по его работам. Дьявол скрывается под почтенным сукном нетерпимого и невежественного священника; он использует обольстительные улыбки порочной красавицы; он будоражит кровь алчных и корыстолюбивых; он шагает по позолоченным залам амбициозных императоров и министров, которые с "легким сердцем" идут убивать тысячи людей с помощью недавно изобретенных адских машин; он сеет хаос в мозгах тщеславных людей. Дьявол тасует карты за игрока и разрушает наш покой, независимо от того, заставляет ли он нас выигрывать или проигрывать на поле; он сидит, радостно ухмыляясь, на крышках бутылок и кружек, наполненных алкогольными напитками; он соблазняет нас по воскресеньям закрывать наши музеи и открывать наши пивные; пренебрегать образованием масс; а затем побуждает нас с лицемерной респектабельностью обвинять их в пьянстве и глупости. Это дьявол превращает нас в друзей комнатных собачек и делает врагами бездомных. Дьявол - величайший мастер догматизма; он создает секты, которые во имя любви и смирения поощряют ненависть и гордыню; дьявол заключает людей в магический круг на бесплодной пустоши бесполезных спекуляций; гоняет их по кругу, как ослепленных лошадей на мельнице, начиная с одной точки и после многих миль пути и усталости, приводя нас к точке, более печальной, но не мудрой, из которой мы вышли. Дьявол заставляет нас спорить о том, должны ли мы иметь школы с фанатичными религиозными учениями или без них; он воскуривает благовония, чтобы одурманить наши чувства, зажигает свечи, чтобы затуманить наше зрение, развлекает массы шутовством, чтобы помешать им думать, уводит нас от здравомыслящей морали и ведет нас, под предлогом мистической и символической религии, в исповедальную, самую оранжерею зла. Сатана во всех его формах, когда он правит миром, был описан Гете как Эгоизм. Эгоизм - его стихия и истинная природа. Эгоизм, еще не осознающий божественного, потому что такова совершенно *гуманная* заповедь — "Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой". Эгоизм - единственная сущность зла. Эгоизм разделил людей на разные нации и возвращает в них гордыню, зависть, ревность и ненависть. Мистер Дарвин показал, что одно животное охотится на другое, что более слабый вид вынужден уступать более сильному. Гете снова показал нам, как Злой Дух тащит нас через дикие сцены жизни и ее плоскую бессмысленность в поисках простых чувственных удовольствий и полном пренебрежении нашей высшей и лучшей природой, которая является результатом нашей более сложной, более высокоразвитой организации. Если бы мы только осознали это, нашу истинную природу, мы бы меньше полагались на случай и предрассудки; если бы мы изучали человека с физиологической, психологической и честно исторической точки зрения, мы бы вскоре изгнали из нас эгоизм и смогли оценить, что на самом деле является сущностью зла. Чем ближе мы подходим к дарвиновскому примитивному человеку, обезьяне, тем ближе становимся к Мефистофелю, который с дерзкой искренностью показывает нам свою истинную природу в "Фаусте" Гете.

То, что превращает нашу Психику, то есть наши интеллектуальные способности с их воздушными крыльями воображения, с их стремлением к истине, в уродливого, покорного, ползающего червяка, - это бессердечный эгоизм. Не без причины бедная простодушная Маргарет приходит в ужас от Мефистофеля. Она содрогается, прячется на груди Фауста, как голубка под крыльями орла, и жалуется, что Злой Дух...

... Всегда носит такую насмешливую ухмылку,
наполовину холодную, наполовину мрачную,
Видно, что его ничто не интересует;

Это написано у него на лбу, и ошибиться невозможно,
Ни в одной душе в нем не может пробудиться любовь.

Когда все идет наперекосяк, когда религиозная, социальная и политическая вражда и ненависть нарушают мир; когда невразумительные споры о унаследованном грехе, происхождении зла, оправдании и пресуществлении, "благодати и свободной воле", творческом и сотворенном, мистических заклинаниях, реальном и нереальном присутствии, похожих, но не равных, утвердительной и отрицательной природе Бога и человека сбивают с толку ограниченные мозги бесконечных болтунов и повторителей одних и тех же вещей; когда они ссорятся из-за порочности курицы, осмелившейся отложить яйцо в субботу; когда яркий факел войны разгорается от огня мелкой вражды, тогда Злой Дух эгоизма празднует свои самые славные праздники.

Что может изгнать этого монстра, эту вторую и худшую часть нашей природы? Взглянуть на это с дарвиновской точки зрения. Гете спасает своего падшего Фауста через полезное "занятие", через честный тяжелый труд на благо человечества. Чем больше мы знакомимся со злом, последним остатком нашей животной природы, в рациональном, а не мистико-догматическом смысле, тем меньше мы превозносим себя как исключительных существ над природой, тем легче нам должно быть иссушить источник суеверий и невежества, который служит подпиткой этому социальному монстру.

Пусть наши отношения друг к другу будут основаны на "взаимной любви", ибо Бог есть любовь, и эгоизм как антагонист любви и дьявол как антагонист Бога исчезнут.

Давайте стремиться победить нашу неестественную социальную организацию естественным, социальным, но в то же время либеральным объединением всех в одно общее братство, и рыкающий лев умолкнет навсегда.

Давайте очистим общество от всех его социальных, или, скорее, антиобщественных, беззаконий и лжи, от всякой неблагодарности и зависти, стремясь к честному возрождению самих себя, а через нас и человечества в целом, убеждая друг друга, что человек постепенно превратился в прекраснейшее создание на земле, предназначенное для добра и счастья, а не для зла и убожества, и наступит конец *Дьяволу* и всей его *чертовщине*.

СНОСКИ:

[1] Это слово встречается в книге Исаяи xxxiv. 14. Переведено в Вульгате как "Ламия"; в переводе Лютера как "Кобольд"; в английской версии как "сова-визгун"; и в других как "уродливая ночная птица".

ГЛАВА XXIV.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ.

В этом названии, да будет вам ясно известно, нет никакой ссылки на тех антиэскулапских личностей, которые время от времени приносят жертвы Молоху среди эссекских болот. Нет необходимости ехать даже в Пламстед в поисках необычности, поскольку самые разнообразные и постоянно меняющиеся ее виды лежат у самых ваших дверей. И здесь, с самого начала, не вполне одобряя максимум о том, что гений всегда эксцентричен, позвольте признать, что небольшое отклонение от проторенной колеи обычно бывает интересным. Когда мы видим фотографию какого-нибудь выдающегося художника, музыканта или поэта и находим черты лица, очень похожие на черты лица мясника на соседней улице или лакея через дорогу, мы испытываем чувство разочарования, почти граничащее с личной обидой. М-р Карлайл и Алджернон Суинберн удовлетворяют нас. Они выглядят так, как, по нашему мнению, должны выглядеть авторы графики и поэты-эротики. Не так должны выглядеть женщины-литераторши, которые занимают купе с надписью "Только для женщин" в читальном зале Британского музея или на Столичной железной дороге. В основном они похожи на чьих-то незамужних тетюшек и гораздо меньше напоминают писательниц, чем некоторые из очаровательных девушек, которые старательно избегают своего исключительного места жительства и, очевидно, используют свой читательский билет только для того, чтобы прикрыть видимостью приличия самый очевидный флирт. Об этом они говорят вполголоса с пылкими почитателями мужского пола, которые, хотя и являются постоянными посетителями читального зала, разбираются в литературе не больше, чем они сами. Можно было бы выделить немало необычных людей из этого ученого убежища — клубной комнаты бедного ученого; но давайте лучше избегать любых подобных закоулков жизни, и выбирать наших необычных людей с широкой дороги. Охотиться там, подобно Диогену, со своим скромным фонарем, в поисках - не честных, но эксцентричных личностей.

И прежде всего, должным образом позаботившись с самого начала о дамах, пусть там будет "Место для духовенства". Вот мой дорогой друг преподобный Грей Киддс, лучший человек на свете, но, с точки зрения Диогена, решительно эксцентричный. Грей Киддс - один из тех людей, особенность которых в том, что они никогда не были мальчиками. В пятнадцать лет у Киддса были такие же пышные бакенбарды, как сейчас, в двадцать шесть, и когда он вовсю резвился среди своих более ребяческих школьных товарищей, посетители игровой площадки обычно спрашивали помощников учителя, кто этот мужчина, игравший с мальчиками. У них, очевидно, было неприятное представление о том, что частный сумасшедший дом является филиалом учебного заведения и что Грей Киддс был безобидным пациентом, которому разрешалось участвовать в спортивных играх мальчиков. Грей Киддс был и остается буквально безвредным. Он прошел школу и колледж, невинно избегая всех тех зол, которые привели к гибели многих, кого считали намного мудрее его. Он слабо пиликал на флейте, и его обожали как викария не только за то, что он играл на скрипке, но и за то, что он усердно присутствовал на собраниях матерей и добросовестно трудился среди бедных. Проповедником Киддс никогда не притворялся, но у него было исключительное достоинство - краткость, и в десятиминутную проповедь за кафедрой он втиснул больше безобидных ересей, чем Коленсо или Войси могли бы изложить за вдвое большее время. Молодые леди, конечно, набросились на него, потому что Киддс был во всех отношениях подходящим кандидатом; и он позволил им гладить себя, как большого домашнего ягненка, но на этом все закончилось. Киддс никогда не брал на себя обязательств. Сейчас он настоятель красивой церкви в пригороде, построенной для него его

тетей, и, как ни странно, церковь заполняется. То ли его лаконичность привлекательна, то ли его прозрачная доброта компенсирует другие его особенности, но, безусловно, у него есть прихожане; и если бы вы опросили эту паству, единственным пунктом, с которым все согласились бы, помимо его соответствия требованиям или невиновности, было бы то, что преподобный Грей Киддс был "таким забавным".

А теперь, что касается нашего второго типа особенностей, давайте снова вернемся на мгновение к прекрасному полу. Миссис Гуль - полная противоположность *spirituelle*; но она нечто большее — она спиритуалистка. Она свято верит, что духи умерших предков приходят по ее приказу и наклоняют стол, безумно передвигают мебель или автоматически пишут идиотские сообщения. Она совершенно серьезна. Она действительно "искренне" верит в это. Это ее кредо. Для нее это утешение. Чрезвычайно трудно совместить такой источник утешения с каким-либо уважением к ушедшим родственникам, но в этом особенность миссис Гуль и ее квалификация для того, чтобы занять нишу среди наших оригиналов.

Мисс Диди, с другой стороны, религиозна до мозга костей. Мисс Диди губит свое и без того слабое здоровье ранним завтраком (она настаивает на двойном питании) и частыми голоданиями. Если не считать безобидного флирта с викарием в отделе декораций или хорового собрания, за мисс Диди, как и за большинство из нас, так же мало грехов, за которые нужно отвечать; но, судя по ее частым покаяниям, она может быть чудовищем беззакония. Известно, что она созналась, и ее подозревают в ношении мешковины. Балов и театров она избегает как "мирских", и все же она только вышла из подросткового возраста. Она говорит, что хотела бы стать монахиней, если бы ее привычки были красивее, и они позволяли бы укладывать длинные локоны по спине и зачесывать их над бровями. Как бы то ни было, мисс Диди занимает несколько ненормальное положение, болтаясь, подобно гробу Магомета, между Церковью и миром. В этом, опять же, особенность мисс Диди.

Мисс Вигглз - "чувствительная". Это новое призвание, возникшее благодаря плодотворной изобретательности женского ума. Обычные врачи назвали бы ее просто "истеричкой", но она называет себя магнетичной. Она полная и склонна к большому аппетиту, особенно ей нравится жареная свинина с большим количеством приправ; но она легко переходит в "превосходную кондицию" под манипуляциями мужчины-оператора. Она ничего не добилась, кроме дурной славы, своим ясновидением и другими странностями; но она *is* очень своеобразна, хотя и принадлежит к более широкому классу, чем, возможно, можно представить в наш нашумевший век.

Странные мальчики тоже — как же их много! То, что называется жеманством у девочек, в такой же степени проявляется в виде бесконечных странностей у мальчиков. Некий Дик (его зовут Адольфус, но повсеместно и без всякой видимой причины он известен как Дик) радуется поддержке дарвинизма, выглядя и ведя себя как человекообразная горилла. Дик не дурак, но предполагает эту добродетель, хотя у него ее нет. Глядя, как он что-то бормочет во время еды или вытирает шваброй стену, можно подумать, что он подходит для Эрлсвуда; но если дело доходит до того, чтобы быстро отшлифовать урок или лишиться пудинга или карманных денег, мастер Дик выполняет процесс отшлифовки с быстротой, которая опровергает его дарвиновские предположения.

Что ж, они источник бесконечного веселья, эти чудаки — кометы нашей социальной системы. У них, без сомнения, есть цель в их эксцентричности, метод в их безумии, которые мы,

прозаические жители планеты, не можем постичь. Во всяком случае, они забавляют нас и не причиняют вреда самим себе. Они одинаково счастливы и довольны собой. Одно из них, несомненно, верно, и без добавленных им ограничений, утверждение Горация "*Dulce est desipere*", которое мистер Теодор Мартин переводит так: "Временами приятно быть немного безумным".

ГЛАВА XXV.

БЕСЕДУЮ С АСТРОЛОГОМ.

В течение нескольких лет — фактически с момента моего первого знакомства с этими "окультистами" материями, в которых я сейчас являюсь таким опытным исследователем, — моим большим желанием было практически познакомиться с каким-нибудь профессором астральных наук. Действительно, у меня был один друг, который посвятил этой и родственным предметам долгую жизнь и о котором мне придется рассказать позже; но он никогда не использовал свои знания для того, чтобы стать наставником, философом и другом влюбленных горничных в вопросах их супружеских союзов или взяться за раскрытие мелких краж за плату в полкроны. Однако он заверил меня, что в настоящее время практика астрологии в Лондоне распространена как никогда, и что предприятия в этой сфере покупаются и продаются за фунтовые монеты королевства, точно так же, как если бы они были "угловыми" пабликами или "уютными фирмами" в сырной лавке. Все это разожгло мой аппетит к исследованиям, и, видя, как некий профессор Уилсон настойчиво рекламирует в *Сми* информацию о том, что "со знаменитым астрологом можно проконсультироваться о событиях жизни" с двух до девяти часов дня, я написал профессору Уилсону с просьбой об интервью; но знаменитый астролог не удостоил меня ответом.

Потерпев неудачу в своей первой попытке, я терпеливо ждал около года, а затем снова взялся за дело — не скажу, с профессором Уилсоном или с каким-то другим специалистом в области астральной науки. Я буду называть своего Архимага профессором Смитом из Ньюингтон-Козуэй, главным образом по той причине, что это не настоящее имя и не правильный адрес. У меня нет желания рекламировать какого-либо волшебника безвозмездно; и это было бы нечестно по отношению к нему, поскольку, как будет видно из дальнейшего, его прием был таким, что создавал вероятность того, что у него будет неудобное количество претендентов на условиях, соблюденных при моем визите.

Воспользовавшись, таким образом, услугами моего вышеупомянутого друга, я договорился, что мы вместе нанесем визит профессору Смиу с Ньюингтон-Козуэй, весьма "вседозволенному", как сказала бы миссис Гэмп. Мой спутник шел с уже составленным собственным гороскопом, поскольку ему довелось знать точный час и минуту своего рождения — подробностями, о которых я располагал лишь самой смутной информацией, и это все, что, как мне кажется, есть у большинства из нас; хотя было одно обстоятельство, связанное с моим собственным днем рождения, которое во многом помогло "зафиксировать" его.

Я посетил этого современного дельфийского оракула вечером в понедельник; и, как ни странно, как это часто бывает, к этому, казалось, привели другие события. Сам урок в воскресенье вечером был полон астрологии. Могу упомянуть, что это была история о почерке на стене и триумфе Даниила над магами. Затем, в понедельник утром, я взял в руки Чосера и вместо "Кентерберийских рассказов" открыл его на "Трактате об Астролябии", который я никогда раньше не читал, но проглотил тогда с такой же жадностью, как, несомненно, "Литтл Лоуис", которому он адресован. Все это, как правило, приводило меня в надлежащее расположение духа перед визитом в Ньюингтон; поэтому после раннего чая мы взяли с собой рождественскую фигурку моего друга и отправились.

Как мы выяснили, профессор Смит жил в уютном доме на мейн-роуд, комнаты которого он посвятил занятиям медицинским магнетизером, что было его призванием, как было написано на проволочных жалюзи на фасаде первого этажа. Женщина, которая, я полагаю, была его женой, сразу же провела нас к профессору — тихая, респектабельная женщина, в которой не было ничего сверхъестественного. Гостиная была удобно обставлена и безупречно убрана, а сам знаменитый профессор, приятный пожилой джентльмен, сидел над рукописью, которую читал при свете королевской настольной лампы. С одной стороны, в его облике не было ни малейшего шарлатанского допущения, ни, с другой стороны, не было того убожества и пренебрежения к приличиям жизни, которые, как я слышал, иногда присущи практикующим оккультную науку. Одетый в светлое пальто, с очками на носу и склонившийся над рукописью, профессор Смит мог бы быть несогласным священником, "заканчивающим" свою воскресную лекцию, или сельским школьным учителем, поправляющим "темы" своих учеников. Он не был ни тем, ни другим; он был астрологом девятнадцатого века, рассчитывающим вероятность успеха коммерческой схемы, проект проспекта которой был документом, над которым он корпел. Когда он поднялся, чтобы поприветствовать нас, я был почти разочарован, обнаружив, что у него в руках нет волшебной палочки, на нем нет мантии и рядом с ним нет тома мистических знаний. Тот самый кот, который вылез из-под стола и потерся о мои ноги, был не традиционного соболиного окраса, а простого полосато-белого.

Мой друг открыл заседание, представив фигуру своего рождения и сказав, что он пришел задать вопрос из хорарной астрологии относительно определенной схемы, которая его беспокоит, и такая тревога представляет собой то, что он назвал "рождением разума". Конечно, для меня это было по-голландски, и я наблюдал, не растеряется ли профессор, обнаружив, что он находится в присутствии человека, основательно разбирающегося в астральной науке. Ни в малейшей степени; он приветствовал его как брата чипа, и они сразу же перешли к обсуждению фигуры. Профессор разработал новый, который, как он обнаружил, некоторыми незначительными деталями отличался от того, который принес мой друг. Каждый, однако, рассчитывал это с помощью логарифмов, и было много разговоров о "тройках", "квадратах" и "домах", которых я не мог понять; но даже в конечном итоге желанный совет был дан Профессором и принят моим другом так преданно, как если бы это был ответ самого дельфийского оракула. Бизнес был бы успешным, но не без проблем и, возможно, судебного разбирательства со стороны моего друга. Он должен был позвонить в определенный день и "продвинуть дело" через месяц; все это он заказывал в деловой манере. Это заняло много времени, так как Профессор постоянно делал карандашные знаки на построенной им фигуре, и они вдвоем также обсуждали Задкиила, Рафаэля и других астрологов, которых они знали друг с другом. Приходилось постоянно ссылаться на "Морской альманах", но мало-помалу подачи моего друга закончились и начались мои. Я уже говорил, что не знал точного часа и минуты

своего рождения, и когда, с соответствующими колебаниями, я назвал 1 апреля в качестве богатого событиями дня, профессор на мгновение посмотрел на меня с плутоватым блеском в глазах, как бы желая убедиться, что я не подшучиваю над ним. Однако я заверил его, что такова была неблагоприятная эпоха моего рождения, и более того, я родился так близко к 31 марта — я не считаю нужным уточнять год, — что возникает почти сомнение, могу ли я претендовать на почести Первоапрельца. Этому ему показалось достаточно — хотя он предупредил меня, что отсутствие точного времени может привести к некоторой расплывчатости в его сообщениях, — и он немедленно приступил к возведению моей фигуры; которая, кстати, показалась мне очень похожей на создание "фигуры" Евклида; и я с тревогой вглядывался, нет ли у меня какого-нибудь сходства с Мостом Азинорум!

Я испугался, что окончательно сбил моего философа с толку, когда первая информация, которую он мне сообщил, заключалась в том, что примерно в возрасте двадцати одного года у меня произошел какой-то несчастный случай с рукой, обстоятельства, которые я не мог вспомнить. Несколько лет спустя я сломал ногу, но не сказал ему об этом. Возвращаясь еще дальше, он сообщил мне, что примерно в четырнадцать лет, если меня брали в ученики или каким-либо образом ставили под начальство, я яростно пинал по рельсам, что было совершенно верно, поскольку именно в этом возрасте я дважды сбежал из школы, так что мой астролог получил один балл. В двадцать восемь я женился (это правда), а в тридцать два у меня все было особенно благополучно — факт, который я также был вынужден признать правильным. Затем произошла ужасная ошибка. Если бы я когда-нибудь имел какое-либо отношение к строительству или добыче полезных ископаемых, я был бы очень успешен. Я никогда не имел дела со строительством, кроме одного раза в жизни, и тогда отвалившаяся плитка мистера Бриггса не имела никакого отношения к трудностям, в которые я был вовлечен. Полезными ископаемыми я никогда не увлекался, кроме необходимого потребления угля для бытовых целей. Несколько лет назад у меня был дядя, который заботился о моем благополучии — это было верно, — и что-то должно было случиться с сестрой моего отца в середине лета 1876 года. Это, конечно, я не могу проверить, но я надеюсь, что ради моего почтенного родственника в этом не может быть ничего предосудительного. В тот же год, в день моего рождения, я также должен был слегка простудиться, и мне особенно следовало остерегаться промокших ног. Мой старший брат, если он у меня был, сказал он, вероятно, умер, что опять-таки было правдой; и если моя жена простудилась, то у нее болело горло, и эта информация, если и не очень поразительная, то я также вынужден признать, что она совершенно верна. Затем последовала деликатнейшая информация, которую я, краснея, передаю бумаге. Я хотел жениться, когда мне был двадцать один год, но обстоятельства помешали. Затем на горизонте памяти всплыли воспоминания о некой золотоволосой первой любви. Я тогда учился в своем колледже и был беден, если не считать моей академической стипендии, поэтому юная леди последовала совету и сошлась в паре с состоятельной кузиной. Таков транзит глории мунди! Теперь каждый из нас — крепкий, неромантичный семейный человек; но это воспоминание на мгновение заставило меня почувствовать себя довольно романтичным в том парадном на первом этаже Ньюингтон-Козуэй; и я был склонен сказать: "Дэниел предстал перед судом!" но я сдержался и заметил вполголоса на местном наречии: "Опять вы правы, мистер Смит!"

Прежде чем перейти к моему личному анализу, он заметил, что мы с сестрой моей жены были не в лучших отношениях. Я признался, что мы обменялись несколькими словами; а затем он сказал мне, что в моем умственном развитии наблюдалось удовлетворительное сочетание осторожности и воинственности. Меня нелегко было сбить с ног, или, если так, у меня были

силы снова подняться. Эта энергия должна была сказаться в будущем. Я полагаю, это очень обычная черта гороскопического откровения. Следующий год обещал быть особенно благополучным. Я буду много путешествовать — в этом году я немного путешествовал и как раз сейчас собирался совершить короткое путешествие; но в следующем году я буду путешествовать гораздо больше. Признаюсь, я спрашиваю себя, может ли это иметь какое-либо отношение к паломничеству в Понтины, в котором я участвовал в этом году, и возможному паломничеству в Рим следующим летом, а также планируемому путешествию в Шотландию ограниченным тиражом в следующий вторник вечером! В целом, мой астролог набрал немало очков.

Однако самое чудесное откровение из всех еще предстоит сделать. Когда мы поднялись, чтобы уйти, каждый из нас попытался навязать профессору Смиту гонорар, но ничто не могло заставить его получить ни фартинга! Я получил все свои откровения, свои "золотые" воспоминания о прошлом, свои светлые обещания будущего бесплатно, ни за что! Тогда станет ясно, почему я не даю адреса этого доброго волшебника, чтобы не завалить его беспричинными просителями, и почему поэтому я скрываю его личность под вводящим в заблуждение титулом профессора Смита из Ньюингтон-Козуэй.

ГЛАВА XXVI.

ШОУ БАРМЕНШ.

Нынешняя эпоха, объявленная некоторыми негениальными цензорами эпохой притворства, может быть описана более доброжелательными критиками как эпоха "шоу". Вслед за освященными веками выставками Флоры и Помоны — хотя и не всегда улучшающимися по типу — и так далее, начиная с выставки крупного рогатого скота, наводящей на мысль о приближающемся рождественском угощении, у нас были выставки лошадей, собак и птиц. К этому гений Барнума добавил детские шоу; и, если нас не вводит в заблуждение, иностранная фирма, названия которой стали у нас нарицательными, создала, хотя и не совсем в нынешнем виде, последний вид шоу, который был акклиматизирован в Англии, — выставку барменш. За один год у нас было два детских представления — одно в "Хайбери Барн" мистера Джованнелли, другое в "Норт Вулидж Гарденс" мистера Холланда; и именно таланту этого последнего джентльмена в плане адаптации мы обязаны показом юных леди, "упражняющихся в баре". От младенцев до официанток - это действительно скачок, обращающий вспять обычный процесс перехода от возвышенного к смешному, ибо, хотя для всех, кроме благодарных мам, эти инфантильные представители человечества в значительной степени отдают смешным, не может быть никаких сомнений в том, что нынешнее поколение *компанейских дамочек* - действительно очень возвышенное создание. Я говорю это не в насмешку и не принадлежу к числу тех, кто осуждает усовершенствования, внесенные за последние несколько лет как в сами закусочные, так и, в частности, в класс дам, которые ими руководят. Разборчивый посетитель определенно предпочтет получить свой сэндвич и бокал горького из рук хорошенькой барменши, а не из рук смазанного маслом разносчика в рубашке без пиджака; а хересный пирог приобретает более пикантный вкус от лукавого взгляда разливающего его Геба. Если глупые молодые люди действительно бездельничают в баре ради сирен внутри, и иногда, как

нам известно, берут себе тех же самых сирен "к лучшему или к худшему", мы можем только сослаться на мнение хорошо информированных авторитетов, что, вполне возможно, молодые джентльмены, о которых идет речь, могли пойти дальше и жить хуже, и что не всегда юная леди в таком случае выигрывает.

Итак, "Большой конкурс официанток" открылся; и, несмотря на безошибочное появление Юпитера Флювия, многочисленное сборище собралось в Норт-Вулвич-Гарденс, чтобы открыть фестиваль, который, что бы мы ни думали о нем, в любом случае является уникальным. Призы на сумму 300л. победившим кандидатам должны были быть вручены различные подарки - от кошелька с двадцатью соверенами и золотых часов с цепочкой до "кошелька с двумя соверенами", а также "различные другие призы, состоящие из драгоценностей и т. Д."

Среди условий требовалось, чтобы каждая юная леди была старше шестнадцати лет; чтобы она была одета *впростые но хорошие* предметы одежды, "в которых наиболее уместно удачное сочетание цветов без яркой демонстрации"; и более того, оговаривалось, что каждая "юная леди" должна "завоевывать расположение публики в максимально доступной ей манере, без излишней развязности или фривольности, но при этом сохранять строгое внимание к делу". Ни одной молодой леди не разрешалось участвовать в конкурсе, если только она не проработала в закусочной двенадцать месяцев и не могла показать хорошие качества.

Было подано свыше 700 заявок, из которых г-н Холланд отобрал пятьдесят. Откуда такое большое количество отклонений, "кто говорит, тот не говорит". Из них двадцать восемь действительно появились в три часа дня в день открытия, и ожидалось, что четверо присоединятся через день или два. Каждому посетителю выдается билет для голосования, который он вручает женщине, которой восхищается, и который засчитывается в качестве приза. Каждая молодая леди также получает 5 процентов от того, что она продает в своем баре. Места распределяются по жребию; и по воле судьбы две самые привлекательные барышни оказались вместе. Это были номера Первый и Четырнадцатый. Бывшая юная леди, которая желает, чтобы ее знали только по номеру, поскольку истинный гений всегда скромен, несомненно, занимала первое место в общественном мнении; и, если принять во внимание шиньоны, она должна была в буквальном смысле "возглавлять" список на очень долгий путь. Зал был со вкусом оформлен г-ном Дефрисом. А великолепная группа оживила мероприятие. По мере приближения вечера собрание становилось все более веселым, но не было ни малейшего нарушения приличий любого рода, малейшего приближения к ним, ведущего к немедленному исключению.

Многие люди, возможно, склонны спросить в связи с такими выставками: "Cui bono?" Но, во всяком случае, не было ничего такого, что самый настоящий Катон мог бы назвать деморализующим. Все "юные леди" были одеты весьма скромно, в "скромные ливреи"; и, конечно, — хотя сравнения отвратительны — они не оказывали такого пристального внимания, какое мы видели у некоторых других юных леди на театральных праздниках или даже у некоторых девуз на благотворительных базарах. Если мы можем судить по большому количеству людей, посетивших Северный Вулвич, "несмотря на ветер и непогоду", мистер Холланд, вероятно, пожнет обильный урожай с этой последней "идеи", возникшей в его плодовитом мозгу. Поскольку младенцы устроили свое "шоу", а представители сильного пола, скорее всего, пока не справятся с задачей выставления себя напоказ, кажется, что только одна часть общества открыта для спекуляций умелого предпринимателя. Почему бы кому-нибудь более серьезному, чем мистер Холланд, не попробовать то, что Сидни Смит называет "третьим полом",

и не открыть выставку викариев с настоящим соревнованием за призы? Не могло быть никаких сомнений в успехе такого показа, и инструкции, которые можно было бы извлечь из него, также не подлежали сомнению. Тем временем мы продвинулись на один шаг к такому завершению. Взрослый человек занял место ребенка; и людям, очевидно, это нравится. Когда прекратится страсть к выставкам? Кто может сказать надвигающейся волне зрелищ: "Так далеко ты зайдешь, и не дальше?" Вероятно, настанет очередь и других слоев общества, и они могут посчитать себя счастливыми, если придут вместе с "юными леди" мистера Холланда.

ГЛАВА XXVII.

ЧАСТНАЯ КАЗНЬ.

Однажды вечером я тихо играл на скрипке в оркестре государственной службы в Королевском колледже, как это было моим обычным делом, пока у меня было больше свободного времени, чем сейчас, когда вошел великолепный швейцар колледжа с огромным билетом, который он с выражением благоговения на лице поставил на мой пюпитр. Оно было адресовано мне, и в углу его было написано "Приказ о приведении в исполнение". Чиновник подождал, чтобы посмотреть, как я это перенесу, и, казалось, был несколько удивлен, что я продолжаю играть на скрипке, и с улыбкой сказал: "Хорошо". Я знал, что это был приказ властей тюрьмы Хорсмонгер-Лейн допустить меня к частной казни Маргарет Уотерс, печально известной фермерши.

Если что-то и рассчитано на продвижение взглядов тех, кто выступает за отмену смертной казни, так это факт того, что женщина встретила свою смерть от рук обычного палача. Есть что-то отвратительное, особенно для представителей сильного пола, в идее о том, что женщина подвергается суровому наказанию по закону. С другой стороны, преступление, за которое пострадала Маргарет Уотерс, — а это слишком серьезная причина для селебры, чтобы нуждаться в повторном рассмотрении, — это именно то, которое лишило бы ее сочувствия представителей ее пола. Таким образом, хотя ее дело оставило общий вопрос во многом в том же положении, что и раньше, мы не удивлены, обнаружив, что были предприняты напряженные усилия для смягчения приговора. Мистер Гилпин, мистер Сэмюэл Морли и мистер Бейнс были известны своими усилиями в деле милосердия. Однако все это было напрасно. Маргарет Уотерс была тайно казнена в стенах тюрьмы на Хорсмонгер-лейн в девять часов.

Это было неблагоприятное занятие, которое заставляло человека подняться с постели, когда луна все еще боролась со слабым рассветом октябрьского утра, и идти по улицам, уже побелевшим от начинающегося мороза приближающейся зимы, чтобы увидеть, как ближний - и притом женщина — таким образом поспешно уходит из жизни. Придя в мрачное здание тюрьмы, я увидел кучку бродяг, слонявшихся без дела, стремясь мельком увидеть хотя бы черный флаг, который должен был сообщить им о трагедии, свидетелем которой они больше не имели чести быть. Однако даже они не собирались в большие силы до тех пор, пока не приблизился час казни. При стуке во внешнюю калитку приказы о допуске подвергались строгой проверке, и никого не пропускали, кроме тех, кого несли представители прессы или лица, каким-либо образом официально связанные с надвигающимся "событием". Во всех присутствующих царил атмосфера мрачной "деловитости", которая ясно показывала, что никто не был там по

собственному выбору, равно как и те, кто не почувствовал бы облегчения, когда страшное зрелище закончилось. Собравшись, прежде всего, в сторожке привратника, мы были проведены начальником тюрьмы мистером Кином в заднюю часть тюрьмы, через дворы и огороды; и в углу одного из первых мы наткнулись на само ужасное орудие смерти. Здесь было разбросано всего с полдюжины надзирателей, и мистер Калкрафт расставлял свои принадлежности с видом знатока. Я помню — так странно воспринимать неважные детали в такой критический момент — как меня сильно поразили прекрасный лук—порей, который рос в том особом уголке тюремного сада, где стоял мрачный аппарат, и мы - самое большее человек двадцать пять, и все в смысле "бизнеса" - тоже стояли, ожидая события!

Затем последовала четвертьчасовая пауза в холодном утреннем воздухе, когда внезапно прогремел тюремный колокол, возвестивший нам, что наступили последние минуты жизни заключенного. Привязывание происходило внутри здания; и с ударом девяти появилась мрачная процессия, заключенный твердым шагом шел между капелланом и Калкрафтом и даже взобрался по крутой лестнице на виселицу, не нуждаясь в посторонней помощи. Она была одета в клетчатое платье с шелковой накидкой, голова непокрыта, волосы аккуратно уложены.

Поскольку это был мой первый опыт частного повешения, я не против признаться, что неправильно сомневался в своей выносливости. Я положил маленькую фляжку с бренди в карман и встал поближе к углу, за который я мог бы ретироваться, если бы зрелище вызвало у меня тошноту; но таково странное очарование, присущее выставкам даже такого ужасного вида, что я протолкался вперед вместе с остальными, и когда губернатор поманил меня в "хорошее место", я обнаружил, что стою в первом ряду с остальными моими коллегами, и не мог не представить, как этот ряд запрокинутых, несимпатичных, безжалостных лиц, должно быть, выглядел для преступника по сравнению с ними. с более сочувствующими толпами, которые обычно присутствовали на публичных казнях.

Одна из ежедневных газет, освещая это событие, зашла так далеко, что указала на жестокий эффект подобных демонстраций, вызванный моим минутным колебанием и последующей попыткой пробиться в первые ряды. Полагаю, совершенное хладнокровие заключенного во многом было связано с моим собственным спокойствием.

Когда палач накинул веревку ей на шею, а на голову шапку, готовую натянуться на лицо, она произнесла длинную и горячую молитву, выраженную с большой словоохотливостью и правильной дикцией, каждое слово которой мы могли отчетливо слышать, обходя эшафот. Она не смогла бы более изящно округлить свои периоды или более четко сформулировать их, если бы заранее отрепетировала свою роль! Хотя большинство зрителей были более или менее привычны к сценам ужасов, некоторые были явно взволнованы: один стоял на коленях на голой земле, а другой, охваченный эмоциями, прислонился к тюремной стене. Наконец она обратилась к капеллану: "Мистер Джессопп, вы думаете, я спасена?" Ответ, произнесенный шепотом священником, передал его ответ на этот важный вопрос. Все покинули эшафот, кроме осужденного. Засов был отодвинут, и Маргарет Уотерс почти без борьбы перестала существовать. Ничто не могло сравниться со спокойствием и пристойностью ее поведения, и так, как сообщил нам капеллан, было на протяжении всего периода с момента ее осуждения. Однажды ее посетил баптистский священник, к убеждениям которого она принадлежала; но он, по ее собственной просьбе, отказался повторить свой визит. Заключенный сказал, что он, очевидно, не привык к случаям, подобным ее, и его помощь скорее отвлекала, чем утешала ее.

Тюремный капеллан проявлял неустанное внимание и, по-видимому, добился счастливого результата. Хотя она постоянно настаивала на том, что у нее не было намерений совершить убийство, ей все же удалось увидеть свое прошлое поведение в истинном свете; и в предыдущую субботу она приняла Святое Причастие в своей келье вместе с одним из своих братьев. Двое из них посетили ее и выразили сильнейшие чувства привязанности. На самом деле, несчастная женщина, казалось, была глубоко привязана и любима всеми членами своей семьи. С момента своего осуждения она почти ничего не ела, поскольку поддерживала жизнь в основном с помощью стимуляторов. Хотя это, конечно, вызвало сильную физическую слабость, она с самого начала не проявляла никакого физического страха смерти. Вночь перед казнью — ту мирную лунную ночь, — когда так много мыслей, должно быть, было обращено к этой несчастной женщине, она мало спала и рано встала. Капеллан договорился встретиться с ней в восемь, но она послала за ним на час раньше, и он продолжал с ней до конца. В понедельник вечером она написала длинное заявление, адресованное мистеру Джессоппу. Это было написано твердой рукой на четырех сторонах листа бумаги, составленного с большой четкостью, и подписано именем осужденного. Все еще отвергая мысль о том, что она была умышленной убийцей, она признала себя виновной в крупном обмане и получении денег под ложным предлогом. Она утверждала, что если ее не кормили должным образом, то это было ошибкой в суждении. Она считала, что ей тяжело нести ответственность за ребенка, который умер в работном доме. Она много рассказывала о трудностях, навлекаемых на нее страхом перед ростовщиком — этим грибковым наростом нашей так называемой цивилизации, который привел на виселицу стольких преступников, не говоря уже о том, что каждый божий год разрушает семьи! Она отрицала, что ей давали настойку опия. Доказательства относительно грязного состояния детей, как она утверждала, были ложными. Она хотела избежать всякой горечи, но те, кто был так низложен, поклялись ложно. "Я уверена, что сегодня вечером их совесть осудит их, — писала она, — за то, что они стали причиной смерти ближнего". Перед лицом доказательств она чувствовала, что присяжные не могли вынести никакого другого вердикта или судья вынес какой-либо иной приговор, чем тот, который был вынесен. Дело было возбуждено, утверждала она, чтобы разоблачить ошибочную систему. Родители хотели избавиться от своих несправедливо нажитых отпрысков. Их единственной мыслью было скрыть собственный позор. "Они, — заключила она, — настоящие грешники. Если бы не их грех, нас не стали бы искать".

Наверняка найдутся люди, чью совесть заденут эти слова. Как бы ни заслужила эта женщина то горькое наказание, которое она сейчас понесла, в ее утверждении, что она и такие, как она, являются всего лишь предложением, удовлетворяющим их спрос, действительно есть огромная правда.

И вот мы разошлись, когда осеннее солнце осветило это мрачное зрелище, оставив ее наедине с "поисками короны" и обесчещенной могилой на территории тюрьмы. Вплоть до предыдущей ночи были большие надежды на смягчение приговора. Ее братья увековечили память министра внутренних дел, и только накануне им сообщили, что закон должен действовать своим чередом. Будем надеяться, что этот суровый пример положит конец не только "воспитанию детей", которое, как справедливо сказала покойная, является всего лишь следствием предыдущего преступления, но и тем "приятным порокам", которые являются его предпосылками и поощрением.

ГЛАВА XXVIII.

РАССТАЕМСЯ НА ПРАЗДНИКИ.

Как бы неромантично это ни звучало, я знаю несколько вещей более отвратительных, чем возвращаться в свою старую школу спустя каких-нибудь двадцать или тридцать лет. Пусть это сомнительное десятилетие все еще остается в отношении количества лет, прошедших с тех пор, как я бросил школу. На самом деле, никого не волнует, когда я ее бросил; Я недавно вернулся к ней. Я пошел посмотреть, как расстанутся мальчики, как когда-то расстался я, и почувствовал отвращение — не к школе или расставанию, а к самому себе. Я почувствовал себя постыдно старым. На самом деле, я пошел домой и начал стихотворение такими словами: —

Мои годы, я чувствую, идут своим чередом:
Но прежде, чем шаткое равновесие нарушится, я
подражу умирающему лебедю
И спою оду "тренодик—викси".

Дальше этого я так и не продвинулся. Кстати, в конце концов мне придется упомянуть, что школой был Королевский колледж на Стрэнде. Я не собираюсь распространяться дальше этого или добавлять что-либо в виде автобиографии; но место действия должно было бы вскоре стать известно, и нет никаких возможных причин для сокрытия.

Ну, я пошел посмотреть, как они расходятся на каникулы, и преодолел свои допотопные чувства только тогда, когда увидел одного из мастеров, который все еще работал в штате, который был там, когда я был мальчиком. Мне было приятно думать, каким Мафусаилом он, должно быть, является; и все же, если ему простить мою индивидуальность, он выглядел таким же румяным и гладколицым, как тогда, когда выставлял меня за дверь с вывернутыми наизнанку рукавами моего пальто. Это был его способ. Что ж, присутствие этого конкретного мастера сразу же заставило меня почувствовать себя Адонисом.

Я не буду вдаваться в подробности призов. Их было много, и они были очень милыми, и мальчики выглядели очень счастливыми, а их мамы по праву гордились. О чем я хочу поговорить, так это о школьных речах, или декламациях, как их еще называют. Школьные речи в Королевском колледже, на мой взгляд, являются образцом того, какими должны быть подобные вещи.

Некоторые школы — я не называю названий — занимаются простым школьным декламированием, которого никто не понимает, а мальчики ненавидят. Другие раздражаются полномасштабными театральными постановками. Королевский колледж действует под девизом *Medio tutissimus ibis*. Он сохраняет старые схоластические чтения, но позолотит пиллюлю, добавив аксессуар в виде костюма. Я могу цитировать по-латыни не хуже доктора Панглоса, и определенные строки крутились у меня в голове все время, пока я был в зале Королевского колледжа. Они были

Pueris olim dant crustula blandi
Doctores, elementa velint ut discere prima.

Сначала у нас было немного немецкого в виде отрывка из трактата Коцебу "Die Schlaue Wittwe", или "Темпераменты". Жаль, что у меня нет своей программы, я бы похвалил по имени парня, сыгравшего очаровательную молодую фрау. Достаточно сказать, что все прошло блестяще, как фейерверк. Оно было коротким и заставляло желать большего — большое достоинство в речах и проповедях. Учитель танцев был совершенен. Затем последовал отрывок из "Наследника по закону" Колмана. Доктор Панглосс — я снова сожалею об отсутствии программы — был творением, и, несмотря на близость Королевского колледжа к театру Стрэнд, молодежь мудро воздержалась от копирования даже такого превосходного образца, как мистер Кларк. Конечно, фрагменты латыни прозвучали с подлинно схоластическим звучанием. Затем прозвучал фрагмент греческой пьесы, над которой — *mirabile dictu!* — все смеялись и которой все были довольны. И почему? Потому что дополнения к костюму и атрибутике, дополнявшие правильное произношение текста, не позволяли даже тем, кто плохо знал латынь и еще меньше греческий, ни на мгновение не понять, что происходит. Этот отрывок был взят из "Птиц" Аристофана; и факт заключения договора между олимпийцами и землянами привел к введению некоторых вставок относительно Вашингтонского договора, которые, будучи истолкованы посредством поднятия американского флага и английского Юнион Джека, вызвали бурю аплодисментов. Заключительный припев песни "Янки Дудл" был исполнен в сопровождении скрипки. Игра актеров и аксессуаров были идеальными; и то, что бедняга Робсон называл "хорганом" из Трибаллоса, было замечательным. Этот юноша был бы приятным молодым человеком для небольшого чаепития. Остается надеяться, что, подобно Боттому ткачу, он сможет модулировать свой голос и рычать так же нежно, как любой сосущий голубь.

Однако самым замечательным из всех чудес, которые встретили меня в моей старой школе, была сцена из "Критика", которую играли самые лилипутские мальчики. Пафф в исполнении Пауэрла (я не забыл это имя) был просто великолепен. И все же Пауэрл, да простит он меня за такие слова, был просто остряком. Сэр Кристофер Хаттон едва ли мог выйти из детской; и все же идея абсолютной флегматичности никогда не находила лучшего воплощения, чем тот же самый мальчик-гомеопат.

Последней шла традиционная сцена из оперы Мольера "Аваре". Мэтр Жак был хорош; Гарпагон более чем хорош. Я ушел вполне довольный, жалея только, что не привел своего старшего сына посмотреть это. Мой старший мальчик! Боже, и я был точно таким же, как он сейчас, когда неохотно, как улитка, подползал к этим схоластическим теням. Дух Панглоса снова охватил меня, когда я подумал обо всем, что увидел в тот день, — в мое время ничего подобного не было. Королевский колледж идет в ногу со временем. "*Tempora mutantur!*" - Мысленно воскликнул я; и добавил не без приятного скептицизма, когда еще раз взглянул на оживленного учителя: "Интересно, нет ли мутамура в иллисе?"

ГЛАВА XXIX.

ДАМЫ-ПСИХОЛОГИ.

Нет никаких сомнений в том, что вопрос о "Правах женщины" продвигается вперед гигантскими шагами не только в социальной и политической, но и в интеллектуальной сфере. Мальчики и девочки — или, скорее, мы должны сказать, юные леди и юные джентльмены — сгруппированы вместе в списке классов Оксфордского местного экзамена, независимо от пола. Беглый взгляд на ежедневные газеты покажет нам, что женщинам читают лекции по всем предметам, начиная с физических наук, английской литературы и искусства и заканчивая строительством клавесина. Однако мы воображали, что то, что технически называется "Гуманитарными науками", или, на университетском жаргоне, "Наукой", подразумевая под этим этику и логику, по—прежнему принадлежит нам. Теперь мы не обмануты. Нам напоминают, что женщина может сказать, не прибегая к солецизму, "Человек сум" и, следовательно, может претендовать на включение даже гуманитарных наук в число своих учебных предметов. Отныне царство женщины - это не просто то, что можно назвать "фортепианной культурой", как это было когда-то. Она взлетела даже над искусством, литературой и наукой как таковой, в то, что на первый взгляд может показаться неподходящими сферами диалектики и метафизики.

Профессор Г. Крум Робертсон недавно начал читать курс из тридцати лекций для женщин по психологии и логике в зале по адресу: Портман-сквер, Лоуэр-Сеймур-стрит, 15. Побуждаемый, возможно, скорее желанием посмотреть, привлечет ли дам подобная тема, и, если да, то каковы психологические особенности женщин, чем каким-либо прямым интересом к самим вопросам, я обратился к достопочтенному. секретарь поинтересовался, допускаются ли представители низшего пола; в ответ получил билет, допускающий одинокого мужчину и группу дам по выбору. Сам вход в зал — более того, сама многолюдная улица — рассеял мои сомнения относительно того, привлекут ли леди эти сюжеты; и, войдя, я обнаружил, что публика состояла из нескольких сотен дам и двух несчастных — или, лучше сказать, привилегированных? — представителей мужского пола. Дамы были всех возрастов, очевидно, как матроны, так и старые девы, в которых на самом деле не было ничего похожего на "синий чулок", но все они явно были сосредоточены на бизнесе. Все энергично записывали и, казалось, следили за несколько затрудненной шотландской дикцией профессора по крайней мере так же, как и мы двое, которые, казалось, представляли не только мужской пол в целом, но и лондонскую прессу в частности.

Профессор Робертсон начал с краткого и уместного упоминания о совершенной Ипатии, знакомой дамам по роману Кингсли — в те дни, когда дамы привыкли читать романы, — а также о дамах Королевской крови, которых Декарт и Лейбниц считали лучшими ученицами, чем ученых. Однако, заметил он, было бы дерзостью предполагать, что за обсуждение подобных тем перед дамами нужны какие-либо извинения. Поэтому он сразу же погрузился в *medias res* и сделал свою первую лекцию не просто изолированной или вводной, а фактическим началом своей серии. Необоснованные факты, сказал он, составляют лишь ничтожную долю наших знаний — даже простейшие процессы сами собой выстраиваются в цепочку выводов. Истина является результатом логических рассуждений; и не только истина, но истина *для всех*. Науки имеют дело с особыми аспектами истины. Эти науки могут быть расположены в порядке—1. Математика; 2. Физика; 3. Химия; 4. Биология — каждая постепенно сужает свою сферу; одна заключена, так сказать, в другой, и каждая предполагает тех, кто выше нее. Логика предполагалась во всем. Каждое из них могло быть выражено словом, оканчивающимся на

"логия", поэтому логику можно было бы назвать "наукой наук". Науки были специальными приложениями логики. Ученые люди легкомысленно отзываются о логике и говорят, что истину можно открыть и без нее. Это верно, но тривиально. С таким же успехом мы можем возражать против физиологии, потому что мы можем переваривать пищу, не зная ее; или против арифметики, потому что можно считать и без нее. Научный прогресс был велик; но на его пути могло быть меньше крушений, если бы его профессора были логиками более широкого профиля. Но тогда логика предполагает нечто другое. Мы должны исследовать происхождение и рост знания — законы, по которым оно возникает. С одной стороны, эта наука — психология — должна быть помещена на самую высокую ступеньку шкалы; но с другой стороны, она была бы более поздней по уровню развития, чем даже сама биология, потому что мыслит не каждое существо. Этот двоякий аспект объясняется особенностью его предмета, а именно разума.

Науки сравнительно современные. Математике около 3000 или 4000 лет; физике - три столетия; химия - дело прошлое, биология - только в нынешнем столетии. Но люди философствовали раньше наук. У древних греков была только одна наука — математика. Сейчас люди немного разбираются во многих науках; но чего мы хотим, так это того, чтобы люди соединяли — связывали воедино - науки; чтобы их знания были целостными. Знания древнего грека руководили его действиями и гораздо больше входили в его повседневную жизнь, чем наши. Это, по его словам, и есть философия. Это то, чего мы хотим сейчас; и это то, что можно получить от психологии. Между небом и землей нет ни одной вещи, которая не допускала бы ментального выражения; или, другими словами, обладала бы субъективным аспектом и, следовательно, подпадала бы под психологию.

Это, в самых кратких чертах, набросок "крепкого мяса", предлагаемого дамам-психологам. Одной области психологии — а именно психологии интеллекта, исключая область чувств и действий, должно быть посвящено десять лекций, причем вышеупомянутая является первой. Остальные двадцать будут посвящены логике.

Следующая лекция была посвящена исследованию мозга и нервной системы и их роли в психических процессах. Увы, однако, насколько изменилась аудитория! Только около тридцати дам — едва ли более одной десятой от тех, кто присутствовал на вступительной лекции, — записались на курс на постоянной основе. Не будет проявлением неуважения к дамам, если я рискну высказать предположение, не выходит ли эта тема в настоящее время за рамки дозволенного. Мы стремительно движемся вперед, и многие глупые идеи об интеллектуальных различиях полов устаревают. У нас тысячи женщин-литераторов и артисток. Ученые дамы, в обычном понимании этого термина, выходят далеко вперед. Возможно, нам придется "подождать еще немного", прежде чем мы получим что-то вроде масштабной психологической или даже логической оценки.

ГЛАВА XXX.

СЕКУЛЯРИЗМ По БАНЬЯНУ.

Удивительно наблюдать за количеством странных и неожиданных сочетаний, которые постоянно происходят в том моральном калейдоскопе, который мы называем обществом. Я не предполагаю, что я являюсь исключением в том, что сталкиваюсь с ними; и я не использую какую-то особую отрасль в их поиске. Они приходят ко мне; все, что я делаю, - это держу глаза открытыми и отмечаю, какое впечатление они производят на меня. Однажды во вторник вечером я смиренно направлялся к дому френолога с честным намерением выяснить свое краниологическое состояние, когда, проходя по Касл-стрит, Оксфорд-Маркет, я узнал, что мистер Дж. Дж. Холиоук был там, чтобы рассказать о "Литературном гении Баньяна". Это было одно из тех нелепых сочетаний, о которых я говорил; и сразу же я прошел в Кооперативный зал, решив отложить свой визит к френологу. Есть некоторые факты, о которых лучше оставаться в полном неведении; и я не сомневаюсь, что мое собственное психическое состояние относится к этой категории.

Я нашел Кооперативный зал красивым и просторным зданием; и очень приличная аудитория собралась послушать мистера Холиока, пожилого человека с тонким голосом, и его выступление в рассматриваемом случае сильно затруднялось из-за сильной простуды и кашля. После краткого импровизированного намека на то, что герцог Бедфорд воздвиг памятник Баньяну, который он рассматривал как своего рода компенсацию за то, что его светлость перестал подписываться на скачки, мистер Холиоук приступил к чтению своего трактата, который он написал на нескольких листках бумаги — по—видимому, на оборотах циркуляров - и положил один за другим на стул, когда закончил их.

Мир, сказал он, велик, но люди всегда забывают, какое разнообразие человечества в нем присутствует. Двести лет назад власти Бедфорда сделали это очень неприятно для некоего Джона Баньяна, потому что они думали, что знают все, и не могли себе представить, что обычный уличный рабочий может знать больше. Профессия лудильщика кажется бесперспективной подготовкой к литературной карьере. Современный лудильщик в Бедфорде не считал бы себя польщенным оказанным ему вниманием, особенно если бы он к тому же был старым тюремщиком. Тем более похвально для Баньяна то, что он добился успеха. Если он чинил горшки так же хорошо, как составлял предложения, то был лучшим жестянщиком, который когда-либо путешествовал.

У Баньяна не было мирских представлений. Его доктрина заключалась в том, что людей не спасает никакое добро, которое они могут сделать, — доктрина, которая разрушила бы мораль любого коммерческого учреждения за месяц! Он объявил себя "главным из грешников", но, по мнению горожан, это был человек с твердым сердцем, твердыми помыслами и щепетильностью.

С ним было неприятно общаться. В нем была неумолимая искренность, которая часто переходила в суровость. И все же в нем было много нежности. У него была душа краснокожего индейца — сплошные томагавки и правда, пока не пришла литературная страсть и не добавила к ней юмора. Он требует в своей энергичной манере: —

Могу ли я не писать в таком стиле,
используя такой метод, и все же не упустить
Свой конец, твое благо? Почему этого нельзя сделать?
Темные тучи приносят воду, а яркие - нет.

Как и все гениальные люди, этот решительный горшечник обладал безграничной уверенностью в себе. Он не питал иллюзий относительно своих сил. Ни один человек не знал лучше, чем он. Он мог оценить всех судей, окружавших его, и знал это. Каждый недалекий джентльмен в бедфордширских городах и деревнях был вынужден вздрагивать от его колоритного и сатирического языка. Священнослужителям, епископам, юристам и судьям он давал имена, которые знали все его соседи. мистер Безжалостный, мистер Жестокосердный, мистер Забывчивый, мистер Неискренний, мистер Надменный — так он называл неприятных сановников города Мансул.

Сначала его "пасторы и учителя" считали его просто своевольным, шумным, молящимся сектантом. Очень скоро они обнаружили, что он был боевым проповедником. Как лудильщик или христианин, он всегда держал рукава засученными. Когда ему пришлось отстаивать свое собственное дело, он посадил на скамью присяжных мистера Правдолюбца, мистера Прямоту, мистера Ненависть к Плохому, мистера Откровенность и других дружелюбных людей. Его свидетелями были мистер Всезнайка, мистер Говорящий правду, мистер Ненавидящий Ложь, мистер Подтверждающий правду, мистер Действительно Видевший. Его городским клерком был мистер Праведность, Регистратором - мистер Совесть, тюремщиком - мистер Верный Человек, лорд Понимание был на скамье подсудимых, а Судья носил изысканное имя "Золотоволосый принц".

Противники Баньяна всегда представляют собой плохую компанию. Они живут на Злодейском переулке, на Блэкмут-стрит, или на Богохульном ряду, или на Пьяном переулке, или на Углу Негодяев. Они сыновья одного Зверя, чья мать родила их на площади Плоти: они живут в доме одного Бесстыдника, в "Знаке Нечестивца", по соседству со Спуском в Преисподнюю, слугами которого являются мистер Лесть, мистер Нечестие, мистер Ложный Покой, мистер Алчность, которых приютил некий мистер Симпл во дворе Фолли.

В распоряжении Баньяна было совершенное количество сектантской грубости. Его эпитеты временами не поддаются цитированию и свирепы. Однако, когда его друзья оказываются в баре, свидетелями против них выступают отборнейшие негодяи всех времен - мистер Зависть, мистер Пик-слава и другие, чьи друзья - лорд Плотского Наслаждения, Лорд Роскоши, лорд Распутства, сэр Обладания Жадностью и подобные им подлые люди высокого ранга. Судью теперь зовут лорд Хейт-Гуд. Присяжные состоят из мистера Нехорошего, мистера Злого Умысла, мистера Любовной Похоти, мистера Распущенной жизни, мистера Пьянящего, мистера Света Ненависти, мистера Вражды, мистера Лжеца, мистера Жестокости и мистера Неумолимого, с мистером Слепцом в качестве старшего.

Никогда еще столь печально известная банда не подвергалась нападению. Злоба, ярость и мстительность, а также все страсти, пробуждаемые в груди сильных мира сего местной наглостью и юридической несправедливостью, наделяются Баньяном эпитетами огромной карательной силы. Он величайший создатель имен среди авторов. Он был духовным команчем.

Он молился как дикарь. Он сам сказал, описывая искусство религиозного ратора — искусство, в котором он был величайшим мастером своего времени:

Вы видите, какими способами рыбак
ловит рыбу; какие машины он делает!
Смотрите! как он задействует весь свой ум,
а также свои силки, лески, углы, крючки и сети;
И все же есть рыба, которую ни крючок, ни леска,
ни силок, ни сеть, ни двигатель не могут сделать твоей;
Их нужно нащупывать, а также щекотать,
иначе их не поймашь, что бы ты ни делал.

Баньян никогда не щекотал грешника. Это было не в его правилах. У него был штырь. Он уколол заблудшего. Он опубликовал брошюру, в которой предлагал, что следует делать со святыми пешеходами, чьи трудности остались позади. Он подкладывал им под ноги детонирующие шарики, которые взрывались при каждом шаге и пугали их. Он окружил небесную дорогу ужасами. Если они поворачивали головы, то видели дьяволицу похуже жены Лота, которая просто превратилась в столб сладкой всесохраняющей соли. Несчастные новообращенные Баньяна, оглянувшиеся назад, упали в яму, наполненную огнем, где они выли и горели вечно.

Ах! с каким удовольствием, должно быть, великий бедфордширский художник созерцал свои виртуозные страницы, день за днем добавляя к ним портрет какого-нибудь нового негодяя, или рисуя ловкой и любящей рукой здоровые очертания какого-нибудь честного человека, или придумывая какую-нибудь новую фразу, которая, подобно новой ноте или новому цвету, будет радовать певца или художника будущих поколений. Должно быть, он гордо расхаживал по своей камере, облекая свою похвалу и презрение в непреходящие сравнения.

Но Баньян никогда не был бы великим, если бы был просто неприятным. В нем было бесконечное остроумие. Его спас плотский гений. Он написал шестьдесят книг, и две из них — "Осада города Мансул" и "Путешествие пилигрима" — превосходят все когда-либо написанное по быстроте творческого воображения, колоритной английской речи, художественным фразам, искусству диалога, сатире, высмеиванию и превосходному знанию живописных путей темных умов простых людей. На его страницах люди поднимаются из-под земли - они всегда выходят на открытое пространство, чтобы их можно было увидеть. Они говорят естественно, так что вы сразу их узнаете; и они действуют без промедления, чтобы вы никогда их не забывали. Они удивляют вас, восхищают вас, они интересуют вас, они наставляют вас и исчезают. Они никогда не задерживаются, они никогда не утомляют вас. Новые и странные происшествия возникают на каждом шагу в его истории. Сцена меняется вместе с мужчинами и их приключениями. Теперь это поле или трясина, равнина или тропинка, болото или вулкан, замок или коттедж, песчаная знойная пустыня или холодная река; дым бездонной пропасти или яркие, зеленые, восхитительные горы и зачарованные земли, где нет ни епископов, ни тюрем, ни ремесленников; где изобилуют виноградом, ситцем, невестами, вечными разговорами и трубами. Гений великого мага покидает его, когда он приходит в неизведанные области, и он знает не больше, чем все мы. Но пока его нога стоит на земле, он ступает как король среди писателей. Его Кристиан не дурак. Он искусен в скупке краденого, подозрителен, проницателен, остроумен, сатиричен, изобилует бранью и широкой, смелой, восхитительной

дерзостью. Прощальные концы - тонкий, уклончивый валет, нарисованный с бесконечным мастерством.

Если бы Баньян просто проповедовал Евангелие, о нем помнили бы не больше, чем о тысячах его современников, которые с благодарностью забыты, — если бы он молился до сих пор, он не получил бы статуи; но его литературный гений жив, когда проповедник почти мертв.

Он видел с такой живостью, что сами страсти и своенравные настроения людей стояли в его поле зрения особняком и отчетливо, и он дал им имена и наделил их естественной речью. Он создал новых людей, исходя из особенностей ума, и послал их в мир в формах настолько определенных и осязаемых, что люди узнали их навсегда. В его эпоху писатели называли имена своих противников. Баньян подражал этому в своей книге "Жизнь мистера Бэдмена". Так поступали другие, но у Баньяна это получалось лучше, чем у кого-либо другого. Его выдумка была великолепна, и, кроме того, он обладал даром драматурга.

Если бы кто-нибудь написал "Приключения кооператора", он должен был бы рассказать о своей встрече с мистером Упрямым, который не желает его слушать и хочет оттащить назад. Всем нам сопутствует мистер Податливый, которого можно убедить, не будучи убежденным самим, который при первом же всплеске в затруднительном положении выползает и поворачивает обратно с трусливой ловкостью. Мы все сталкивались с глупостью мистера Невежества, которое ничто не может просветить. Мы знаем мистера Тернауэя, который родом из города Отступничества, чье лицо мы не можем полностью разглядеть. Другие просто называли имена, он рисовал характеры, он заставлял говорить качества своих людей; вы узнавали их по их уму лучше, чем по одежде. Вот почему последующие века читали "Путешествие пилигрима", потому что те же самые люди, которые встречались с этим необыкновенным путешественником, всегда оказываются на пути каждого человека, у которого есть особая и высокая цель, и он стремится ее осуществить. Манеры меняются, но человечество по-прежнему придерживается своих старых обычаев. Именно потому, что Баньян написал их, его творчество сохраняется, как картина одного из старых мастеров, писавших на все времена.

Таков план статьи, который был интересен своими ассоциациями и испорчен только кашлем. За последние несколько недель Баньян был практически во всех возможных формах. Безусловно, одним из самых оригинальных является то, что представляет человека безграничной веры в свете крайнего скептицизма.

ГЛАВА XXXI.

ИЗМЕНА НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ.

В серии статей, подобных настоящей, необходимо время от времени делать паузу и приносить извинения либо за характер работы в целом, либо за определенные детали ее выполнения, рассчитанные на то, чтобы шокировать хороших людей, чувства которых хотелось бы уважать. Поскольку я так долго занимался изучением супружеской неверности в Лондоне, мне, возможно, будет позволено высказываться в этом вопросе с некоторым авторитетом; и я без колебаний заявляю, что считаю политику уклонения от темы самой фатальной и глупой, которую

только можно было принять. Такой курс не только вдохновляет людей, особенно молодежь, на мысль о том, что в неверности есть что-то очень увлекательное - что-то, что, если позволить им встретиться взглядом, несомненно привлечет и убедит их, — что нет ничего более далекого от истины, — однако не только это, но и многие утверждения и большинство аргументов, которые достаточно правдоподобно звучат на бойком языке популярного оратора, действительно читаются совсем по-другому, когда они хладнокровно изложены в прессе и опубликованы на страницах книги. Я решительно протестую против того, чтобы делать тайну из лондонской infidel-действительности. Она распространилась и продолжает распространяться, я знаю, и это хорошо, что общественность должна знать; но я считаю, что не было бы такого противоядия от нее, чтобы люди были полностью осведомлены о том, как и где она распространяется. Это роль, которую я все время предлагал себе: не выступать с критикой какого-либо человека или какой-либо системы, не принижать или маскировать правду, а просто описывать. Я не могу представить себе более законного метода выполнения своей работы.

Я полагаю, никто никоим образом не сочтет потворством своим желаниям или роскошью со стороны священнослужителя, который, как следует помнить, часть воскресенья занят служением христианскому народу, посвятить другую часть этого дня тому, чтобы выслушивать поношения Христа и разрывать на куски его собственное вероучение. Я сам чувствую, что моя собственная вера не поколеблена, а в десятикратной степени подтверждена всем, что я слышал, видел и писал о неверности; и поэтому я не могу согласиться с принципом, согласно которому передавать свой опыт другим каким-либо образом опасно. Уберите ореол таинственности, который окружает этот предмет, и он действительно обладал бы очень слабой привлекательностью.

Это было, например, в то время, которое всегда казалось мне одной из самых волнующих эпох нашего христианского года, в пятое воскресенье после Пасхи — последнее воскресенье Христа на земле, — когда, руководствуясь одним из таких яростных антитезисов, я отправился на Гибралтар-Уок, Бетнал-Грин-роуд, чтобы услышать, как мистер Рэмси разрушает ту самую систему, проповедовать которую на протяжении многих лет было моей миссией. Я не обнаружил и надеюсь, что моя паства не обнаружила, что я запнулся в своем послании в тот вечер. Я даже осмеливаюсь думать, что заявления мистера Рэмси, которые я повторю настолько точно, насколько это возможно, вряд ли покажутся здесь столь убедительными, как тогда, когда он так бегло излагал их уличным торговцам и землекопам Бетнал-Грин-роуд; и если это верно в отношении мистера Рэмси, то, безусловно, так же верно и в отношении людей помельче; ибо он мастер своего дела и, безусловно, достойный противник для христианина, которого можно встретить мягким защитным оружием, которое мы решили использовать.

Когда погода становится хорошей, как это и должно было быть в мае 1874 года, неверие покидает свои обычно убогие залы на углах улиц и в полях, которые часто совсем не зеленые; таким образом, используя, позвольте мне заметить мимоходом, одно из старейших средств самого христианства, в котором нам также не мешало бы последовать его примеру. *Fas est ab hoste doceri* — я не могу повторять слишком часто. Пренебрегая достопримечательностями железнодорожных арок на Сент-Панкрас-роуд, слушателем которых я надеюсь вскоре стать, я помчался на Метрополитен-Рейлдж и трамвае к церкви Шордич, недалеко от которой, за рынком Колумбия и роскошными образцовыми жилыми домами, находится неказистый уголок под названием Гибралтар-Уок, отходящий от главной дороги треугольным клочком очень заросшей кустарником земли, окруженный низкой стеной, которую молодой Бетнал-Грин

быстро стирает с лица земли. Когда я добрался сюда, я обнаружил неклерикального вида джентльмена в синем пальто и песочного цвета усах, возводящего свою трибуну в виде небольшого деревянного табурета, откуда я мог видеть, что он готовится излить потоки своей риторики, усердно изучая какие-то чрезвычайно засаленные заметки, которые он держал в руке и просматривал на самом ветреном углу улицы, который, я уверен, можно было найти за пределами пещеры Эола. Я снова влился в небольшую, но далеко не избранную толпу, которая уже начала собираться, и пожилой человек, который, несомненно, был сапожником, убедившись, что я пришел послушать лекцию, сказал мне, что он "прослушал немало из них, но не испытывал особых чувств к Ардеру". Ничуть не обескураженный этим известием, я все же предпочел задержаться, несмотря на жестокий мороз, который свистел за углом Бетнал-Грин-роуд. Через несколько минут я почувствовал легкое волнение в небольшом собрании из-за того, что появились христиане, чтобы вызвать некоторое противодействие. Мистер Харрингтон, молодой человек, который, как я однажды слышал, достаточно бегло выступал с теистической точки зрения на собрании неверующих, распаковывал свою трибуну, патентованную складную, сделанную из дерева, как у его противника, но аккуратно сложенную вместе с большой Библией, в футляре из зеленого сукна. Оба джентльмена приступили к делу одновременно; и поскольку они поставили свои табуреты очень близко друг к другу, результат был очень похож на результат работы двух шлифовальных органов на одной улице. Из них двоих голос мистера Харрингтона был громче, чем у мистера Рэмси. У последнего джентльмена болело горло, и его приходилось постоянно смазывать с помощью кувшина с водой, который брат—еретик держал наготове у его локтя. Мистер Харрингтон был в отличной форме, но его паства была меньше нашей; потому что сначала я держался - я собирался сказать религиозно, я полагаю, мне следует сказать *ir*— религиозно - за неверных.

Мистер Рэмси, испытывавший укоренившееся отвращение к букве "н", за исключением тех случаев, когда обычно используется ровное дыхание, начал с того, что христианство отличается от других религий тем, что в нем есть вечная буква "Эл". У магометан были свои прекрасные дамы; североамериканский индеец искал свои "Аппиевые" земли для Размножения; но Элли была особенностью христианской системы. С другой стороны, на вас постоянно изливалось спасение. Вам давали в руки брошюры с вопросом: "Что я должен сделать, чтобы спастись?" Мы должны были платить за это спасение около 11 000 000 *фунтов стерлингов* в год Англиканской церкви и примерно столько же раскольникам. На самом деле каждый буйнопомешанный проповедовал и разорял служанок, и за это мы платили более двадцати миллионов в год — больше, чем проценты по всему Государственному долгу. После этого изящного изречения мистер Рэмси сказал, что предлагает разделить свои замечания на четыре части. 1. Необходимо ли спасение? 2. От чего мы должны быть спасены? 3. Для чего? 4. Каким образом?

1. Согласно христианской теории, Бог после вечности "ничегонеделания" сотворил мир. Он заставил Адама согрешить, заставив его совершить грех; а затем проклял его за то, что он сделал то, что, как Он знал, он сделает. Он предопределил, что вы — зрители — будете прокляты из-за греха Адама; но через некоторое время Богу "надоело проклинать людей", и он послал Своего Сына искупить человечество.

Этот цветок риторики безмерно пощекотал Бетнал Грин; но мистер Харрингтон оказался на высоте положения и так успешно отстаивал свою ортодоксальность, что мистер Рэмси выпил больше обычного и пожаловался, что у него нет "свободной трибуны" — так он придавал достоинство шаткому табурету, на котором восседал. Затем он пустился в длинное

препарирование Книги Бытия i, по-видимому, чувствуя себя особенно огорченным тем фактом, что луна, как говорят, "правит ночью", хотя я не мог понять, какое это имеет отношение к христианскому плану спасения; и превосходный полицейский, который на мгновение прислушался к астрономическим рассуждениям мистера Рэмси, очевидно, разделил мои чувства и высокомерно прошел мимо. Я искренне желал, чтобы мой долг позволил мне сделать то же самое.

Затем оратор пустился в длинную диссертацию о первобытном грехе, суть которой заключалась в том, что, хотя женщину никогда не предупреждали о том, чтобы она не вкушала Запретный плод, ей пришлось понести основную тяжесть наказания. Затем — хотя почти стыдно фиксировать такую тривиальность — он пришел в сильный гнев, потому что о змее говорили как о проклятом превыше всего "скота". Кто когда-нибудь слышал, чтобы змей называли скотом? Он был обречен ходить на брюхе. Как он ходил раньше? Он ходил на спине или "оперся" на кончик хвоста? Эти любезности отвлекли всю аудиторию мистера Харрингтона, за исключением нескольких маленьких грязных мальчишек на стене. Мистер Рэмси явно знал свою аудиторию и "играл на публику".

2. Но от чего мы должны были спастись? Вечный костер. Этот костер был любимым соусом к проповедям и подавался, чтобы люди не спали. Где был Элл? Говорили, что это бездонная яма; если так, то с ним все должно быть в порядке, потому что он мог выбраться с другого конца! С другой стороны, говорили, что Элл - очень необычное место. Когда миссионеры сказали гренландцам об этом, все захотели пойти в "Элл", поэтому им пришлось сменить тему и сказать, что там очень холодно. Мистер Рэмси не стал упоминать о своих полномочиях в связи с этим заявлением.

В его шутках по поводу монотонности жизни в Ивене я не чувствую склонности следовать за этим джентльменом. Далее он отметил, что Искупление, если оно вообще было необходимо, произошло на 4000 лет позже. Оно должно было произойти — так мы должны были верить его *ipse dixit* — одновременно с Грехопадением. Этим искуплением мы должны были воспользоваться посредством веры. Идиоты не могли иметь веры, но им было позволено спастись. Следовательно, утверждал мистер Рэмси в заключение, лучшим для всех нас было бы родиться идиотами, и христианство достаточно последовательно пыталось превратить нас всех в идиотов.

Таковы были некоторые из заявлений. Я воздержусь от цитирования наиболее оскорбительных, которые были намеренно выдвинуты на этом собрании неверных на свежем воздухе; и с каким результатом? Хотя огромное количество людей продолжало сновать туда-сюда по этому великому шоссе, я уверен, что у святилища мистера Рэмси никогда не собиралось больше сотни человек. Да, они смеялись над его ругательствами; но как только он бросил их и начал спорить, они заговорили, и их пришлось энергично призвать к порядку. Галлио, как будто их не волновало ничего из этого, и я совершенно уверен, что хороший штат работающего духовенства, такие люди, как мистер Боди или мистер Стил из церкви Святого Фомы, которые могли бы говорить с людьми, уничтожили бы престиж мистера Рэмси. Что касается мистера Харрингтона, то он желал добра и обладал великолепной силой духа, но его теология была слишком сектантской, чтобы удовлетворить разношерстную аудиторию слушателей, придерживающихся всех оттенков мысли и бездумья.

Предположим, что мистер Рэмси проявил всю свою силу в то утро — а у меня нет причин сомневаться, что он так и сделал, — я намеренно говорю, что без колебаний привел бы своего сына послушать его, потому что я чувствую, что даже его незрелый ум смог бы осознать, как мало можно было сказать против христианства, если бы это было все.

ГЛАВА XXXII.

"НЕОПИСУЕМЫЙ ФЕНОМЕН".

Когда основная масса лондонской прессы предпочитает раздувать шумиху по поводу чего-либо или кого-либо, во всяком случае, есть первостепенные основания полагать, что есть что-то, оправдывающее такой консенсус. Более того, когда объектом такого излияния становится молодая леди, заявляющая, что она спирит-медиум, единому сердцу настолько необычно, что, безусловно, делает этот вопрос заслуживающим самого тщательного расследования, поскольку до сих пор лондонская пресса либо полностью осуждала спиритизм, либо по отдельности обрушивалась на отдельных медиумов, предположительно в зависимости от склонностей корреспондентов. О мисс Энни Еве Фэй, однако, — разве само имя не волшебное? — Я прочитал в одном обычно трезвом журнале, что "в способностях этой юной леди есть что-то не от мира сего". Другой утверждал, что она была "духовным медиумом замечательной и экстраординарной силы". Другие, более осторожные, описали "тайну" как "сбивающую с толку", "развлечение" как "экстраординарное и непостижимое", в то время как еще один, как мне показалось, объяснил причину этого ажиотажа, сказав, что "мисс Фэй - симпатичная молодая леди лет двадцати, с тонким одухотворенным лицом и копной светлых волос, завитых на лбу".

Я взял за правило присутствовать на вступительном выступлении мисс Энни Евы Фэй в зале на Ганновер-сквер и убедился, что все, что касается хорошенького личика и вьющихся волос, соответствует действительности. О "неописуемой" природе "феномена" (ибо под этим названием объявлена мисс Фэй, а — ля Винсент Крамлз) могут быть два мнения, в зависимости от того, рассматриваем ли мы юную леди как своего рода дельфийскую жрицу и кумскую сивиллу в одном лице, или просто умную фокусницу-колдунью, если существует такое слово.

Тогда позвольте мне с той восхитительной непоследовательностью, которая так часто используется в отношении так называемого или самозваного "сверхъестественного", сначала описать "неописуемое", а затем, языком бездуховного доктора Линна, рассказать, как все это делается; ибо, конечно, я узнал обо всем этом, как и многие другие из просвещенной и избранной аудитории, собравшейся на первом приеме мисс Энни Евы Фэй в концертных залах Королевы.

Подойдя к дверям на полчаса раньше, чем следовало, поскольку я неверно истолковал время начала, я обнаружил у входа мистера Бернса из Прогрессивной библиотеки и джентльмена с бриллиантовой брошью на манишке, в котором, как я сразу догадался по этому украшению, был владелец неописуемого феномена, и фактически я был немедленно представлен ему как полковник Фэй.

Проходя должным образом по похожему на пещеру помещению, которое в небольших масштабах вполне подошло бы кумской Сивилле, я обнаружил, что платформу занимал крошечный шкафчик, непохожий на шкафчик Дэвенпортов тем, что он был открыт спереди, с зеленой занавеской, которая, как я мог видеть, предназначалась для опускания во время проведения феноменальных манифестаций. Внутри кабинета был складной табурет; несколько плетеных стульев на платформе, а также различные приспособления для спиритических сеансов, знакомые мне по долгому опыту, гитара, скрипка, колокольчики, тамбурины и тому подобное. Только одно дополнение было новым; и это было зеленое ведро для конюшни, которому, я не сомневался, суждено было фигурировать в том, что моя программа с ароматом Риммеля обещала как кульминацию Первой части — "Великое ощущение от ведра". Вскоре полковник Фэй в краткой речи, гнусавой, но беглой, изложил суть дела и попросил двух джентльменов выступить в качестве Инспекционной комиссии. Двое выступили вперед немедленно — даже слишком немедленно, как показал результат; один был "гражданином этого города", как и просил полковник Фэй; но другой был молодым джентльменом-индусом, который, как я полагаю, сразу потерял доверие аудитории из-за своего иностранного лица и восточной одежды. Однако они первыми вышли вперед, и поэтому были избраны, и сразу же приступили к "осмотру" кабинета тем явно беспомощным и несовершенным способом, который присущ новичкам, работающим под пристальным взглядом аудитории. Затем из боковой двери, слева от сцены, входит Неописуемый Феномен. Да, симпатичная молодая леди, и в какой-то степени со светлыми вьющимися волосами. Возможно, в ее глазах был "одухотворенный взгляд", но я часто замечал, что так бывает с двадцатилетними молодыми леди. Ее платье из легкого шелка было безупречным. Недавно я видела Флоренс Кук и мисс Шауэрс; и ... ну, я подумала, что из этих двоих с помощью мисс Энни Евы Фэй получилась бы очень красивая модель для статуэтки Трех Граций.

Мисс Фэй, после того как полковник довольно расплывчато назвал ее "из Соединенных Штатов", была перевязана на обоих запястьях полосками ситца; узлы были зашиты джентльменом—европейцем, в отличие от юноши-азиата. Он не совсем хорошо разбирался в игле, но вовремя справился с этим. Затем мисс Фэй посадили на складной стул, связали ей запястья за спиной, а шею также прикрепили к кольцу, ввинченному в заднюю стенку шкафчика. Вокруг ее лодыжек была обвязана веревка, протянутая прямо к передней части сцены, где находился юноша-индус, которому было велено держать ее натянутой, что он добросовестно и делал, его поведение было таким, как описывает Колман, "как у какого-нибудь толстого джентльмена, который ловит угрей".

Прежде всего, еще одна полоска ситца была свободно обернута вокруг шеи мисс Фэй; занавес опустился. Эй, вуаля! она снова поднялась, быстрее, чем требуется, чтобы написать, и эта полоска была дважды и втрое завязана у нее на шее. На колени ей положили обруч для игры в бубен, и таким же образом он был обнаружен вокруг ее шеи, насколько позволяли пышные волосы.

Публика в этот момент немного занервничала; и хотя они ничего не сказали против молодого джентльмена с восточной внешностью, "симпатичный американский полковник" понял это, добавив еще двух человек из зала в комитет на сцене и оставив молодого джентльмена "болтаться" внизу, как будто желая уберечь его от проказ.

Другие "проявления" на самом деле отличались от первого лишь в деталях. Гитару положили на колени, занавес опустился, и она заиграла; то же самое сделала скрипка — фальшиво, как обычно, — а также маленькая стеклянная фисгармония с на самом деле мелодичным созвучием. Заиграла губная гармошка, и то, что полковник Фэй назвал "гонтовым гвоздем", было вбито молотком в кусок дерева. Третий стакан воды, стоявшего на коленях у Неописуемого Феномена, была выпита, и потрясающее Ощущение от Ведре состояло в том, что ведро поставили ей на колени, а затем обнаружили, что оно висит за ручку у нее на шее. Последнее "проявление" - это то, на что я хотел бы обратить внимание; ибо именно благодаря ему я узнал, как все это делается. На колени мисс Фэй положили нож; занавес опустился, нож упал на платформу, и вот Неописуемое Явление вышло из шкафа с перерезанной веревкой, которой были связаны ее запястья и шея.

Теперь, на протяжении всей этой части представления, зрители, вместо того чтобы сидеть тихо, развлекались, предлагая идиотские тесты или вслух подсказывая, как все это делается. Один мужчина позади меня упорно цеплялся за теорию о спрятавшемся мальчике и вытаскивал его вперед после каждого этапа показа. Должно быть, он был бесконечно мал; но это не имело значения. После каждого трюка было "снова тот мальчик". Одно из проявлений заключалось в том, что мисс Фэй положила на колени лист бумаги и ножницы и вырезала несколько "нежных младенцев", как выразился полковник.

Вслед за этим в комнату подскочил какой-то симпатичный человек и достал лист бумаги, который он пометил. Не могла бы мисс Фэй вырезать из него нежного маленького младенца? Мисс Фэй согласилась и, конечно же, сделала это, "милая особа" удалилась в частную жизнь на остаток вечера. Другой хотел, чтобы рот мисс Фэй был завязан носовым платком, и возражений не последовало, пока здравый смысл и человечность присутствующих не возразили против такой ненужной жестокости в жаркую ночь и в той кумской пещере. Возбужденный джентльмен, сидевший передо мной, чья миссия, как мне кажется, состояла просто в том, чтобы протестовать против духовного характера этих явлений (который никогда не утверждался), время от времени прерывал нас всех, заявляя о своем глубоком удовлетворении всем этим. Это был великолепный трюк. Мы пытались убедить его, что его личное удовлетворение для нас не имеет значения, но это было, как говорит Вордсворт, "Выбрасыванием слов на ветер". Это был прекрасный трюк, и он был доволен, вполне доволен.

Темный сеанс, который составлял вторую часть представления, был ужасной ошибкой. Это был не только неудовлетворительный результат, но и — и, без сомнения, именно в этом заключалась причина — оно было настолько неумелым, что не раз грозило перерасти в бунт. Двенадцать или четырнадцать человек должны были сформировать комитет, представляющий аудиторию, и сесть в круг с Неописуемым Явлением в центре, в то время как мы оставались внизу, в египетской темноте, и выслушивали их отчет. Конечно, мы все чувствовали, что если бы мы не были членами комитета, то с таким же успехом могли бы сидеть дома или в соседнем приходе, как и в Кумской пещере. Полковник Фэй кратко изложил метод избрания комитета как "первый пришел, первому обслужили", и следствием этого стал приток примерно пятидесяти возбужденных людей на трибуну с настоятельными просьбами со стороны собственников соблюдать "тишину". До конца вечера тишины больше не было. Из пятидесяти человек осталось примерно пятнадцать самых упрямых, которые не хотели двигаться с места ни за какие деньги; фактически, остальные снизошли только после того, как им пообещали, что темное заседание будет разделено на две части и назначен еще один комитет. Неописуемый Феномен занял свое

место на складном стуле в центре, где она должна была оставаться, хлопая в ладоши, чтобы показать, что не она производит эти проявления. Газ был погашен, и воцарилась темнота — темнота, но не тишина. Разочарованные и отвергнутые члены комитета — мужчины и женщины — сначала начали роптать на свободу, которую обеспечила тьма. Комитет был переполнен. Они были спиритуалистами. Это было решительно опровергнуто кем-то, кто сказал, что видел в кругу представителя прессы, и поэтому (такова была его логика) он не мог быть спиритуалистом. Все это время Неописуемый Феномен хлопал ей в ладоши, и теперь некоторые из наиболее неугомонных зрителей дружно захлопали в ладоши. Гитара и скрипка начали постукивать и звенеть, зазвенели колокольчики, а затем самые упрямые сумасшедшие среди нас снова начали отбивать аккомпанемент по нашим шляпам. Все это было достойно Бедлама или Хэнвелла, или, давайте добавим, Неописуемого Явления.

Состав комитета был изменен в очередной спешке, и те, кого окончательно лишили надежды заседать, воспользовались этим в наступившей темноте, посоветовав нам "остерегаться своих карманов". Когда полковник Фэй попросил тишины, его грубо попросили "не говорить в нос". Неудивительно, что сеанс был очень коротким, и собрание было закрыто.

Теперь перейдем к описанию неописуемого. Если это духовное проявление, то, конечно, делу конец; но если это просто фокус, я бы обратил внимание на следующие факты. Крепление шеи мисс Фэй к задней стенке шкафа поначалу совершенно беспричинно. Это не создает никаких дополнительных трудностей для каких-либо проявлений и, по-видимому, предназначено только для того, чтобы не дать наблюдателям заглянуть за нее. Очень простое упражнение в ловкости рук позволило бы доблестному полковнику перерезать единственную веревку, связывающую оба запястья, когда, например, он подходит к шкафу с ножницами, чтобы обрезать концы куска ситца в фокусе с открыванием. Когда руки свободны, все остальное легко. Во время представления руки *ни разу не видны*. Комиссия может прощупать их и узлы на запястьях, но они не могут определить, цела ли связка, соединяющая запястья.

Помните, последний трюк состоит в том, что лигатура перерезается, и мисс Фэй свободно выходит вперед. Если моя теория неверна — а без сомнения, она *is* катастрофически неверна, — согласится ли она *пропустить последний трюк* и выйти вперед со связанными запястьями, когда войдет в кабинет? Конечно, если бы я предложил это, она сделала бы это так же легко, как вырезала нежных младенцев для "милого джентльмена позади меня"; поэтому, выражаясь языком согражданина мисс Фэй, я "затаил дыхание и проглотил это". Я последовала примеру мистера Маскелайна, о котором он рассказывал мне с Дэвенпортами, сидела с открытыми глазами и закрытым ртом. Удивительно видеть, в какое возбуждение впадаем мы, флегматичные островитяне, когда либо на сцену выходят духи, либо мы думаем, что разгадали волшебный трюк. Я не собираюсь следовать примеру моих восторженных собратьев, но могу с уверенностью сказать, что если у кого-нибудь есть свободный день или вечер, он может поступить хуже, чем пойти в Хрустальный дворец или в залы на Ганновер-сквер, чтобы увидеть очень красивое и неописуемое явление и вернуться, как это сделал я, более мудрым, хотя, возможно, и более печальным человеком, с гордым сознанием того, что "узнал, как все это делается".

ГЛАВА XXXIII.

ЖЕНЩИНА-ГИПНОТИЗЕР.

Когда все существование человека сводится к охоте на странных людей и сующему свой нос в странные закоулки, в августе в Лондоне ему приходится несладко, потому что, как правило, все забавные люди уезжают из города, а странные закоулки превращаются в воющую дикость. Конечно, всегда есть своего рода пограничная зона, если он только может найти ее, какие—то странные люди, которые никогда не выезжают за пределы города, какие—то странные местности, которые все еще населены ими; только он должен найти их - людей и места, - потому что сейчас настолько повсеместно разрешено, что все благородные люди должны уезжать из Лондона в августе, а все респектабельные места должны быть прикрыты старыми газетами, что трудно добиться от них мягкого импичмента.

Однако есть одно странное место, которое никогда не закрывается, - Прогрессивная библиотека на Саутгемптон-роу; а мистер Бернс и спиритуалисты, как правило, не закрывают лавочку даже в августе. Их летняя страна находится в другом месте, чем Маргейт или Вересковые Пустоши; и вальс со столом для пируэтов или небольшая легкая левитация или вытягивание тела радуют их больше, чем все сельские увеселения. Признаюсь, я немного пресытился темой спиритизма после моих продолжительных переживаний во время Конференции, и я не думаю, что мне следовало бы повернуть свои шаги в сторону Прогрессивного института на той неделе, если бы следующее объявление не привлекло мое внимание, когда я просматривал призрачные страницы *"Медиума"* и *"Рассвета"*: —

-гипнотический сеанс.

"Мы уполномочены объявить, что мисс Чандос, чье объявление опубликовано в другой части этой газеты, проведет месмерический сеанс в Духовном институте по адресу Саутгемптон-Роу, 15, в среду вечером, 19 августа, в восемь часов. Вход будет бесплатным по билету, который можно приобрести в Учреждении. Цель, которую имеет в виду мисс Чандос, - заинтересовать нескольких искателей истины, которые могли бы помочь ей в распространении знаний о психологических феноменах. Поскольку многочисленное собрание нежелательно, следует заблаговременно подать заявку на билеты".

Я не знаю, сказал ли я "Эврика!" На самом деле у меня есть серьезные исторические сомнения относительно того, делал ли это кто-нибудь когда-либо, но я почувствовал это. Я сразу же стал искателем истины. Я решил сесть у ног мисс Чандос и, если ее месмерические усилия окажутся удовлетворительными, "помочь ей расширить знания о психологических феноменах". Я не прошел предписанный процесс получения билета заранее, потому что по своей наивности думал, что все уедут из города или что зал Прогрессивного института наверняка вместит тех, кто остался. Никогда еще не было более роковой ошибки. Все специалисты по психологии были в Лондоне, а возможности Прогрессивной библиотеки отнюдь не роскошны. У мисс Чандос было многочисленное собрание, хотела она того или нет. Гениальность не скроешь, и мисс Чандос усвоила этот урок очень удовлетворительным образом. Был душный вечер, когда маленький мальчик открыл заднюю дверь маленькой квартирке на первом этаже на Саутгемптон-роу и втиснул меня внутрь, как тринадцатого в омнибус, и я обнаружил, что наступаю людям на пятки

и самым безрассудным образом усаживаюсь им на шляпы. В конце концов, однако, я с трудом добрался до свободного угла и уселся, весь вспотевший и выжидающий.

Мистер Бернс "произносил речь" о возрождении, которое суждено произвести месмеризму, и рассказывал нам, как, подобно Станным людям Пламстеда, мы сможем обходиться без врачей, как только целительная сила животного магнетизма будет должным образом распознана и распространена. Боюсь, я слушал не очень внимательно, потому что нервно оглядывался по сторонам в поисках мисс Чандос. Нервничая, говорю я, потому что леди-медиумы и гипнотизеры так склонны бежать к восемнадцати камням или быть старыми и непривлекательными, что я ужасно опасался, как бы мне не испугаться, когда я встречу мисс Чандос во плоти. Однако я былочень приятно удивлен, потому что, когда мистер Бернс вернулся — не к своему стулу, а к столу, поскольку он сидел на этом предмете мебели, - его место заняла действительно очень хорошенькая молодая леди, не старше восемнадцати-двадцати лет, и в нескольких хорошо подобранных словах сказала, что это ее первое появление на публике в качестве гипнотизера, и потребовала снисхождения, если в результате произойдет какой-либо сбой в феномене. Она также обратила внимание на то, что квартира была "пагубно уютной" (она выразилась об этом, конечно, более научным языком), и сразу перешла к делу.

Когда мисс Чандос предложила пациентам довериться ее рукам, мне показалось, что зал поднялся в массовом порядке. Все хотели быть загипнотизированными. У меня не было никаких шансов на пенсии, но вскоре она заняла первое место среди подходящих людей, и я снова сел, разочарованный и сияющий.

Мисс Чандос звали высокая активная молодая леди, и у нее была таинственная копна длинных черных кудрей, которые развевались, как локоны сивиллы, когда она сделала выпад на невинно выглядевшего молодого человека— который сидел № 1 - и которого, как и других пациентов, я обозначу таким образом численно. Казалось, ему это безмерно понравилось, и он глупо улыбнулся, когда эти тонкие пальцы легли ему на голову, в то время как другая рука легла на лобную часть его лица, как будто мисс Чандос собиралась дернуть его за нос. Через мгновение он вышел и сел лицом к публике в своем магнетическом трансе, выглядя как фигура на выставке восковых фигур. Затем мисс Чандос перешла к джентльмену, № 2, который так и не сдался за весь вечер, хотя она несколько раз нападала на него. Следовательно, я немедленно отклоняю № 2 как неисправимый. № 3 была дамой, которая уступила только после продолжительной атаки и, похоже, не оценила эффект, произведенный блестящими глазами мисс Чандос, так сильно, как № 1. Он подавал признаки того, что "приходит в себя", но мисс Чандос продолжала оглядываться на него и на № 2, пока занималась № 3, и как только она это сделала, № 1 закрыл глаза и снова заснул сном невинности.

Доведя № 3 до коматозного состояния, мисс Чандос вернулась к № 1 и привлекательными пассажами поставила его на ноги и заставила следовать за ней взад и вперед по ограниченному пространству, имеющемуся в ее распоряжении. Тогда она выглядела как хорошенькая Вивьен, манипулирующая юным Мерлином; и я несколько не удивился эффекту, произведенному ее "сплетающимися шагами и размахивающими руками". Она спросила, как его зовут, и он сказал ей. Это был Ч.... "Нет, - сказала она, - это Джонс. Мэри Джонс. Как тебя зовут?" Но юноша еще не зашел так далеко, чтобы заново окрестить себя женским именем. Он стоял на своем "У", и мисс Чандос снова придала ему восковую форму и наконец поставила № 3 на ноги, но больше ничего

с ней не делала, только заставляла ее ходить взад-вперед. Вскоре Номер 3 проснулся, и его поставили проветриться у окна.

Теперь была выбрана четвертая в лице крупного дородного мужчины; и я не мог не думать, пока она манипулировала им, какой великолепной позой это было бы для Геракла и Омфалы. Казалось, ему это чрезвычайно понравилось, и, как мне показалось, он с комфортом засыпал, когда он что-то прошептал своей операторше (я понятия не имею, каково женское значение этого слова), которая устремила свои блестящие глаза на кого-то рядом со мной — я боялся, что на самом деле это было на мне — и сказала: "Кто-то в конце зала осуществляет контроль. Я буду рад, если они воздержатся". Я совершенно не умел осуществлять сознательный контроль и не совсем понимал, что означает эта фраза. Я, конечно, раз или два подумал, что, должно быть, гораздо приятнее подвергаться воздействию такой хорошенькой молодой леди, чем какого-нибудь вышеупомянутого гипнотизера с бычьей шеей или старой девы, но я с трудом мог поверить, что такое мягкое чувство могло повлиять на этого колоссального мужчину. Однако я вспомнил о деликатности этих психологических отношений и сел, убитый совестью и более теплый, чем когда-либо.

Мисс Чандос выбрала номер 5 в лице молодого человека с пробивающимися усами, который с самого начала успешно пробился в первый ряд. Сначала он обещал хорошо, но, как и другие молодые люди с пробивающимися усами, впоследствии разочаровал нас. Затем на сцену вышел № 6.

№ 6 была дама, которая пришла поздно и сразу же протолкалась вперед с видом человека, который делает это не в первый раз. Она ушла через мгновение — на самом деле, слишком внезапно, — а затем очень послушно сделала все, что ей сказали. Услышав, что она находится в прекрасном саду, она присела на цветочный ковер и принялась собирать материалы для букета. Признаюсь, мне было наплевать на номер 6, и я принялся читать белфастский адрес профессора Тиндалла, который лежал у меня в кармане, когда мисс Чандос снова посмотрела на номер 1.

Приведенный в надлежащее расположение духа либо постоянным вниманием мисс Чандос, либо заразной покорностью № 6, юноша теперь был воплощением покорности. Он несколько раз прошелся взад-вперед, как ручной зверек в Зоологическом саду, и теперь вполне согласился с тем, что его зовут Мэри Джонс. По команде он спел "Тома Боулинга", а № 6, чтобы не отставать, исполнила песенку под названием, кажется, "Любовь рабыни", припевом которой, по ее версии, было: "Я не могу любить, потому что яхэм рабыня". Она сломалась посреди этой амбициозной песенки, а затем изобразила еврейского старика-клоуна, женщину, продающую "украшения для ваших печей", и различных других персонажей, с каждым из которых она значительно переигрывала. Конечно, я могу ошибаться, но мне показалось, что прекрасная лекторша была так же недовольна номером 6, как и я. Аудитория была снисходительной и сочла его великолепным. Мистер Бернс сел на стол и зевнул. Я вернулся к Тиндаллу и задался вопросом, что бы он сказал обо всем этом; или, по крайней мере, я не задавался этим вопросом, поскольку знал, что он отправил бы нас всех в ближайший сумасшедший дом как исключение из правила, согласно которому у европейца объем мозгового развития на много кубических дюймов больше, чем у папуаса.

Когда время приближалось к десяти, мисс Чандос завершила мероприятие, оживив — подобно Пигмалиону — свои восковые статуи. Она еще раз извинилась в нескольких хорошо

подобранных предложениях за то, что ей было приятно назвать своим "провалом", но публика не захотела слышать об этом термине и аплодировала ещо, вот только в Прогрессивном институте не было места для ещо. Молодой человек № 1, который, как я выяснил, был духовным медиумом, был взволнован обращением своего индийского гида на тему "контроля".

Признаюсь, мне не удалось уловить в прогуливающихся юноше и девах № 1 и 3 или в ипостасях № 6 каких-либо признаков пробуждения, о котором упоминал мистер Бернс в самом начале; и не было ни малейшей связи с искусством исцеления. На самом деле, казалось, никто не страдал ни от чего, кроме жары.

Однако мисс Чандос сказала мне в разумной беседе, которой она удостоила меня наедине, что все, что она пыталась показать, было всего лишь низшим проявлением силы, преследующей гораздо более высокие цели. Она почти сомневалась, не было ли чем-то вроде святотатства использовать такую силу для розыгрышей и удовлетворения любопытства.

Она была совершенно серьезна и трудилась как физически в течение вечера, так и логически в своей последующей речи с энергией, которая, по мнению некоторых людей, была бы достойна лучшего дела.

Было почти одиннадцать, когда я покинул миниатюрный зал Прогрессивного института, и, проходя по улицам, переваривая то, что я видел и слышал в течение вечера, я строго наказал себя — как это всегда полезно делать, хотя бы для того, чтобы помешать кому-то другому сделать это за меня — и спросил, если бы лекторша была не лекторшей, а лектором — если бы она весила восемнадцать стоунов, или была старой и иссохшей, или уронила пятерки, - должен ли я был оставаться три смертных часа в той душной комнате, и я откровенно признаюсь, что если бы лекторша была не лектором, а лекторшей? Я пришел к выводу, что *не*.

ГЛАВА XXXIV.

ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ.

На днях, читая свое *"Фигаро"* — надеюсь, нет необходимости повторять, что это мое обычное дело, — я наткнулся на следующий отрывок в рецензии на книгу под названием "Психопатия, или истинное искусство исцеления". Джозеф Эшман. Лондон: Бернс, Саутгемптон-Роу. Мы не имеем удовольствия быть лично знакомыми с Джозефом Эшманом и опасаемся, что это наша потеря. Судя по его книге, он, должно быть, действительно рара авис.... "Единственная великая вещь, - говорилось далее, - о которой Джозеф Эшман хочет, чтобы мир узнал, - это то, что он лечит болезни очень простыми средствами. И все, что мир хочет знать от Джозефа Эшмана, — реальны ли эти исцеления, являются ли его заявления фактами? Почему же тогда Джозеф не довольствуется своими фактами? У него их предостаточно. Вот один из них: "Увидев однажды извозчика с распухшим лицом, стоявшего у полицейского суда, готового привлечь к ответственности человека, напавшего на него, я спросил, простит ли он своего противника при условии, что я вылечу его. Он ответил, что так и сделает, и мы, соответственно, вместе сели в его такси. Достав намагниченную карту, я попросил его взглянуть на нее, и в то же время сделал несколько движений рукой над припухлостью. Затем я оставил его, чувствуя себя намного

лучше, и вернулся через час, когда застал его за бокалом пива со своим противником, которого он простил".

Теперь, поскольку единственным стремлением и целью моего нынешнего существования является открытие редких мест, мне нет нужды говорить, что я сразу же ухватился за предоставленную здесь подсказку и отправился на поиски Джозефа Эшмана. Я нашел не только его, но и его учреждение, потому что мистер Эшман не работает в одиночку. Он находится на Мэрилебон-роуд, почти напротив "Йоркшир Стинго"; и внешне выглядит самым скромным и непритязательным, поскольку расположен в одном из тех полудеревенских домов, которые так характерны для пригородов Лондона, в глубине заросшего сада, в который вы попадаете через покрытые пузырями железные ворота, выкрашенные в ярко-зеленый цвет и тяжело раскачивающиеся на петлях. По аллее из увядших георгинов можно было проехать к portalу, рядом с которым виднелись три ручки для звонков, одна над другой, свидетельствующие о том, что Психопатический приют занимал не все даже это скромное жилище. Я всегда подхожу к этим многочисленным звонкам с большой робостью, сознавая, что неизбежно должен позвонить не в тот звонок; поэтому в этом случае я вообще не звонил, а в качестве компромисса постучал слабым двойным стуком в дверной молоток — действительно, очень слабым, чтобы не потревожить "психопатизированных" пациентов. Пока я ждал, у меня было время понаблюдать, что среди георгинов, словно прикрытая тачкой престарелого торговца, спрятана двухместная детская коляска, что заставило меня прикинуть вероятность того, что мистер Эшман семейный человек.

Прежде чем я успел уладить этот вопрос к своему собственному душевному удовлетворению, дверь открыл невысокий, жизнерадостного вида мужчина с длинными прямыми льняными волосами, ниспадающими на плечи черного сюртука, бородой на несколько тонов светлее и веселыми мерцающими глазами, которые выглядели скорее сочувствующими, чем психопатическими, и, я думаю, были рассчитаны на то, чтобы приносить пользу пациентам, как только попадали на них. У него был такой вид, словно он хотел спросить, не психопатически ли я не в порядке, когда я сообщил ему, что пришел не как пациент, а просто проинспектировать его учреждение, если он мне позволит. Разрешение было немедленно получено. "Мы усердно работаем, - сказал он, провожая меня в гостиную, - но зайди и посмотри, чем мы занимаемся".

Мужчина, выглядевший как респектабельный ремесленник, сидел за столом; а второй, без пиджака, сидел верхом на стуле, что выглядело довольно идиотски - прокатиться на петушиной лошади до Банбери-Кросс, а мистер Эшман щипал его и подталкивал, как мясники жирных животных на выставке в Смитфилде.

- Вон тот джентльмен, - сказал мистер Эшман на широком провинциальном диалекте, - не мог сесть верхом на этот стул, когда приходил сюда полчаса назад. Как вы теперь себя чувствуете, сэр?

"У меня такое чувство, что я хотел бы побороться с кем-нибудь на двадцати удочках за пять фунтов с человека", - ответил пациент, вставая и расхаживая по комнате, как будто это было новое ощущение. Оказалось, что к мистеру Эшмену его привел его друг, который сидел за столом и был старым пациентом-психопатом. Он заверил меня, что двадцать лет страдал ревматизмом и был полным инвалидом без своей палки, пока полчаса назад не вошел в ту комнату. Все время, пока он рассказывал мне, он безостановочно расхаживал взад-вперед, как хищник в зоопарке.

"Не могли бы вы приложить ухо к спине этого человека, сэр?" - обратился ко мне мистер Эшмен. Я так и сделал; и когда он наклонился, его позвоночник, казалось, пошел множеством мелких трещин, похожих на железнодорожные противотуманные сигналы. "Вон ту старую ржавую петлю, которую мы собираемся смазать". И он снова стал его психопатизировать. Закончив, мистер Эшман со знанием дела объяснил мне с обильными иллюстрациями из анатомических таблиц свою теорию этого заболевания, которое было его любимым методом лечения, потому что оно быстро проходило. Паралич и другие заболевания этого класса протекают гораздо медленнее. Он преуспел в лечении острого ревматизма, а также в математическом анализе. "Мне нравятся толстяки — борцы за исцеление", - сказал он. "Я оставляю деликатных людей другим". Крепкий маленький психопат выглядел достаточно здоровым, чтобы вылечить больного носорога.

Пока он читал мне лекцию, его руки не бездействовали. Я думаю, что они редко бездействовали. Он выливал масло для салата из фляжки на фланель, чтобы передать другому мужчине, который сидел за столом и после одного или двух визитов приблизился к выздоровлению от хронического заболевания и который использовал эту промасленную фланель, чтобы поддержать воздействие. Оба мужчины казались совершенно искренними; и джентльмен-ревматик, когда он уходил, объявил эффект своего психопатического воздействия чудесным. Гонорар составил пять шиллингов. "Я ничего не возьму с вас за фланель", - сказал он № 2. Джозеф Эшман начал мне нравиться, и я мысленно поблагодарил *"Фигаро"* за то, что они направили меня в это заведение.

Работающая женщина, которая была следующей в небольшом ряду пациентов, собравшихся в задней комнате, вошла с запястьями, перевязанными кусочками фланели, и ее руки выглядели опухшими и покрытыми глазурью. Она рассказала мне, что тоже перестала пользоваться ими на шесть лет, и врачи объявили ее неизлечимой. Это был ее четвертый визит к мистеру Эшману. "Возьмите стул, мэм", - сказал он своей пациентке, и она действительно пронесла его через комнату довольно шатким образом. "Теперь другую руку", и она проделала это другой рукой. "Теперь покажи джентльмену, как ты это делала, когда пришла ко мне. Она довольно плохо слышит", - объяснил он мне; но после одного или двух повторений бедное старое тело все поняло и несло его на согнутом локте. "Теперь я позову своего помощника", - сказал он и подозвал румяного рыжебородого мужчину, который выглядел так, словно только что вернулся с оживленной загородной прогулки. "Когда в таких случаях требуется много растираний, я позволяю своим помощникам выполнить предварительную работу, а затем сам выступаю в качестве Целителя". Он сообщил мне, что каучуки, как и Медиум, должны быть квалифицированы не только физически, но и морально. Великодушие было главным требованием; и, конечно, оба этих человека, казалось, справлялись с этим, если внешность что-то значила. Когда настала очередь Джозефа Эшмана, который разминал затекшие запястья бедной старой пациентки и теребил ее пальцы до хруста, как дети, играющие в "влюбленных", она ни разу не поморщилась, но, казалось, ей это даже понравилось, и она ушла, вполне довольная своей четвертой порцией хорошего самочувствия.

Следующий роббер, которого мне представили, был не таким румяным мужчиной, на самом деле имея несколько мрачный вид; но я вполне мог понять, что он был, как он сам себя описывал, до краев наэлектризован. Его шевелюра была похожа на шевелюру маленького человечка, которого мы прикрепляем к проводнику электрической машины и заставляем каждый отдельный волосок встать дыбом, как иглы у капризного дикобраза.

Я ни за что на свете не смог бы увидеть разницы между этим лечением и простым месмеризмом, за исключением того, что оно оказывало гораздо более быстрый эффект, чем любое магнетическое лечение, которое я когда-либо видел. На самом деле, я откровенно признаюсь, что и сейчас этого не понимаю, хотя мистер Эшман заставил меня взять одну из своих небольших книг по психопатическому исцелению и сказал, что я пойму разницу, когда прочитаю ее. Должно быть, я очень туп, потому что я старательно прочитал это до конца и все еще не могу проследить разницу.

Этот человек произвел на меня большое впечатление. Я чувствовал, что он был просто одним из тех, кто приносил жизнь в палату больного и передавал жизненную силу — предполагая, что она может передаваться — из толстых пальцев своей пухлой мягкой руки. Детская коляска не обманула его ожиданий. Вокруг бегало множество хорошеньких черноглазых ребятишек, и где-то среди бедных пациентов в задней палате находилась миссис Эшман. Все дети пришли ко мне, кроме старшего мальчика, который, как таинственным тоном сообщил мне его отец, претерпел некоторое унижение от рук моего священника и с тех пор боялся священника. Я полагаю, что мой неблагоприятный брат поставил перед ним долгую задачу (возможно, это был его Долг перед ближним), и бедняга всегда боялся, что на него обрушатся с просьбой "сказать это". Книга мистера Эшмана немного сбивает с толку стороннего наблюдателя, который не в состоянии различить две жизненные силы. Он говорит: "Гораздо реже можно встретить высокое развитие темперамента, в котором преобладает психический элемент, чем в котором он хорошо сочетается с витально-магнетическим, или чем в котором преобладает последний. Почти во всех популярных общественных деятелях сочетается то и другое. Мы видим это на примере Джона Брайта, Сперджена и других. В этом секрет их притягательной силы - магнетизма. В этом также секрет успеха многих врачей: его гениальный магнетизм исцеляет, когда его лекарство бесполезно, хотя, конечно, он этого не знает. Как различны эти две силы, так различен и метод их применения с целью лечения". Однако, уходя, я пообещал — и я намерен сдержать свою клятву, — что если когда-нибудь мне не повезет обнаружить, что мой позвоночник скрипит, как "старая петля", я приду к мистеру Эшману и попрошу его смазать. Замечание в его книге относительно того, что успех медицины зависит от качеств того, кто ее применяет, было, как мы помним, подтверждено на собрании Британской ассоциации в Белфасте в 1874 году.

У Джозефа Ашмана была неоднозначная история. Он жил в палатках мормонитов; был одним из Необычных Людей. В молодости он служил в деревне, где хозяин порол его до тех пор, пока, по его собственному выражению, чуть не разрубил надвое. Его первыми пациентами были коровы. "В качестве целителя, - сказал он, - дайте мне человека, который может вымыть окно или отскрести пол. Сам Христос, когда Он выбирал тех, кто должен был стать не только проповедниками, но и целителями, выбрал рыбаков, прекрасных мужчин с широкой грудью, будьте уверены, сэр", - и он постучал по своим собственным звучным легким, пока они не зазвучали эхом. Он, несомненно, был наделен избытком крепкого здоровья и выглядел достаточно доброжелательным, чтобы раздавать все свои излишки любому, кто этого хотел.

ГЛАВА XXXV.

ФРЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР.

Случай, о котором я собираюсь рассказать, произошел, когда скандал Бичер-Тилтон был в самом разгаре; и меня привлекло несколько двусмысленное название "Ожоги на Бичере".

Мистер Джеймс Бернс, энергичный владелец Прогрессивной библиотеки на Саутгемптон-роу, посвятив себя изучению френологии, с некоторого времени проводит по вторникам вечером серию краниологических сеансов, на которых он "отрубает" голову какому-нибудь хорошо известному человеку или вашей собственной, если хотите, независимо от того, хорошо ли вы известны или рождены краснеть незаметно, не путем физического обезглавливания, а методом френологической диагностики. Я очень сожалел, что в прошлый раз пропустил анализ развития мозга доктора Кинили. Я полагаю, что сам Заявитель когда-то был объектом замечаний мистера Бернса; но когда череп мистера Бичера был отправлен на вскрытие в разгар сенсации Бичер-Тилтона, я больше не мог сопротивляться и, несмотря на все препятствия, отправился в Институт прогресса.

Около десятка человек собрались в передней на первом этаже, где я видел так много странных вещей. Некоторые из этих слушателей посещали регулярные занятия по френологии, которые мистер Бернс проводил там еженедельно. Остальные, вообще говоря, были обычной лекционной аудиторией. Одна полная дама заняла мягкое кресло в углу и проспала от начала до конца.

Первая часть лекции была немного дискурсивной, как мне кажется, специально для меня, и содержала краткое изложение системы мистера Бернса, которая в значительной степени оригинальна. Начав с отрицания всех догм, он начал с продвижения того, что было для меня совершенно новым учением, что мозг не является единственным органом разума, но что при диагностике характера необходимо принимать во внимание весь организм человека, поскольку все тело пронизано разумом. Кости, жидкости и внутренности были связаны с психическими явлениями. Лектор даже усомнился, правильно ли наука, которую он пропагандировал, называлась френологией. Это, конечно, не соответствовало общепринятому представлению об этом ремесле. Ссылаясь на ситцевую диаграмму, которая была приколот к занавескам на первом этаже и на которую он указывал тростью, мистер Бернс указал на четыре подразделения организма животных— 1, жизненно важные органы; 2, механические; 3, нервные (которые у низших категорий были только ганглиозными); 4, мозговой аппарат. Он защищал животные силы от приниженного представления, обычно связываемого с ними, и указывал на их тесную связь с духом, к которому они были ближе, чем к какой-либо другой части экономики.

Затем он применил свои предварительные замечания к проповедникам в целом. Теодор Паркер, например, был человеком стройного тела и большого мозга. Он был окружен интеллектуальными людьми, и его ученики были вполне в своем роде. С другой стороны, Сперджен был человеком с сильными животными способностями и проницательностью, и поэтому мог привести владельцев магазинов Уолворта в экстаз. Его нервные узлы были большими, как и у всех великих проповедников. Эмоции, по его словам, больше связаны с кишечником, чем с мозгом. Ганглионарная система отвечала за работу мозга; но, конечно, существовали комбинации всех степеней.

В случае с Генри Уордом Бичером, две фотографии которого он держал в руках, он подчеркивал тот недостаток, что ему приходится иметь дело только с тенью, а не с сутью своей головы. Здесь, по его словам, у нас были все элементы в большом масштабе. Мозг, грудная система, костная структура и развитие брюшной полости - всего этого было в избытке. Лицо было, так сказать, олицетворением всего. Генри Уорд Бичер был подчеркнуто крупным мужчиной. Анализ крови положительный, кровообращение хорошее. Пищеварение было идеальным, и мужчина наслаждался хорошей едой. Особенно длина от уха до передней части бровей указывала на интеллектуальную хватку. Силы воли было немного. Что бы он ни сделал (а мистер Бернс категорически отказался выносить какое-либо суждение по поводу "скандала"), он действовал не намеренно, а скорее "втянулся в это". Он не был планировщиком. Он собирал людей вокруг себя "солнечной" силой своего разума. Если бы он был дизайнером — если бы он был в значительной степени развит за уши — он подошел бы к работе по-другому. Интеллектуальная, отзывчивая и эмоциональная сторона его натуры была хорошо развита, и это сочетание сделало его популярным проповедником. Для объяснения этого требовалось нечто большее, чем просто животный магнетизм; требовалась интеллектуальная мощь, но не так много твердости или добросовестности. Если бы он присутствовал, то, вероятно, признал бы, что что-то побудило его сделать то, что он сделал вопреки себе. Что было очень необычным в этом человеке, так это его молодость. Он был перед миром в течение сорока лет. Мистер Фаулер, френолог с Ладгейт-Серкус, был сокурсником Бичера и измерил его голову, которая, как он установил, выросла на дюйм за десять лет. Бичер, по сути, был растущим мужчиной — рос как мальчик. Ганглионарная сила - это то, что заставляло людей постоянно расти, и это было великим средством их влияния на других людей.

Затем мистер Бернс представил на обозрение три портрета Бичера, Тилтона и миссис Тилтон соответственно в "*Мире живописи*". Миссис Тилтон он описал как негативную личность, склонную к истерикам и "цеплянию". В ней был высокий тип мозга, моральный, интеллектуальный и духовный. И все же мозг, сказал он, не делает нас хорошими или плохими. Снова отказавшись от каких-либо суждений относительно скандала, он остановился на тесных социальных отношениях между Бичером и миссис Тилтон и напомнил о сильном жизненном влиянии первой, сравнив его с влиянием Бригама Янга на его "духовное родство". По всей вероятности, принимая во внимание разный характер Бичера и миссис Тилтон, что бы ни произошло, "люди ничего не могли с собой поделать".

Что же касается Теодора Тилтона, то мистер Бернс прочитал "*Золотой век*" и назвал его умным изданием. Однако Тилтону не хватало ганглионарной силы; он был весь в мозгах. Он был человеком, которого можно было читать, но он не умел читать лекции или проповедовать. Его ум был выше, чем у Бичера, но не из тех, которые вызывали бы большое человеческое сочувствие.

Предположим, миссис Тилтон не была женой ни того, ни другого, ее отношения с каждым из них могли бы быть добросовестными, но все равно нарушать законы моногамной жизни. Влияние Бичера на нее было бы не только интеллектуальным, но и ганглионарным; влияние Тилтона - чисто интеллектуальным: когда оно наступит, порыв ганглионарной силы обрушится на последнего и унесет все перед собой.

Завершив таким образом свой анализ мистера Бичера, мистер Бернс обнаружил, что среди его слушателей есть два священнослужителя, и спросил нас — поскольку я был одним из них, — не будем ли мы допрошены. Я с готовностью согласился и передал свои записи мисс Чандос

(юной леди- гипнотизерке, о сеансе которой я сообщал несколькими страницами ранее), чтобы сообщить о прогрессе. Таким образом, она несет ответственность за следующий диагноз.

Осмотрев меня с головы до ног, как любитель осматривает призового быка в Смитфилде, мистер Бернс нашел, что жизненная сила у меня хорошая, мышцы хорошо накормлены, а рабочие способности находятся в состоянии высокой активности. Голова — я покраснел, услышав это, — была на дюйм больше, чем в среднем у мужчины моего роста, а мозговые способности были гармонично организованы. У меня были большие способности к восприятию; и моя человеческая природа (где бы она ни проявлялась) была полной, равно как и твердость. Сфера мышления была хорошей. Мистер Бернс сообщил мне, что из меня должен был получиться хороший скульптор или художник.

Опустив одно или два комплиментарных замечания, которые мисс Чандос передала честно, если не лестно, и высказывание которых совершенно сбило меня с толку, поскольку я находился в центре внимания этой удивленной группы, я был рад узнать, что я открытый человек, хотя и обладающий достаточной осторожностью и не лишенный морального мужества. На самом деле "отвага" была большой. Я действительно хотел, чтобы мистер Бернс сменил меня, найдя несколько серьезных шишек; но нет — худшее, что он мог сказать обо мне, это то, что я был беспокойным. Однако, что, казалось, больше всего поразило его, так это моя жизненная сила, и он действительно поверг меня в замешательство, когда начал подсчитывать мои способности Бичера по отношению к возможной миссис Тилтон. Однако он смягчил это замечание, заметив, что мои домашние способности были хорошо развиты. Моя вера и надежда были невелики. Я был "сомневающимся" человеком. Положительное и отрицательное хорошо сочетались во мне, и я также был "медиумом".

Диагноз двух дам завершил вечерние упражнения, но ни один из этих персонажей не проявил каких-либо особо примечательных черт; мистер Бернс заявил, что испытывал некоторые трудности при обнаружении бугорков под "волосами на затылке".

ГЛАВА XXXVI.

ДУХОВНЫЙ ПИКНИК.

В книге, носящей название "*Мистический Лондон*", может показаться, что спиритуализм, как по преимуществу современная мистерия, должен стоять на первом месте. Однако я подумал, что лучше несколько отложить рассмотрение этого вопроса, доведя его до кульминации, а затем снова осторожно перейти к мирским вопросам, прежде чем я закончу свою нынешнюю работу.

О Лондоне в этот час, так же как и о Риме в эпоху поздней Республики и Империи, можно с уверенностью утверждать, что в его среде присутствует элемент таинственного и оккультного, о котором практичные люди и не мечтали. Многие аспекты этого элемента уже рассматривались в моих различных работах; и я добавляю некоторые из наиболее исключительных, поскольку они должным образом относятся к моей нынешней теме.

Теперь я откровенно признаюсь, что до недавнего времени я не считал спиритуалистов — именно спиритуалистов — людьми жизнерадостными или компанейскими. Хотя на скрижалях моей памяти сохранились воспоминания о некоторых приятных обедах, уютных чаепитиях и очаровательных супах *petits*, которые подавались в ресторане *mahogany* у верующих в современную мистику, все же это были совершенно исключительные события, оазисы в пустыне спиритических переживаний. Вообще говоря, стол, вместо того чтобы стонать под скопившимися на нем щедротами, подпрыгивал, словно от их отсутствия; и единственными дополнениями негостеприимного красного дерева были бумажные трубочки для голосов духов, колокольчики для рук духов, а иногда аккордеоны и музыкальные шкатулки для услаждения гармоничных призраков. Это был "поток души", хотя и не всегда "праздник разума", но с точки зрения земных удобств или любых обычных радостей земного существования — настоящая сибирская пустыня. Серьезной темой обсуждения (я, уверяю вас, не позволяю себе замогильный каламбур) на недавней конференции в Ливерпуле было то, как кормить медиумов, и, полагаю, преобладающим мнением было то, что голодание было кардинальной добродетелью в их случае — режим, который в моем сознании, возможно, несправедливо, ассоциировался со спиритическими сеансами в целом. Поэтому я был рад, когда прочитал в колонках *Medium* объявление о духовном пикнике, или "демонстрации", в Народном саду Уиллсдена. И все же я хотел увидеть, как спиритуалисты наслаждаются жизнью в "нормальном состоянии". Я сочувствовал общепризнанной цели собрания — чтобы последователи нового вероучения знали друг друга, как, несомненно, должны знать ученики обычной школы. Поэтому, вооружившись билетом, я проследовал по Северо-Лондонской железной дороге к месту действия. Это был не тот погожий августовский день, который мы, материалисты, называли бы погожим августовским днем. Было холодно и уныло, и лил сильный дождь; но это гораздо больше соответствовало характеру собрания, чем то, что отец Ньюман называет "ярким днем", которого так ждешь в середине августа. По словам *the circle*, "условия были превосходными"; и по мере того, как я путешествовал дальше, читая свое *Средство*, как истинно верующий, я удивлялся, видя, судя по рекламе, насколько новое кредо захватило определенную часть, во всяком случае, общества. Помимо дюжины публичных медиумов, выставивших напоказ свою разнообразную привлекательность на условиях от *2 лет 6г.* до *21 года*, были спиритуалистические молодые люди, которые выдвигали свое кредо как квалификацию для работы клерком — возможно, у них не было других притязаний — духовные содержатели гостиниц и даже духовные гробовщики, все проникнутые тем, что мы можем буквально назвать корпоративным духом.

В должное время мы добрались до Народного сада, популярное название которому, по-видимому, было дано из принципа *lucus a non*, поскольку лондонцы пока не оказали на него большого влияния. Почему это должно быть так, никто не может догадаться, потому что это самый настоящий идеал Рая для кокни, и он превосходно обработан группой акционеров, большинство из которых принадлежат к классу ремесленников, хотя и находятся под очень выдающимся покровительством. Когда я добрался до территории, спиритуалисты развлекались каруселью под освежающим морозящим дождем. Последовал временный порыв укрыться, а затем погода стала более благоприятной, хотя небо сохранило свой нейтральный оттенок. Миссис Буллок, медиум из пригорода, впавшая в транс, расположилась в беседке и подзывала людей из зала, чтобы они получили ее "благословение", которое было произнесено на замечательном диалекте. Я думал, что это йоркшир, но джентльмен-спиритуалист объяснил мне, что это "частично североамериканские индейцы". Затем Осборнские звонари дали

кампанологический концерт, который был чрезвычайно хорош в своем роде, невысокий джентльмен, игравший на басовом колоколе, работал так активно, что наводил на мысль, что он не смог бы долго выдерживать такой тяжелый труд в своем телесном состоянии. Говорят, что эти кампанологи - большие медиумы, и иногда во время своих выступлений они парили в воздухе или иным образом воодушевлялись; но в Народном саду не произошло ничего необычного. Затем были танцы на чудовищной платформе, которую, я думаю, правильно описать как "самую большую в мире". Это действительно была новая фаза спиритуализма: терпсихорейские спиритуалисты обычно позволяли своим столам танцевать за них, подобно тому как восточные властители нанимают своих танцовщиц. Ослиные бега, крокет и другие бездуховные развлечения вносили разнообразие в порядок происходящего; а что касается чая за один шиллинг и девять пенсов, я могу только сказать, что, по-моему, Садовый комитет не извлек из этого большой выгоды, поскольку спиритуалисты угощались самым материальным образом. Во второй половине дня прибытие было быстрым и частым. Казалось, здесь присутствовала вся лондонская публика средней руки; и единственным чудом было то, что нас всех не унесло прочь. Там была миссис Гаппи, которая в ответ на мой вопрос, не "сплавили" ли ее из Хайбери, сообщила мне, что она приехала гораздо менее романтично — "в девять на такси!" Был там и доктор Монк, священник-нонконформист, который в последнее время совершал воздушные путешествия ордена Гуппи по Бристолу. На самом деле, элита секты была хорошо представлена; и в течение всего дня, несмотря на неприглядный вид, веселье было бурным и неистовым, и все веселились, как пресловутый свадебный колокол.

Частью программы было выступление джентльмена с восхитительно замогильным именем доктор Секстон, чья жизненная миссия состоит в том, чтобы "разоблачать" уловки доктора Линна и господ. Маскелейн и Кук. Каким образом эти джентльмены должны быть "разоблачены", видя, что они только утверждают, что обманывают вас фокусами, я не могу понять; но они очень разозлили спиритуалистов, упомянув их имена всуе в афишах Египетского зала и более чем намекнув, что между их выступлениями было фамильное сходство; и, следовательно, фокусники должны были быть "разоблачены", то есть посещение Храма Магии публикой должно было быть испорчено тем, что ей заранее показали, как выполняются фокусы. С помощью опытного ассистента по имени Орган доктор Секстон вскоре посвятил нас в тайны производства шкафов, что казалось таким же простым, как заставить яйцо встать дыбом, — если знать, как это сделать. Совершенно верно, что, выслушав изложение доктора Секстона — а не разоблачения, — любому человеку довольно легко расстроить планы этих ловких фокусников, если он захочет это сделать. Я не уверен, что это разоблачение разумно. Нелогичные люди не увидят силы аргументации доктора Секстона и, возможно, подумают, что это "доказывает слишком многое". Если так много можно сделать с помощью ловкости рук и хитроумных механизмов, они, возможно, возразят, что Дэвенпорты и другие медиумы всего лишь более ловкие фокусники или у них оборудование получше. Увы! вся моя сказочная страна теперь картонная. Я знаю, как человек выбирается из коробки со шнурами — я мог бы сделать это сам. Я знаю, куда уходит горилла, когда кажется, что она потерялась в волшебном шкафу. Все это хитроумная комбинация зеркал. Кроваво-красные буквы какого-нибудь дорогого усопшего друга сделаны только красными чернилами и гусиным пером, а имя "дорогого усопшего" подделано. Ну, я полагаю, чтоя тоже нелогичен. Если один набор вещей так прост, когда его вам показывают, почему не все могут быть такими же? Боюсь, поездка в Уиллсден поколебала мои убеждения и веру в большинство подлунных вещей.

Это собрание ясно доказало рост спиритуализма в Лондоне. То, что такие цифры могли быть собраны в мертвый сезон, свидетельствует о действительно очень обширном разветвлении.

ГЛАВА XXXVII.

ПРИЗРАЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

В истории любого конкретного набора мнений наступает особая и четко обозначенная эпоха, когда их приверженцы начинают организовываться и совещаться, а отдельные принципы становятся доктринами партии. Такой кульминации достигли верующие в Современный спиритуализм. Долгое время после ставшего историческим Стука в Рочестере проявления были в основном индивидуальными и в значительной степени ограничивались такими упражнениями, как удлинение тела мистера Хоума, бегство миссис Гаппи из Хайбери на Лэмбс Кондуит-стрит или, совсем недавно, голосами и манипуляциями Джона и Кэти Кинг, речами миссис Хардиндж, мистера Морса и миссис Таппан. Но все это было спазматичным и вряд ли могло захватить мир штурмом, в то время как спиритуалисты приняли освященный веками принцип — "Великая истина превалирует". Поэтому они должны организоваться. Они сделали это не без протеста со стороны некоторых наиболее известных их приверженцев; но большинство одержало верх, и результатом стала Британская национальная ассоциация спиритуалистов, которая недавно заседала в торжественном конклаве на своей первой ежегодной конференции в Lawson's Rooms на Гауэр-стрит.

Теперь я признаю себя виновным в том, что проявляю большой интерес к этому предмету спиритизма в целом и к мероприятиям Конференции в частности. Я не могу отделаться от мысли, что священнослужители и ученые должны изучить любой набор мнений, чьи профессора достигли масштабов этого органа. Их доктрины распространились и продолжают распространяться. Спиритуалисты уже насчитывают среди себя таких людей, как мистер Альфред Уоллес, мистер Варли, мистер Крукс, мистер С. К. Холл и др., и распространяют свою деятельность на все классы общества, особенно на высшие. Я мог бы даже назвать священнослужителей всех конфессий, придерживающихся спиритуалистических взглядов, но воздержусь, чтобы это не показалось оскорбительным, хотя я не могу понять, почему духовенству должно быть неуместно исследовать доктрины, которые якобы усиливают, а не вытесняют доктрины откровения, так же как я не могу понять, почему ученые стоят в стороне от того, что называет себя чисто позитивной философией, основанной на индуктивном методе. Однако это так; спиритуализм неортодоксален одновременно в своих религиозных и философских аспектах. Полагаю, именно поэтому он имел для меня такую особую привлекательность. Несомненно, это так, я следил за призрачной конференцией как преданный.

Мы начали в понедельник вечером с музыкального вечера в Beethoven Rooms на Харли-стрит; и, конечно, в день нашего открытия не было ничего призрачного или замогильного; только тогда не было и ничего очень спиритуалистического. Долгое время я думала, что все будет сводиться к чаю, кексам и игре на фортепиано. Однако постепенно мистер Алджернон Джой зачитал отчет организации, который был гораздо интереснее, чем обычно бывают отчеты, а мистер

Бенджамин Коулман, почтенный джентльмен, отец лондонских спиритуалистов, выступил с президентской речью. По—прежнему не было никаких призраков - даже репа духов, который усилил бы аплодисменты, следовавшие за выступающими. Однажды мои надежды возродились, когда были представлены два новых физических медиума с рекомендательными письмами из Чикаго, и я ожидал увидеть, как молодые джентльмены вытягиваются или парят по комнате; но ничего подобного не произошло; и молодая леди разрушила мои надежды, спев "Соловьиную трель". Мистер Морс произнес речь в состоянии транса — как мне сообщили впоследствии; но он выглядел и говорил так, как обычный смертный, что я не должен был узнать, что он был в ненормальном состоянии.

Боюсь, я вернулся домой с Харли-стрит не в таком гармоничном расположении духа, как можно было бы пожелать.

На следующее утро (в среду) доктор Галли председательствовал на открытии собственно Конференции на Гауэр-стрит, где помещения больше походили на склепы и пахли землей. Президент достаточно умело изложил возражения, которые были выдвинуты против Ассоциации, а также цели, которые она выдвинула перед собой. Он сказал: "Если Ассоциация будет держаться подальше от догматического вторжения, тогда не будет страха, что она станет сектантской. Однако среди спиритуалистов уже есть признаки догматизма - и догматизаторы уже называют себя другим именем. Но Ассоциация не имеет к этому никакого отношения. Она знает, что ее функцией является исследование фактов, и только фактов; и, как было сказано, еще ни одна секта не основывалась на несомненных фактах. Итак, каковы факты спиритуализма на сегодняшний день? Они сводятся к двум: —1. Продолжение жизни и индивидуальности духовного тела человека после того, как оно покинуло свое тело из плоти; и, 2. Его общение с духами, все еще пребывающими во плоти, при определенных условиях, посредством физического проявления и ментального впечатления. Духовная идентичность пока не может рассматриваться как установленный факт — во всяком случае, не настолько, чтобы давать нам право опираться на него".

Я был приятно удивлен умеренным тоном этого обращения; и после краткой теологической дискуссии мистер У. Х. Харрисон, редактор *Spiritualist*, выступил со статьей об Организации. Я не знаю, чего только не придумал мистер Харрисон для организации. Библиотеки, читальные залы, колледжи - все должно было быть одухотворено. Позже в тот же день был доклад о физических проявлениях. Я бы предпочел "манифестации" без бумаги, потому что, боюсь, я плохо верю в то, что пишут из вторых рук. Читатель рассказал несколько "ошеломляющих" историй. Вот один из них в качестве образца — духовный во многих смыслах, чем один:—

"Однажды вечером я сопровождал Дэвенпортов в резиденцию мистера Гаппи на Грейт-Мальборо-стрит. После ужина Айра, старший из братьев, мистер Гаппи и я удалились в темную комнату, которую мистер Гаппи приготовил для экспериментальных целей. Чтобы попасть в эту комнату, нам пришлось пройти через помещение, которое служило одновременно мастерской скульптора и бильярдной. Выйдя из этой комнаты, мы попали во двор, в одном углу которого был сооружен упомянутый темный шкаф. Заняв свои места, мы погасили свет. Мистер Гаппи в это время курил сигару. Ее тут же взяли у него из рук и понесли по воздуху, где ее можно было разглядеть по свету, исходящему от горения. На столешнице стояло немного виски с водой. Нам подали выпить. Когда подошла моя очередь, я обнаружил, что в стакане почти ничего не

осталось. Я указал на это. Стакан тут же был отнят у меня ото рта, снова наполнен и возвращен обратно".

В четверг мистер Эверитт прочитал статью о прямом письме духов, в которой рассказал нам, что однажды девятьсот тридцать шесть слов были написаны за шесть секунд. Мистер Эверитт, должно быть, смелый человек - я имею в виду не то, что он просит нас поверить в это, а то, что он сказал о медиуме, который был его женой: "Есть много причин, по которым медиум не мог создать эти записи. Например, у нас есть шестнадцать статей на одну и ту же тему, и в этих статьях упоминается великое множество древних авторов. Миссис Эверитт никогда не читала и не видела ни одной книги ни одного из этих авторов, и, за несколькими исключениями, она никогда раньше не слышала их имен, а тем более не знала, в каком веке они жили, к какой стране принадлежали, какие работы они написали или какие аргументы использовали для защиты своих доктрин и поучений. Помимо вышеперечисленных причин, существуют физические и умственные трудности, которые исключают возможность их возникновения с помощью медиума. Физическая невозможность заключается в поразительной скорости их создания: за шесть секунд было написано целых 936 слов. Психологическая трудность заключается в том, что медиум не обладает логическим мышлением. Как и большинство женщин, она выбирает короткий путь, делая поспешные выводы. Она не аргументирует, да и не может аргументировать какое-либо утверждение обычными правилами логики. Теперь упомянутые статьи показывают, что автор или авторы не только хорошо знакомы с древними знаниями и классикой, но и обладают очень высокими логическими способностями. По вышеуказанным причинам мы приходим к выводу, что медиум из-за явной неспособности, как умственной, так и физической, не смог бы написать эти статьи, равно как и любой другой человек при тех же обстоятельствах. Поэтому мы абсолютно вынуждены, рассмотрев предмет со всех мыслимых точек зрения, сделать вывод относительно их производства, что они произошли из сверхъестественного источника и были произведены сверхъестественными средствами".

Во второй половине этого дня священнослужитель, имя которого с моей стороны было бы в высшей степени неприлично упоминать, рассуждал о спиритуализме со своей точки зрения в Англиканской церкви. Я понял смысл статьи так: (1) что он утверждал о праве членов Англиканской церкви исследовать эти явления; (2) что, если исследователь убежден в их духовном происхождении, такое убеждение не должно поколебать его прежнюю веру. Если священнослужитель, о котором идет речь, действительно сказал не больше, чем о нем свидетельствуют печатные отчеты о Конференции, он скорее изменил поведение Валаама и проклял тех, кого пришел благословить. Вот краткое резюме, которое было опубликовано:—

"Преподобный... прочитал статью, в которой он определил свою позицию по отношению к спиритуализму как позицию простого исследователя, добавив, что даже если бы он убедился в его истинности, он не видел причин, по которым он должен менять мнения, которых он в настоящее время придерживается как священнослужитель Англиканской церкви. Однако после восемнадцатимесячного изучения этого вопроса он, возможно, стал еще большим скептиком, чем раньше". Если это было все, что священник, о котором идет речь, мог сказать в защиту Ассоциации, они, должно быть, скорее сожалеют, что когда—либо "организовывали" его, и вполне могут молиться о спасении от своих друзей; но я слышал, как шепотом передавали — предположительно, голосом духа — что между леди—секретарем и священником, о котором идет речь, произошел вооруженный конфликт, и что мисс — но нет, я не должен называть имен - справедливый чиновник наказал преступницу самым ужасным наказанием - молчанием.

Пятница завершила Конференцию докладом о состоянии транса — я и не знал, что такие вещи существуют, — продиктованным миссис Коре Таппан невидимыми гидами, и его прочитала мисс — я имею в виду вышеупомянутую прекрасную инкогниту. Не проявление — буквально, не призрак кого—либо - только это очень яркое заявление: "Но именно в более широком смысле социального, ментального, политического и даже религиозного обновления спиритуализму суждено достичь своих главных результатов. Устранение первобытного ужаса человечества, самого древнего призрака в мире мысли, мрачной и призрачной Смерти, само по себе является настолько важным изменением, что представляет собой революцию в мире разума. Химия уже открыла удивительный факт, что ни один конечный атом не может погибнуть. Тонкая химия спиритуализма вступает в действие там, где прекращается наука, собирая конечные атомы мысли в духовную сущность и доказывая их нетленность. Эта мысль уже проникла в массовое сознание, окрасила своим сиянием приходящие в упадок формы теологии и внешней науки и сделала жизнь человека достоянием бессмертной славы. Более того, принимая дух, как изначальная основа жизни, каждого отдельного человека и всех членов общества и Хучеловечеству в совокупности, должны вечно стремиться выразить огромную жизнь (то есть жизнь духа). Ребенка будут учить изнутри, внешние методы будут использоваться только как вспомогательные, но никогда как диктаторы мысли. Общество будет источником духовных истин, обретающих форму и содержание как выражение души. Правительства будут представлять собой защищающую власть родителей над любящими детьми, а не диктат силы или тирании. Религия будет носить свое исконное одеяние простоты и истины, порождение любви и веры, которые дали ей рождение. Современный спиритуализм является таким же великим растворителем вероучений, догм, кодексов, научных софизмов, как солнечный свет веществ, содержащихся в земле и воздухе, раскрывающий на этапах промежуточной жизни, от человека, через духов, ангелов, архангелов, серафимов и херувимов, до Бога, славную судьбу каждой души. На островах тропических морей растет виноградная лоза, которая лучше всего растет на древних руинах или осыпающихся стенах какого-нибудь здания, построенного человеком; и все же, когда она разрастается, крошечные усики проникают между волокнами камня, разрезая и разрезая, пока вся ткань не исчезнет, оставив только зеленую массу листы живой лозы. Спиритуализм для будущего человечества - то же, что эта виноградная лоза для древних руин".

Готовилась еще одна статья о "Сложном сознании", но название меня не привлекло. После четырехдневного терпеливого ожидания призраков, которые так и не пришли, и духов, которые так и не проявились, я почувствовал, возможно, некоторое нетерпение, надел шляпу и резко ушел — белокурая секретарша, перед которой я всегда буду испытывать величайший трепет, хмуро посмотрела на меня, когда я это сделал. Когда я въехал на Гауэр—стрит — милую, безмятежную Гауэр—стрит, священную для колес нечестивых кэбменов, - я был почти удивлен, увидев "материализованные" формы вокруг меня; и действительно, только оказавшись в пределах слышимости - и запаха - Подземной железной дороги, я вполне осознал свое униженное положение или выбрался из сфер, куда меня унесли возвышенные строки статьи миссис Таппан, так сладко переданные!

ГЛАВА XXXVIII.

ВЕЧЕРНИЙ "ДИАБЛЕРИ".

Мистер Сперджен вскоре после того, как оракул официально заявил, что, до сих пор считая спиритуализм вздором, теперь он верит, что это дьявол. Это внезапное обращение, конечно, окончательное; и я продолжаю рассказывать о несколько исключительном подтверждении этого мнения, которое недавно произошло на моем собственном опыте. Было время, трудно сказать, как давно, когда я считал спиритуализм надувательством; и на моем пути возникло многое, что могло бы привести меня к тому же выводу, что и мистера Сперджена, если бы я был расположен — чего я не имею — прыгать, скакать и далее.

Исследователем, который первым представил моему вниманию "дьявольскую" теорию, был французский римско-католический священник, который нарушил дисциплину настолько, что вступил в брак, но сохранил в неприкосновенности все доктрины своей прежней веры. На самом деле он в какой-то степени предвосхитил позицию отца Гиацинта, поскольку я впервые познакомился с ним несколько лет назад. Как в личном, так и в национальном плане этот джентльмен тоже был склонен к поспешным выводам. Он потерял дорогого друга и немедленно приступил к общению с ушедшим посредством переворачивания стола и постукивания. В течение нескольких дней он был вполне убежден в личности общающегося духа; но затем, и все это в течение одной недели, он произнес заклинание католической церкви над разумом, я полагаю, в первую очередь экспериментально; обнаружил, что на его вызов не было удовлетворительного ответа, и немедленно сделал поспешный вывод, что это был сам мерзкий дьявол. Впоследствии я очень часто сидел с этим джентльменом, еще до того, как произошло то, о чем я собираюсь рассказать; и, конечно, информация всегда выдавала себя за неприличный для вежливых ушей дух, присутствие которого мой друг считал само собой разумеющимся.

Однажды я ходил с этим джентльменом к Маршаллам, когда они были в зените своего могущества. Мы заранее договорились, что он должен сидеть не за столом, а сбоку и подавать мне тайный сигнал, когда он беззвучно произносит заклинание изгнания нечистой силы. Он так и сделал; и, конечно, все проявления сразу прекратились, хотя мгновение назад мы были в полной беседе с невидимками. Старой миссис М. пришлось с большим огорчением объявить: "Сперриты уехали!"

Другим моим партнером в диابلери был адвокат, которого я не должен называть по имени, но который обладал значительным авторитетом в качестве писателя. Председательствующий по его делу судья, однако, имел низкий характер и был склонен к очень сквернословью. Он признался, что был торговцем на земном плане - следует ли говорить о водном плане? — и, конечно, выругался, как один из них.

Что касается меня, то я лишен всякой "средней силы", что бы это ни значило, хотя восторженные дамы—спиритуалистки говорят мне, что я "медиумист" - квалификация, которая для меня еще более оккультная. Признаюсь, я очень интересуюсь спиритическими исследованиями, за исключением темных сеансов, которые имеют тенденцию погружать меня в сон; и я верю, что мое присутствие не "останавливает проявления", так что, полагаю, я не безнадежный скептик.

По случаю, о котором я собираюсь рассказать, мы встретились в моем кабинете, где я обычно выращиваю несколько домашних змей. Я только что приобрел прекрасный новый экземпляр и, не имея для него подходящего жилья, перевернул свою мусорную корзину вверх дном на маленьком шахматном столике и оставил его прятаться под ней на ночь. Это был стол, который мы обычно использовали для спиритических сеансов; и мой друг-юрист, который писал, немедленно начал использовать самые сквернословные выражения по поводу змеи, призывая меня "убрать ее куда угодно, засунуть в шкаф, старина". Таков был назидательный стиль общения, которого мы всегда добивались благодаря этой достойной части закона, но в данном случае он был настолько хуже обычного, что мы просто взревели от его безумного злоупотребления. Сам джентльмен, я должен добавить, ни в коем случае не склонен к нецензурной брани. Мой друг-священник отвечал наклонами широко раскрытой шляпы; и все еще получал свой старый ответ, что его Сатанинское Величество присутствовал лично. Я ни в малейшей степени не поверил этому утверждению, как и не принял как доказанную личность заключившего сделку, хотя я считаю, что олицетворение в любом случае является странным психологическим фактом. То, что я этого не сделал, лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что я сказал: "Этот дух утверждает, что он его Сатанинское Величество. Есть ли у кого-нибудь из вас какие-либо возражения против общения с ним, если предположить, что это так?"

Ни тот, ни другой не имели ни малейшего представления. Я знал, что мой друг-католик всегда носил в кармане бутылочку со святой водой и по моей просьбе воздержался на данный момент от изгнания бесов. Джентльмен-юрист, хотя и сам был "писателем", вовсе не был убежден в этих явлениях, что, возможно, было естественно, поскольку он видел чрезвычайно плохую компанию, к которой его якобы причислили. Что касается меня, то мой скептицизм был для меня робуром и триплексом. Я избавился от змеи, выключил газ, и мы втроем уселись внизу, в крошечной тьме, как три мужчины-ведьмы в "Макбете", предварительно заперев дверь, чтобы никто не помешал нашему фокусу-покусу.

Любой, кто присутствовал на обычном темном сеансе, вспомнит количество фальстартов, которые совершает стол, восклицания: "Это был удар?", когда дерево просто трескается, или: "Вы почувствовали холодный воздух?", когда кто-то дышит немного тяжелее обычного. Я сам провел этот эксперимент, хотя и не без того, чтобы добавить открытое признание непосредственновоследствию. Я дул на пальцы сидящих и заставлял их чувствовать уверенность, что это "аура духа", аккуратно постукивал указательным пальцем, когда мой мизинец был надежно зацеплен за мизинец моего ближайшего соседа. На самом деле, для целей тестирования темные сеансы являются ошибкой, хотя для флирта они достойны восхищения.

Однако в этот раз мы были настроены очень серьезно, и не было никакого ожидания - надеюсь, никакого сговора. Я совершенно уверен, что сам сознательно не производил никаких проявлений. Я могу ответить за моего друга-юриста настолько, насколько любой человек может ответить за другого; и мы оба не подозревали — или не подозреваем — священника ордена Святого Бенедикта; только мы предпочли бы, чтобы он не высказывал таких решительных мнений; потому что желание могло быть причиной мысли, или, скорее, мысль могла каким-то совершенно необъяснимым образом произвести последующие последствия. У меня есть идея, что если бы мистер Сперджен в его нынешнем настроении сел за стол для манифестаций, он получил бы самую ясную уверенность в том, что это "все от дьявола", точно так же, как хорошо

известно, что сидящие католики получают сообщения от римско-католических духов, теисты - от теистических, а мормоны - от жителей какой-нибудь спиритической Юты.

В данном случае нам не пришлось ждать ни минуты. Стол тут же начал заваливаться и кататься по комнате, как будто покупатель — или сам другой персонаж — действительно был "во владении". Потребовалась вся наша ловкость, чтобы последовать за ним в его быстром перемещении по комнате. Наконец стало сравнительно тихо, и в ответ на вопрос о том, кто присутствовал, я получил чрезвычайно неприятное имя, которое мистер Сперджен связал со всей этой темой. Некоторые люди, которых я знаю, питают определенную степень уважения или, во всяком случае, благоговения перед интеллектом, о котором идет речь. Что касается меня, то я не чувствую ничего подобного, и поэтому я добавил: "Если ты тот, за кого себя выдаешь, дай нам какие-нибудь доказательства". Мы сидели, опираясь на стол только кончиками пальцев, но он тут же поднялся совершенно перпендикулярно и рухнул с таким грохотом, что стол разлетелся на куски. Я не имею ни малейшего представления, как это было сделано, но это определенно было сделано. Большая часть стола была приведена в состояние, которое подходило для господ. Мануфактура Брайанта и Мэя. Когда мы зажгли газ и посмотрели на часы, то обнаружили, что сидели всего несколько минут.

Конечно, очевидным объяснением будет то, что джентльмен с дьявольской теорией и явно сильной волей (о чем свидетельствует развязка у миссис маршалл) произвел дьявольский эффект сознательно или бессознательно. Я не думаю, что имело место первое; и если возможно получить такие результаты бессознательно, то этот феномен столь же любопытен, как и спиритуалистическое объяснение. На самом деле я не уверен, что психологическая теория не сложнее, чем пневматологическая теория. Мое собственное мнение состоит в том, что люди, обладающие "Психической силой", явно находятся на правильном пути, хотя их причина, как она разрабатывается в настоящее время, еще не настолько ясна, чтобы охватить все следствия.

Мистер Сперджен и "дьяволисты" полностью признают спиритуалистическую позицию. Они не только говорят, что последствия обусловлены духовными причинами, но и идентифицируют производящий дух. Я никогда не мог зайти так далеко. В тот раз, о котором идет речь, я вообще не чувствовал себя так, словно общался с его черным Величеством. Если бы это было так, то, конечно, мое уважение к этому властителю не возросло бы, поскольку я предполагал, что он сделал бы что-то гораздо "большее" в ответ на мой вызов, чем разбил маленький шахматный столик. Однако в этом опыте было какое-то сверхъестественное чувство, и мне показалось, что он настолько хорошо иллюстрирует позицию мистера Сперджена, что его стоит изложить на бумаге. Однако, если этот джентльмен подкрепит подобную доктрину своим одобрением, он, позвольте ему быть уверенным, сделает для подтверждения утверждений спиритуализма больше, чем могут отменить все насмешки профессоров Хаксли и Тиндала и презрение мистера Джорджа Генри Льюиса.

ГЛАВА XXXIX.

ДУХОВНЫЕ АТЛЕТЫ.

Я собираюсь на этот раз отойти от своей обычной привычки рассказывать только о личном опыте и в этой и двух следующих главах публикую сообщения друга, который разделяет мой интерес к этим вопросам и часто сопровождал меня в моих исследованиях этого таинственного Пограничья. Однако в этих случаях он проводил расследование за свой счет, и я не несу ответственности за выводы, к которым он приходит: —

"Привлеченный, - говорит он, - статьей в популярном журнале на тему "Лиц духов", я решил, если возможно, "ассистировать" на спиритическом сеансе. До сих пор я не проявлял особого интереса к спиритическим материям, потому что, во-первых, вопрос о куи боно упорно оставался без ответа; и, во-вторых, потому что большинство "действий" совершалось в темноте; и мне кажется, что в темноте есть несколько вещей на пути колдовства и чревоуещания, которые *нельзя* было бы сделать. Терпсихорические столы и говорящие шляпы никогда не имели для меня особого очарования, потому что я всегда мог заставить стол танцевать или шляпу говорить все, что я хотел. Я увидел Дэвенпортов и предпочел профессора Андерсона. Я даже побывал на темном сеансе у Маршаллов и заметил, что, когда мистер и миссис Маршалл ощутимо ели на ужин бифштекс с луком или какую-нибудь не менее ароматную пищу, дыхание, сопровождавшее голоса духов, безошибочно тоже было пропитано луком; и отсюда я сделал свои собственные выводы. Я не говорю, что знаю, как мистер и миссис Маршалл изображают Джона Кинга и Кэти Кинг. Я не знаю, как профессор Андерсон или профессор Пеппер проделывают свои трюки. Признаюсь, мистер Хоум и Маршаллы в чем—то привлекательны для профессоров - они выступают не на сцене, а в отдельной комнате, и они позволяют вам все изучить заранее. Их зовут *ars celare artem*. Опять же, я не знаю, как люди на улице выпутываются из очень странных узлов, в которые я их завязал, но я знаю, что они это делают; и поэтому я уверен, что Дэвенпорты могли бы это сделать, не вызывая призрак чьей-то умершей бабушки как своего рода *Deus- или, скорее, Dea—ex machine*". Я никогда не видел, чтобы мистер Хоум обращался с огнем или вытягивал оружие. Я видел, как он "левитирует", или парит, и откровенно признаюсь, что не знаю, как ему это удастся, так же как не могу разгадать трюк сэра Дэвида Брюстера, с помощью которого четыре юные леди могут поднять тяжелого мужчину на кончиках своих пальцев. Это очень загадочно и очень приятно для мужчины.

Так случилось, что я на некоторое время отложил спиритизм в долгий ящик, когда мое внимание привлекла статья о "Лицах духов". Меня не так сильно заботила физическая сторона вопроса (по крайней мере, не духовная сторона), но я хотел проверить это в спорте. В одном отношении физиономия меня действительно заинтересовала, поскольку я читал, что медиум была хорошенькой — медиумы, по моему опыту, обычно совсем наоборот, — и я обнаружил, что репортаж определенно не искажал юную леди в этом отношении. Ее имя теперь является общественным достоянием, так что мне не нужно скрывать его под псевдонимами мисс Бланк, или Астериск, или чем-то в этом роде. Итак, мисс Флоренс Кук - опрятная маленькая леди сладких шестнадцати лет, живущая под родительской крышей в восточном пригороде Лондона. Это совершенно верно, что она не берет плату за сеансы, что, как я пытался внушить ей, было действительно очень глупо, потому что дважды в неделю она работает почти так же усердно, как Лулу. Однако она, или, скорее, ее родители, занимают высокое положение в этом вопросе, что,

конечно, очень похвально с их стороны и удобно для их гостей, если они окажутся безденежными.

"Сейчас у меня нет цели вдаваться в подробности сеанса, который был изрядно утомительным из-за бесконечного пения псалмов. Что я хочу сделать — с разрешения мисс Кук — так это подсчитать шансы на то, что она окажется достаточно спортивной, чтобы выполнять трюки самостоятельно, без помощи духов. Разве она не недооценивает свои силы без посторонней помощи, приписывая сверхъестественную причину произведенным эффектам?

- Что ж, тогда эта гибкая маленькая леди одета в обычную одежду девятнадцатого века с тем, что технически называется "корзинкой", и широкими открытыми рукавами, каждый из которых, боюсь, ей, должно быть, сильно мешал, как и всевозможные медальоны и другие безделушки, висающие у нее на шее. Однако они были там. Мы посадили ее в шкаф, в котором стояло единственное виндзорское кресло, и положили ей на колени новый прочный шнурок. Затем раздалось пение, которое, возможно, предназначалось для того, чтобы заглушить любой шум в шкафу, а возможно, и нет; но после некоторой задержки ее нашли связанной вокруг талии, шеи и двух запястий, а концы шнура были прикреплены к спинке стула. Эти узлы мы запечатали и снова отправили ее в шкаф. Вскоре после этого в отверстии в верхней части шкафа появилось лицо, которое выглядело совершенно бездуховным и в точности походило на лицо медиума, только с какой-то белой драпировкой, наброшенной на голову. Отверстие было как раз такой высоты, которая позволила бы мисс Кук встать на стул и выглянуть наружу. Я не утверждаю, что она это сделала; я только подсчитываю высоту. Лицо несколько минут оставалось при ярком освещении; затем опустилось. Мы открыли шкаф и обнаружили маленькую леди, связанную, как и прежде, с целыми печатями. Духовно или материально, но это было умно.

После паузы тот же процесс был повторен снова; только на этот раз веревку заменили прочной лентой. Веревка перерезала девушке запястья, а скотч оказался едва ли не более подходящим средством. Ее снова связали, и мы запечатали узлы; и снова появилось лицо — на этот раз совершенно черное и совсем не похожее на медиума. Я заметил, что драпировка проходит прямо вокруг лица, и отрезал ее по прямой линии в нижней части. Это навело на мысль о маске. Я не говорю, что это была маска. Я всего лишь намекаю, что, если "духи" хотят убедить людей, они должны позволить шее быть хорошо видимой. Я вынужден сказать, что в течение нескольких минут там был сильный свет; и некоторые люди говорят, что видели веки. Я этого не делал. Я не говорю, что их там не было. Я знаю, как невозможно доказать отрицательный результат, и только говорю, что я их не видел.

То, что последовало за этим, не представляло особого интереса ни для кого, кроме тех, кто исповедовал спиритизм, поскольку это было сделано без какой-либо привязки; мисс Кук достаточно логично аргументировала, что, если было ясно доказано, что предыдущие проявления имели место с помощью другого фактора, помимо самой медиумистики, простое умножение доказательств было излишним. Я пришел туда только для того, чтобы изучить этот вопрос со спортивной точки зрения; и я, конечно, ушел под впечатлением от идеи, что, если мисс Флоренс Кук сначала завязала, а потом выпуталась из этих узлов, она была еще более ловкой, чем выглядела, и ей следовало бы немедленно основать Женское спортивное общество любителей. Что же касается того, что она корчила нам рожи через окно, то меня это не интересовало настолько, чтобы спрашивать, корчит она нам рожи или нет, потому что, если бы она освободилась от веревок, было бы достаточно легко забраться на стул и корчить рожи.

"Конечно, *cui bono* остается. Профессора зарабатывают на этом деньги, а мисс Кук может снискать, самое большее, лишь небольшую и едва ли заслуживающую зависти известность. Мой старый друг-сатирик, когда я рассказал ему вышеприведенные факты, усмехнулся и сказал: "Этого вполне достаточно для шестнадцатилетней девушки; и девушка тех лет сделает все, что в ее силах". Бесплезно было говорить с ним о корзинах, свободных руках и медальонах. Он был старым холостяком и ничего не смыслил в таких вещах. По крайней мере, ему не было до этого никакого дела, если и было.

"Я не могу удержаться от добавления бытового эпизода, хотя, возможно, он едва ли имеет отношение к теме. Несколько молодых бесенят в моем доме, услышав о том, что я видел, устроили выставку духовных лиц в мою пользу. Они соорудили что-то вроде эрекции в стиле Панч-энд-Джуди, и самый чистый из них изобразил лицо духа с белым носовым платком на голове. Он выглядел таким же невозмутимым и немигающим, как сама подлинная физиономия духа. Газ убавили до "тусклого религиозного света", а затем черное ведерко для угля с нарисованными мелом чертами лица навело некоторых присутствующих на мысль, что это негр. Но единственным элементом, который меня заинтересовал, был недостаток; не было привязывания веревки, которое вообще могло бы дать право отнести выступление подростков к категории "Духовной атлетики".

ГЛАВА XL.

"ВЫЯВЛЕНИЕ" ДУХОВНЫХ МЕДИУМОВ.

"Среди недавних высказываний спиритуалистических органов есть одно о том, что "проявления" происходят циклично — "большими волнами", я полагаю, было фактическое выражение; и из многих колебаний, которым подверглось спиритуалистическое общество в последнее время, очень заметным является вторжение молодых леди-медиумов. Кажется, прошло то время, когда дородных матрон по воздуху доставляли из северных пригородов в район WC district, или пожилых старых дев выставляли рисунки духов, которые наводили на мысль о том, что палитра акварелей была перевернута, а образовавшийся "беспорядок" был разложен в целях маскировки. Даже вдохновляющие ораторы настолько далеко "ушли", что перешли из аристократических залов в явно второсортные заведения на задворках. На самом деле, "волна", охватившая духовный мир, по-видимому, напоминает ту, которая также повлияла на чисто мирские мероприятия господ Дж. Шпили и пруд; и мы, озабоченные исследователи, едва ли можем жаловаться на перемену, которая ставит нас лицом к лицу с прекрасными юными девушками подросткового возраста, исключая вышеупомянутых матрон и старых девиц или мужчину-медиума, которого когда-то непочтительно назвал рассказчик "молодым человеком с бычьей шеей".

Имена этих интересных юных обительниц двух миров настолько хорошо известны, что, возможно, было бы излишней осторожностью или излишней галантностью скрывать их; но я ошибусь, если это ошибка, на всякий случай и назову № 1 мисс К. и № 2 мисс С., исходя только

из того, что каждая из них определенно привлекательна, с неоспоримым преимуществом того, что каждая провела всего шестнадцать или семнадцать летних сезонов. Мисс К. некоторое время была "в отключке"; ее фамильяр - "Кэти Кинг", в то время как мисс С. дебютировала совсем недавно, имея в качестве сопровождающих фей "Флоренс Мэйпл", юную леди-призрак, которая дала неправильный земной адрес в Абердине, и Питера, ныне покойного садовника, который поет чистым баритоном в организме юной леди. Лично для меня было источником огромного удовлетворения, когда я узнал, что мисс К. была взята в руки членом Королевского совета — которого я впредь буду называть профессором, — а мисс С. - сержантом, сведущим в юриспруденции. Теперь, если вообще когда-нибудь, подумал я, у нас есть шанс услышать, что наука и доказательная база могут сказать по поводу "лицевых проявлений". Каждый из этих джентльменов, я должен упомянуть, много писал о спиритуализме, и оба, казалось, были склонны оспаривать его утверждения в пользу некой оккультной физической — или, как они это называли, психической — силы. Это сделало бы их вердикт более ценным для посторонних, поскольку было ясно, что они не подходили к этому вопросу с заранее предreshенным выводом в его пользу. Верно, спиритуалисты упорно считали и профессора, и сержанта своими; но спиритуалисты считают "обращенным" каждого, кто просто сидит смирно, соблюдая приличия, и держит глаза открытыми, не заявляя громко о своем скептицизме.

Лично я, вплоть до нынешних событий, привык резюмировать свои убеждения по этому вопросу удобной гибкой формулой, что в этом может быть "что-то". Я все еще так думаю; но, возможно, с некоторым отличием.

Что касается первого из двух разоблачений — если таковыми они будут считаться — я вынужден полагаться на документальные свидетельства; но я так много раз "сидел" с мисс С., вдохновляющий Питер так часто просил меня "послушать" the whip-poor-will, поющую "на дереве", пожимал духовную руку, смотрел в духовное лицо и даже срезал части духовной вуалипрекрасной Флоренции, что я могу следовать порядку событий так же, как если бы я присутствовал при этом. Должен признаться, удивительное сходство, существующее между мисс С. и Флоренс, изрядно потрясло меня и, возможно, подготовило к тому, чтобы я спокойно воспринял то, что последовало. Зачем откладывать результат? Мисс С. и ее мама были приглашены в загородный дом ученого сержанта. В нише окна был импровизирован "шкафчик", над которым были задернуты шторы и приколоты шаль. С уверенностью, которая действительно очаровательна для созерцания, от медиума не требовалось никаких "тестов", никакие "условия" не предъявлялись к натурщику. Мисс С. поместили в кабинет, где был только стул, и ожидающий кружок терпеливо ждал. В положенное время занавески раздвинулись, и в проеме появилось лицо духа. Это все еще было точное изображение мисс С., с благочестиво поднятыми глазами и призрачным головным убором, прикрывающим волосы. Одного за другим собравшихся призывали присмотреться повнимательнее. Посвященные смотрели и проходили дальше, зная, что им не следует подглядывать; но, увы, одна леди, которая не была посвященной и поэтому не знала о негласно навязанных условиях, последовала примеру Матери Евы, раздвинула занавески и обнажила бездуховную фигуру мисс С., стоящей на стуле; "руки духа" в то же время так конвульсивно пытались закрыть отверстие, что головной убор слетел и обнажил несколько объемистый шиньон самой мисс С. После этого последовал скандал, было объявлено, что медиум был убит, хотя в конце концов порядок был восстановлен довольно нелепым процессом, когда присутствующий джентльмен спел комическую песенку. Ученый королевский юрисконсульт все еще цепляется за веру в то, что мисс С. находилась в состоянии "бессознательного сомнамбулизма". Я только надеюсь, что, если когда-нибудь я

предстану перед ним в его судебном качестве, он проявит ко мне в равной степени свою великодушную доверчивость и оправдает мои сомнения.

"Возможно, те, кто следит за колебаниями Духовной "волны", помнят, что несколько месяцев назад джентльмен-диалектик грубо схватил духовную форму Кэти, которая яростно боролась с ним, царапала ему лицо и вырывала усы, в конце концов добившись своего отступления в чулан, где мисс К., предположительно, была связана по рукам и ногам. Должен признаться, факт этого побега несколько настроил меня в пользу Кэти, хотя я бы предпочел, чтобы она растворилась в воздухе и оставила диалектические усы нетронутыми. Тем не менее, это принесло очко на стороне Кэти, и я охотно воспользовался возможностью поклониться в святилище мисс К.; тем более что профессор дважды утверждал, что он видел форму медиума и прикасался к ней, одновременно наблюдая за духом и беседуя с ним. Если бы я мог сохранить свою прежнюю веру в Профессора, конечно, это было бы окончательно, а мое обращение - свершившимся фактом.

Мы больше не сидели в подземном зале для завтраков родительского жилища мисс К., а поднялись на этаж гостиной, где две комнаты сообщались между собой складными дверями, передняя была той, где мы собирались, а задняя использовалась как спальня, где дамы снимали свои "вещи". Следует помнить, что в этой последней комнате была вторая комната, сообщающаяся с коридором, а значит, и со вселенной космоса в целом. Одна створка складных дверей была закрыта, а над другой висела занавеска. На пол, сразу за дверью, были разложены подушки, и на них была уложена маленькая медиум, изящно одетая в голубое платье. Нас попросили спеть и поговорить во время "материализации", и света было столько же, сколько в современной сенсационной драме. Профессор все время выступал в роли Церемониймейстера, оставаясь на своем месте у проема; и я боюсь, что с самого начала он возбудил подозрения своим заметным вниманием не к медиуму, а к призраку. Когда это произошло, оно было облачено в соответствии с ортодоксальной модой призраков, в свободные белые одежды, и, должен признаться, не имело никакого сходства с мисс К. В то же время нам показали лежащую на подушках фигуру медиума, и там определенно было что-то голубое, что могло быть мисс К. или только ее платьем, отправляемым в стирку. Мало-помалу, однако, при "выключенном свете" была произведена бутылка фосфорного масла, и благодаря этому странному и сверхъестественному сиянию "призрак" отвел одного или двух привилегированных людей в заднюю спальню и позволил им прикоснуться к зачарованному телу медиума. Я не принадлежал к числу "избранных", но я поговорил с теми, кто принадлежал, и их мнение было таково, что "призрак" была гораздо более полной и крупноватой женщиной, чем медиум; и я должен признаться, что некоторые нечестивые представления о двери спальни и примыкающей к ней кухонной лестнице соединились в моем сознании с воспоминаниями о мускулистой служанке, которая обычно стояла на страже над буфетом в зале для завтраков. Где она была?

В качестве финального *bonne bouche* дух вышел из-за складывающейся двери, прикрытой занавеской, и немедленно мисс К. поднялась с растрепанными локонами таким образом, который, должно быть, удовлетворил бы любого, кто ничего не знал о задней двери и мускулистом слуге или кто никогда не видел покойного мистера Чарльза Кина в "Братьях-Корсиканцах" или "Лионском курьере".

"Я свободен признаться, что последний смертельный удар по моей вере в то, что в Проявлениях Лица может быть "что-то", был нанесен экспансивным Профессором, который "занялся"

Двойником с упорством, совершенно противоположным спокойному судебному допросу его брата, сведущего в юриспруденции, и с предубеждением, едва ли подобающим Ф.Р.С.

Я прекрасно понимаю, что все это ничего не доказывает. Пусть каждая из мисс С. и мисс К. оправдает призыв Лонгфелло —

"Не верь ей, она дурачит тебя";

и все же призраки такие же настоящие, как гуано. Только я полагаю, что "волне" молодых леди придется на некоторое время отступить; и я чрезвычайно заинтересован в размышлениях о том, каким будет следующий "цикл". Исходя из "полученной мной информации", исходящей из Брайтона, я твердо придерживаюсь мнения, что младенцев ищут на рынке призраков и что наши следующие проявления могут произойти через феномен младенчества".

ГЛАВА XLІ.

СЕАНС ДЛЯ СКЕПТИКОВ.

"Привлеченный тем вниманием, которое в последнее время уделяется теме спиритуализма в *Times*, и ничуть не смущенный последующим отречением этого журнала или неизбежным презрением со стороны *Saturday Review*, я решил лично проверить ценность свидетельства, столь обильно цитируемого верующими в современное чудо. Очевидно, что если бы некоторые опубликованные письма того периода были представлены в качестве доказательств, спиритуализму было бы намного лучше, а Науке чрезвычайно мало что можно было бы сказать в свое оправдание. Но все мы знаем, что в этом вопросе ученые склонны быть сдержанными. "Tacere tutum est", похоже, является политикой Фабиана, принятой теми, кто обнаруживает, что этот новый Ганнибал внезапно прибыл из-за моря в их среду. Более того, это тема, в отношении которой общественность убедят не какие-либо статьи или разговоры, а просто то, что она сможет увидеть и осмыслить сама. В таком случае, возможно, будет полезно, если я занесу в протокол результат исследования, проведенного под поверхностным наблюдением по этому вопросу.

"Как и большинство других чудес, это конкретное, очевидно, имеет свои фазы и происходит циклически. В течение прошлого поколения или почти в течение этого времени современный спиритуализм был настолько связан с переворачиванием столов и таинственным постукиванием, что вследствие этого присвоил себе некоторые смехотворные названия, против которых он тщетно протестует. Затем появились "левитации" и "удлинения" личности, и мистер Хоум с удовольствием положил раскаленные угли на головы своих друзей. Однако ни одно из этих проявлений не было достаточным для того, чтобы сделать спиритуалистическую теорию чем-то иным, кроме огромного *petitio principii*. Дэвенпорты были первыми, кто в каком-либо подобном расширенном масштабе представил предполагаемое появление человеческого тела, или, скорее, определенных частей человеческого тела, главным образом рук, через глазок в своем шкафу. Затем появились "голоса духов" с миссис Маршалл и воздушные переходы со стороны миссис Гаппи; затем, как говорили, весь "облик усопшего" был виден господам

Маршалл. Херн и Уильямс на Лэмбс-Кондуит-стрит, чье жилище служило конечной остановкой миссис Гаппи во время ее ночного путешествия. Затем появились призрачные лица мисс Флоренс Кук в Хэрни, которые были сняты при ярком освещении, к которым можно было прикоснуться и протестировать, что казалось очень полным способом, и даже побеседовать с людьми в кругу. Наконец, я услышал шепот о том, что эти лица узнавались в довольно широком масштабе на сеансах миссис Холмс на Олд-Квебек-стрит, где также можно было увидеть некоторые другие чудеса, что и решило меня нанести визит этой леди.

Однако даже это не были главные достопримечательности, которые привлекли меня к треножнику провидицы на Квебек-стрит. В качестве аргумента против заявлений Современного спиритуализма постоянно выдвигалось, во-первых, что он избегает света и придерживается "темных" кругов; во-вторых, что он чрезмерно чувствителен к теме "скептиков". Конечно, мы все скептики в смысле исследователей. Самый претенциозный последователь спиритуализма не утверждает, что исчерпал тему. Напротив, все они говорят нам, что сейчас мы только изучаем азбуку ремесла. Возможно, узнаваемые Лица Духов донесли до нас слова из одного слога, но едва ли больше. Однако большим преимуществом, которым миссис Холмс обладала в моих глазах перед всеми профессорами нового искусства, было то, что она не возражала против скептиков. Соответственно, я отправился на Квебек-стрит с определенной целью проверить вопрос узнавания. Если бы я сам или любой другой человек, на свидетельство которого я мог бы положиться, установил хотя бы один случай несомненного признания, это, как я чувствовал, продвинуло бы меня дальше, чем что-либо другое, к решению спиритуалистической проблемы.

Я посвятил этому делу два вечера понедельника; именно в этот день миссис Холмс, как она выражается, "позирует для лиц". В первом из двух случаев собралось двадцать семь человек, и первая часть вечера была посвящена Темному сеансу, который сам по себе представлял собой нечто новое, но не был особой целью, на которой я присутствовал. Миссис Холмс, уверенная в себе американская леди, очевидно, способная справиться с любым количеством скептиков, была надежно привязана к стулу. Весь кружок взялся за руки; и, конечно, как только погас свет, скрипки, гитары, бубны и колокольчики самым необъяснимым образом разлетелись по комнате, а когда зажгли свечу, я обнаружил за спиной смычок для скрипки, на коленях гитару и кольцо для бубна на шее. Но в этом не было ничего духовного, и голос, который фамиллярно обращался к нам во время операции, мог быть, а мог и не быть голосом духа.

"Миссис Холмс, освобожденная от некоторых очень запутанных узлов, по общему признанию, силой Духа, приступила к тому, что называется "Испытанием Кольцом", и я был удостоен чести быть выбранным для проведения эксперимента. Я сел в центре комнаты и крепко держал обе ее руки в своих. Я провел ладонями по ее рукам, не ослабляя хватки, чтобы почувствовать, что у нее там ничего не спрятано; как вдруг мне на руку перешел звон бубна, бряцалки и все такое прочее. Очень примечательно; но все же не обязательно духовно. Некоторые присутствующие ясновидящие сказали, что могли наблюдать "распад" кольца. Я только почувствовал, как оно перешло на мою руку. По случаю моего второго визита тот же самый подвиг был совершен над пожилым джентльменом, действительно убежденным скептиком. Этот второй круг состоял из двадцати человек, многие из которых были ярко выраженными неверующими и ни в малейшей степени не склонными к "раздражительности". Однако все шло как по маслу.

"Примерно через час довольно буйного темного сеанса снова зажгли свет и расставили круги для Сеанса с Лицом, который проходит при приглушенном освещении. В пространстве,

занимаемом складными дверями между передней и задней комнатами, установлена большая черная ширма с вырезанным в ней отверстием, или глазком, площадью около восемнадцати квадратных дюймов. Разрешен самый тщательный осмотр этой задней комнаты, и я позаботился о том, чтобы запереть обе двери, оставив ключи крест-накрест в замочной скважине, чтобы их нельзя было открыть снаружи. Затем мы заняли свои места в передней комнате в три или четыре ряда. Я сам занимал центр первого ряда, примерно в четырех футах от экрана, мистер и миссис Холмс сидели за маленьким столиком перед экраном; теория заключалась в том, что духи, стоящие за ними, собирают из своих "эманаций" материал для формирования лиц. Вскоре после того, как мы заняли позицию, в отверстии появилось очень похожее на привидение детское лицо, но его не узнали. За ним последовали несколько других лиц, похожих на трупы, с таким же отсутствием узнавания. Затем появилось лицо очень пожилой дамы, совершенно живое, и миссис Холмс сообщила нам, что мертвенно-бледные люди были теми, кто умер совсем недавно. Пожилая леди тревожно огляделась по сторонам, словно ожидая, что ее узнают, но никто не заявил, что знаком. На самом деле при моем первом визите никто не был мне знаком. Следующим было веселое лицо Джо Бегстока, которое довольно весело выглядывало из-за нашего круга, и, наконец, появилось самое живое лицо пожилого мужчины. Это лицо со странным свинцовым выражением вокруг глаз приблизилось так близко к отверстию, что на самом деле *приподняло* свою седую бороду наружу. Во время моего второго визита присутствовавшая дама отчетливо узнала в этом бланке лицо своего мужа и попросила показать почерк в качестве дополнительного удостоверения личности. Эта просьба была выполнена, фигура подняла тонкую, белую и, как выразилась вдова, "аристократическую" руку и вежливо поцеловала ее. Я должен сказать, что со стороны леди было проявлено меньше эмоций, чем я мог ожидать при данных обстоятельствах; и молодой человек, который сопровождал ее и который, судя по внешнему сходству с ней, должно быть, был ее сыном, спокойно рассматривал своего ожившего папу в двустольный театральный бинокль. Я не уверен, что вправе называть имя этой леди, но во время этого второго визита миссис Макдугалл Грегори, проживающая по адресу: Грин-стрит, 21, Гросвенор-сквер, положительно опознала вышеупомянутую старую леди как хорошо знакомую ей шотландскую титулованную даму.

"Мне самому было обещано, что мой собственный родственник появится в будущем; но ни на одном из них, когда я присутствовал, я не увидел ничего, что позволило бы мне проверить ценность идентификаций. Лица, однако, были настолько реалистичны, за единственным исключением тусклого свинцового выражения глаз, что я не могу себе представить, что могло бы возникнуть сомнение относительно того, принадлежали ли они знакомым людям или нет. В любом случае, у нас есть возможность пройти тест. Никакой скептицизм не является препятствием для присутствия. Выступления не ограничиваются несколькими привилегированными лицами. Все видят одинаково, так что дело выходит за рамки "галлюцинаций". Что касается лиц, то все делается при свете. Так что в этом случае выполнено несколько не лишенных смысла тестовых условий, и на данный момент это шаг, сделанный заранее по сравнению с предыдущими проявлениями.

"Мы вполне можем остановиться — по крайней мере, я знаю, что сделал это, — чтобы встряхнуться и спросить, где мы находимся. Это гигантский обман? или Эндорская ведьма и Кумская Сивилла воскресли в неромантическом районе Мраморной Арки и при обстоятельствах, которые полностью исключают их из категории чудесных? Англии потребуется немало убедительных доводов по этому вопросу, который, очевидно, не покроют никакие "непроизвольные мышечные действия" или "бессознательная мозговая деятельность". Что,

если старое доброе привидение все-таки реальность, а Кок-Лейн не относится к области сверхъестественного?

- Что тогда? Что ж, человек может ожидать встречи со своими умершими предками в любое время дня и ночи, при условии только, что за ними есть ширма, за которой они могут "сформироваться", и свет, достаточно приглушенный, чтобы предотвратить распад; с, конечно, необходимымотверстием для демонстрации их почтенных физиономий. С их точки зрения, было бы бесполезно говорить: "Нет покоя, кроме могилы!", поскольку покоя может не быть даже там, если дельфийские жрицы и кумские сивиллы снова войдут в моду; и мы с таким же успехом можем опустить буквы R. I. P. в наших некрологах как совершенно излишнюю форму выражения".

Выступая теперь от своего имени, как автор, я могу упомянуть — поскольку намеренно откладывал это до настоящего момента — что впоследствии был пролит свет на один из Мрачных сеансов миссис Холмс и что сделанные таким образом открытия сделали сеанс окончательным. Мистер и миссис Холмс удалились сначала в Брайтон, а затем в Америку.

На момент написания этой статьи в последнем месте проводились успешные сеансы; и общественное (спиритическое) мнение все еще придерживается мнения, что миссис Холмс - настоящий медиум.

ГЛАВА XLII.

ВЕЧЕР В ВЫСШЕМ НАСТРОЕНИИ.

Во главе социальных ересей, которые быстро начинают приобретать статус религиозной ереси, я без колебаний ставлю современный спиритуализм. Те, кто связывает эту последнюю тайну только с вращающимися предметами мебели, постукивающими столами или жеманно улыбающимися планшетами, просто пребывают в бездне невежества и опасно недооценивают серьезность предмета. Более позднее развитие Духовных Лиц и Духовных Форм, каждое из которых я тщательно исследовал и обнародовал результаты своих наблюдений, не дает никакого адекватного представления о том, какой степени достигла мания — если это вообще мания —. Для многих людей спиритуализм является ультиматумом не только в науке, но и в религии. Во что бы ни говорили им Духи, они веряти делают это так же преданно, как протестант повинуется своей Библии, католик - своей Церкви, или ученый человек следует результатам своих демонстраций. Фактически, это позиция, которую они занимают. Они утверждают, что достигли в вопросах религии таких же ясных и непогрешимых доказательств, как философ в чистой науке. Они говорят уже не "Мы верим", а "Мы знаем". Этих людей мало волнуют причуды Темных кругов под глазами или даже проделки молодых леди с "двойниками". Полет миссис Гаппи по воздуху, удлинение подтяжек мистера Хоума, подбрасывание тлеющих углей в хитросплетения пышных локонов мистера С. К. Холла - это всего лишь азбука, которая привела их к их нынешнему продвинутому положению. Эти физические "проявления" могут подойти неофитам. Они посвященные. Я посвященный; или я должен быть им, если терпение и

настойчивость составляют служение ученичеству. Я посвятил этому занятию значительную часть своей поздней жизни. Несколько зим подряд я тратил драгоценные вечера на темные сеансы; меня дергали за волосы, били по голове бумажными трубочками и терпели другие унижения от рук "Невидимок"; и, что хуже всего, мои друзья считали меня сумасшедшим из-за моих стараний, и если бы мои враги могли добиться своего, они бы посадили меня в тюрьму как несамостоятельного или устроили аутодафе как еретика много лет назад.

Таким образом, из-за огромного срока службы, если не по какой-либо другой причине, я несколько пресытился обычным чередом проявлений. Лица Духов меня больше не интересуют; ибо я тщетно ищу среди них черты моих ушедших друзей. Руки Духов я пожимаю так же беззаботно, как руки моих близких знакомых в клубе или на улице. Я даже отрезал часть вуали мисс Флоренс Мэйпл, Духа Абердина, и спрятал ее в своем кармане: так что, во всяком случае, для меня было новым ощущением, когда я получил приглашение присутствовать на сеансе транса, где один из Высших Духов сообщал собравшимся вещи, о которых мирская философия и не мечтала. Заседание было строго частным; поэтому я не должен упоминать имен или местностей; но это не имеет значения, поскольку у меня нет никаких чудес в вульгарном смысле этого слова, о которых я могу рассказать: только Высшие Учения, которые с таким же успехом подойдут для звездочек или инициалов, как и для полных имен.

Местом действия, таким образом, была мастерская художника в Вест-Энде Лондона, а медиумом - магнетическая леди, с которой я часто беседовал раньше, хотя и не ради "Высших" учений. До сих пор ее наставления сводились к очень энергичным постукиваниям, от которых у меня сводило костяшки пальцев, чтобы имитировать их, и к левитации маленького и неустойчивого шахматного столика, который сопротивлялся всем моим попыткам удержать его в рамках приличий. Эта дама была немолода, и я откровенно признаюсь, что, на мой взгляд, это было преимуществом. Когда я однажды рассказал скептически настроенному другу о спиритическом сеансе мисс Флоренс Кук и торжествующе добавил: "Ну, она же хорошенькая маленькая простушка шестнадцати лет", - это сразу развеяло сомнения этого Томаса, потому что он возразил: "Чего только не сделает хорошенькая маленькая *простушка* шестнадцатилетняя девушка?" Мисс Шауэрс тоже прелестные шестнадцать; и когда "Питер" поет через нее чистым баритоном, я не могу, вопреки себе, удержаться от мысли, время от времени мелькающей у меня в голове: "Если бы тебе было двадцать шесть или, еще лучше, тридцать шесть, а не шестнадцать!" Не уточняя, к какому из двух последних классов принадлежал наш нынешний медиум, можно рискнуть сказать, что она благополучно миновала первый. Она была той зрелой красотой, похожей на красоту Рубенса, которой мы вполне могли представить некий "Высший" дух, предлагающий золотое яблоко своего одобрения, как бы ни склонялся к сладким шестнадцати пугливый Париж сфер. Незадолго до этого я плодотворно посидел с этой дамой, когда произошли неприятные неприятности. Тогда мы собирались на темный сеанс, и как раз в тот момент, когда нам показалось, что ревенанты вот-вот оправдают название, мы вздрогнули от грохота, и, когда я зажег свет, все, что я мог видеть, - это две лодыжки медиума, торчащие из-под стола. Она упала в обморок "сразу", как говорят дамы, и потребовалось что-то сильное, чтобы привести ее в себя. На самом деле, насколько я помню, мы все прошли "переподготовку", поскольку сидение обычно оказывается утомительным как для участников круга, так и для медиума. Однако в данном случае все было если не на пленэре, то на пленэре. Возникли серьезные предварительные трудности с выбором стула для медиума. У нашего друга-художника в его мастерской было много антикварных предметов, двух одинаковых не было, и я был рад видеть, что леди выбрала вместительный предмет с ручками, с

которого она вряд ли упадет, когда духи овладеют ею. Остальные из нас расселись по комнате своего рода неправильным кругом, и только я был снабжен маленьким столиком, не для того, чтобы поворачиваться (я записан как "слишком физический"), а для того, чтобы сообщать о высказываниях Высших Духов. Всего нас было пятеро "помощников" — наш хозяин, молодая леди, проживавшая с ним, еще одна леди, хорошо известная как музыкальная артистка, ее мама и я, недостойный человек. Устроившись в своем удобном кресле, медиум претерпела серию гримас, большинство из которых выглядели совсем не приятными, хотя иногда она благожелательно улыбалась в скобках. Мне сказали — или я так это понял, — что это символизировало ее восходящий путь через разные сферы. По сути, она исполняла что-то вроде спиритического "Эксельсиора". Чтобы привыкнуть к обсуждаемому вопросу, мы обсудили Апокрифические Евангелия, которые случайно оказались у нас на столе; и очень скоро, без каких-либо других действий, кроме того, что лицо медиума исказилось, он нарушил молчание и размеренным тоном, исполненным значительной доброжелательности, сказал: "Друзья, мы приветствуем вас во имя нашего Господа и Наставницы. Давайте помолимся Господу".

Затем она повторила Молитву Господню со значительными изменениями по сравнению с Авторизованной версией, особенно, как я заметил, вставив сведенборгианские выражения "Небеса", "на земле"; но также изменив порядок предложений и вообще опустив одно. Затем она сообщила нам, что готова ответить на вопросы по любому предмету, но что мы не обязаны принимать какое-либо учение, которое она — или, скажем так, они, поскольку теперь заговорили духи, — могли бы дать нам. "Что мы хотели узнать?" Я всегда замечая, что, когда этот вопрос задают на духовном круге, все одновременно замолкают, как будто жажда знаний иссякла в ее источнике. Никто ничего не говорил, и я сам не был подготовлен к предмету, но я только что просматривал книгу Сведенборгиана и мягко намекнул на "Духовный брак". Это было милостиво принято; и наша Сивилла так изложила себя: — Человечество, как сказано, высший Дух или Духи, изначально было создано парами, и душа все еще была двойственной. Так или иначе — в моих записях не совсем ясно, каким образом — части были перепутаны, разделены или неправильно отсортированы. Были, однако, некоторые преимущества в этой неправильной сортировке, которая была столь частой случайностью земного брака, поскольку люди могли быть слишком похожи — наблюдение, которое, как мне показалось, я слышал раньше, или, по крайней мере, не настолько глубокое, чтобы нуждаться в призраке: "Приди из мертвых, чтобы сказать нам это, Горацио!" Когда правильные половинки действительно собирались вместе на земле, добро развивалось ради добра, зло ради зла, пока они не попадали на небеса или в другие места - все они были множественными. Сведенборгианство возражает против единственного числа; и я не мог сразу отождествить учение о Высшем Духе с учением Новоиерусалимской Церкви. Перед нами предстали два предварительных факта: высшие Духи были в теологии сведенборгианцами, а в медицинской практике гомеопатами. Таким же был и Медиум. Хотя в духовном мире не было брака в нашем понимании этого термина, произошла не только эта повторная сортировка и соединение разрозненных двустворчатых моллюсков, но и были отпразднованы настоящие "бракосочетания". Мы должны были быть осторожны и понимать, что то, что земляне называли браком, небожители называли бракосочетанием — мне это казалось скорее различием без разницы. В какой-либо церемонии не было необходимости, но все же церемония была приятной и в то же время значимой. Я спросил, правда ли, что я читал в книге Сведенборга, что все взрослые ангелы женаты. Она ответила: "Да, они поженились в возрасте от 18 до 24 лет, и мужчина всегда был на несколько лет старше женщины".

Со стороны Медиума наблюдалась тенденция, которую мне постоянно приходилось пресекать, переходить от супружеских тем к теологическим; и последние, хотя и банальные, вряд ли были настолько неортодоксальными, как я ожидал. Я считал большинство "спиритуалистических" учений чисто теистическими. Любовь к Богу и человеку объявлялась величайшей сущностью, а вероучения не имели большого значения. Если человек любит истину, неважно, насколько дикими или абсурдными могут быть его идеи. Любовь к Богу может показаться просто абстрактной идеей, но это не так. Любить добро - значит любить Бога. Любовь к ближнему, в смысле любви ко всему себе подобному, тоже могла показаться трудной, но на самом деле это было не так. В сфере, где обитал этот Разум, были миллионы ангелов, или добрых духов, трудившихся ради спасения людей.

Я должен упомянуть, что эта леди в ее обычном состоянии на редкость сдержанна и что "сообщения", которые я записываю, были бегло переданы в виде одной непрерывной цепочки того, что часто перерастало в настоящее красноречие.

Итак, Христос пришел для блага человека, и Христос был не единственным Мессией, явившимся на землю. За миллионы веков, прошедших над нашим земным шаром и на других планетах нашей солнечной системы, восстали "другие люди, исполненные духа добра, и, таким образом, Сыны Божьи". Здесь я попытался разобраться во взглядах Высших Духов на Божественность Христа, но обнаружил значительную расплывчатость; в одно время это решительно утверждалось, в другое время мне казалось, что это объясняется такими выражениями, которые я процитировал выше.

Мне сообщили, что наша планета стала предметом особой заботы, потому что мы были более материальны, более "прочны", чем обитатели любого другого шара. Было существенное различие между Христом и всеми другими великими учителями, такими как Будда; и не было никаких исторических записей о каком-либо другом проявлении Мессии, кроме того, которым мы обладали; но такие проявления имели место.

Затем Дух дал нам отчет о своем окружении, который, я полагаю, является чисто сведенборгианским. "Небесные" ангелы были преданы истине, "духовные" ангелы - добру; и точно так же существовали Жилища сатаны, где преобладала ложь, и Дьяволов, где преобладало зло. Духи от каждого из них приходили к человеку и удерживали его в равновесии; но обретали силу по мере того, как его воля склонялась к ним. Воля не была полностью свободной, поскольку на нее влияли унаследованные тенденции; но "решимость" была. Я понятия не имею, что Высший Дух имел в виду под этим; и я скорее предполагаю, что Высший Дух сам был в некотором сомнении. Это скорее напомнило мне определение метафизики: "Если вы говорите со мной о том, о чем ничего не знаете, а я не понимаю ни слова из того, что вы говорите, — это метафизика".

Все могут творить добро, - продолжала Сивилла. Зло не может принудить тебя. Произнесите только такое устремление, как "Боже, помоги мне", и это соберет вокруг вас толпу ангелов. Однако от тех, кто приходил к ним из этого мира, они (Высшие Духи) обнаружили, что учителя больше учили тому, о чем мы должны думать, чем тому, что мы должны делать. Доброта была такой легкой. Правильная вера делала нас счастливее, но необходимы были правильные действия.

Подталкиваемый нашим хозяином, который был склонен "изводить" Высший Дух относительно непреодолимых тенденций, Разум сказал, что они не преодолимы. Когда мы прибудем в Духовный Мир, мы обнаружим, что все, что происходило в нашей жизни, сфотографировано. Добавлено, что вы осудите себя. Вы не будете "обмануты" разгневанным Богом. *Вы* сами решите, могли ли вы помочь любому неправильному действию. Даже совершая это, человек осуждает себя; здесь это тем более. Доктрина Искупления была без промедления отвергнута как "отвратительная ересь". "Неужели Великий Дух хочет смерти одного человека? Нам больно даже думать об этом!"

Затем я расспросил Медиума о воскрешении тела; и мне сказали, что человек, будучи изначально сотворенным, был духовным существом, но "сверхиндуцировал" свое нынешнее тело из плоти - как ему это удалось, я не совсем понял. Что касается возможной сублимации телесных покровов, был упомянут случай с привидениями. Я напрасно мягко намекнул, что никогда не видел привидений и не удостоверял их существование должным образом. Мне сказали, что если я выстрелю из пистолета в призрака, останется только небольшая частица пыли, которую можно будет подметать. Я не знал, что останется даже так много. Представьте себе, что вы "подметаєте" Более Высокий Дух!

Раз или два я невольно остановился, чтобы оглядеться на этого странного проповедника и паству. Уютно выглядящая леди, откинувшаяся в кресле и с вежливой улыбкой рассуждающая на эти потрясающие темы, наше маленькое собрание из пяти человек, я пишу изо всех сил, молодая хозяйка нянчит странного вида черную кошку; другая молодая леди постоянно возвращается к "супружеским" темам, которые, казалось, ее интересовали; мама слегка ошеломлена довольно революционным характером сообщений; и наш хозяин, время от времени вставляющий грубое или едкое замечание. Я с ужасом думал о том, что могло бы стать результатом домашнего визита Сумасшедшего Комиссара именно в эту студию!

Тогда музыкальная барышня повела нас к супружеским парам. Было очень трудно передать нам, на что похожа эта супружеская любовь. Была ли это избирательная близость? Я спросил. Да; что-то вроде этого, но все же не то. Это было спонтанное притяжение в сферах, либо к другим, половин двойственного духа, диссоциированных на земле. Совсем не так — опять же в ответ мне — как флирт в углу. Эти двое, когда ходили по сферам, выглядели как одно целое. Эта супружеская головоломка была нам не по зубам. Мы "отказались от этого", и сеанс завершился красноречивым рассказом о динамике Молитвы.

Снова была произнесена Молитва Господня, с еще большим разнообразием, чем раньше; было добавлено несколько импровизированных воззваний. Процесс прихода в себя казался еще более неприятным, если судить по выражению лица, чем вхождение в транс. В конце концов, чтобы вернуться на землю, нашей Сивилле пришлось подвергнуться унижению со стороны нашего хозяина, и через несколько минут она уплетала сэндвич с ветчиной и чашку кофе так, словно ее вообще никогда не было в нубусе.

Каким было психологическое состояние, я оставляю определять тем, кто более образован, чем я. То, что произошло некоторое возвышение способностей, было ясно. Я полагаю, мало кто стал бы утверждать, что полученные в результате разведданные имели глубокое практическое значение. К счастью, моя миссия состоит не в том, чтобы обсуждать, а в том, чтобы описывать; и поэтому я просто излагаю свой опыт в тех же терминах, в которых он был передан мне как "Вечер с Высшими Духами".

ГЛАВА XLIII.

ДУХОВНЫЕ ФОРМЫ.

Несколько лет назад я опубликовал в одной ежедневной газете статью о Лицах Духов, которая стала для меня источником множества проблем. Во-первых, исследователи спиритуализма, имя которым, как я обнаружил, легион, завалили меня письмами с просьбой отнести их в дом хорошенькой мисс Бланк, медиума. Мисс Бланк могла бы продолжать устраивать ночные приемы до сих пор, не исчерпав свой список самозванных гостей; у меня был только один ответ; леди была мне сравнительно незнакома и не являлась профессиональным медиумом; следовательно, легион должен попросить кого-нибудь сопровождать их в другом месте.

Духовные лица стали сравнительно обычным явлением и почти исчезли с тех пор, как я написал эту книгу. Сейчас мы далеко ушли от лиц. Затем, опять же, моим вторым источником неприятностей было то, что сразу же, с момента моего написания, спиритуалисты объявили меня своим, как Меланхолик молодого джентльмена из "элегии" Грея. Хотя я воображал, что мой доклад был всего лишь спокойным беспристрастным изложением увиденного, и я тщательно избегал говорить, убежден я или нет, я волей-неволей оказался зачисленным в число посвященных и ожидал, что примерно пять вечеров из семи посвящу сеансам. Я действительно посещал и посещаю до сих пор очень многих, так что я чувствую себя довольно хорошо осведомленным о "Последних сведениях" Духовного мира. Но хуже всего то, что мои собственные близкие друзья, которым я доверял, тоже подняли на меня руку — я имею в виду метафорически, конечно. "Что нового в spirits?" они спрашивают меня вслух в омнибусах или железнодорожных вагонах, заставляя моих попутчиков смотреть на меня с сомнением относительно того, являюсь ли я лицензированным гастрономом или некромантом. Поскольку "фанатики притворяются верующими, пока сами не поверят", я действительно начинаю сам испытывать некоторые сомнения относительно состояния своих убеждений.

Но я хочу еще раз сделать этот документ простым изложением услышанного и увиденного — особенно увиденного. Я льщу себя надеждой, что название приятное, странное, призрачное, рассчитанное на то, чтобы заставить людей чувствовать себя некомфортно в предрассветные часы. Если это так, то, как говорится в предисловиях, самые большие надежды писателя оправдаются. Когда я в последний раз делился своими впечатлениями, конечной целью, к которой мы пришли, было появление белого двойника лица хорошенькой мисс Бланк в глазке углового шкафа. В разных кругах было много более или менее — как правило, менее — успешных имитаций этого представления, и шумиха улеглась. Мисс Б. все еще была легким принципом из — за того факта, что она стояла при полном свете - я имею в виду ее духовное лицо, — в то время как все остальные склонялись к более или менее тусклой религиозной мрачности. Однако через короткое время "Кэти" — так называли фамильяра мисс Б. — подумала, что сможет "материализоваться" настолько, чтобы представить всю форму целиком, если мы переставим угловой шкаф таким образом, чтобы она могла это сделать. Соответственно, мы открыли дверь и повесили на нее один или два коврика, открывающихся в центре, на манер палатки араба-бедуина, образовали полукруг, сели и запели "Поступь ангелов" Лонгфелло. Там приводится отрывок: "Затем формы ушедших входят в открытую дверь". И, о чудо, хотя мы

оставили мисс Б. привязанной и запечатанной к ее креслу и одетой в обычное черное платье, несколько объемное из-за юбок, высокая женская фигура, задрапированная в классическом стиле в белое, с обнаженными руками и ногами, действительно вошла в открытую дверь, или, скорее, в центр между двумя коврами, и встала перед нами, как статуя, произнесла несколько слов и удалилась; после чего мы вошли в бедуинскую палатку и обнаружили хорошенькую мисс Б. в ее платье, как и прежде, с закрепленными узлами и печатями, и в сапогах! Это была форма № 1, первая, которую я когда-либо видел. Она выглядела такой же материальной, как и я сам; и в последующем случае — поскольку я видел ее несколько раз — мы сделали четыре очень хороших фотографических портрета при свете магния. Трудность, которую я все еще испытывал с формой, как и с лицами, заключалась в том, что они казались настолько материальными, похожими на плоть и кровь. Возможно, подумал я, автор "Приоткрытых ворот" права, и следующее положение вещей может быть более существенным, чем мы обычно думаем, даже до такой степени, что допускаем, как она говорит, фортепиано среди его дополнений. Но мне предстояло увидеть нечто гораздо более призрачное, чем это.

Важный факт, который я замечаю в спиритуализме, заключается в том, что он подчиняется оккультному импульсу всех великих движений и неуклонно движется с востока на запад. От Хэрни и Хайбери он тянется к Белгравии и Тайбурнии. Я оставил дебри Хэрни позади и приблизился к Гайд-парку для моего следующего занятия. Я снова вынужден скрывать имена и местности; у меня нет ни желания рекламировать медиумов, ни права предавать людей, которые оказали мне гостеприимство - и Духовные Формы. Мы расположились полукругом у занавесок, отделявших маленькую заднюю гостиную от большой передней, взялись за руки и пели, пока не охрип, как вороны, и не сводили глаз с отверстия, оставленного между занавесками, чтобы лица могли показаться. Комната была погружена в кромешную тьму, и, чувствуя себя довольно уставшим от заклинания, я оглянулся через плечо во мрак, и вот! темная фигура стояла, самоосвещаясь, недалеко от меня. Наконец—то я увидел это - доброе ортодоксальное привидение в белом, видимое в темноте. Это был облик самого грозного Джона Кинга, который, я полагаю, был отважным пиратом во плоти, но по духу больше походил на арабского шейха. Он ходил по комнате, разговаривал с нами и, наконец, исчез. В конце концов он снова появился за занавесками, и на короткое время портьера была отодвинута в сторону, и было видно, как призрачная форма освещает лежащую фигуру медиума, который растянулся на диване, очевидно, в глубоком трансе. Следует иметь в виду, что все это время мы оцепляли проход из одной комнаты в другую. Обычно на этих сеансах появляется трио "духов". В данном случае это были Джон Кинг, которого я только что видел, а не только слышал; Кэти, фамильяр мисс Б.; и особенно мрачный джентльмен по имени Питер, которого, как мне кажется, никто не видел, но который несколько раз оказывал мне услугу, хватая меня за руку и поднимая к потолку, как будто собирался унести меня телесно в страну духов. Я стою примерно на шести футах в своих ботинках, наступил на свой стул и все еще чувствую, как ко мне тянется рука — откуда, я понятия не имею.

Но о моем более позднем опыте еще нужно рассказать. Несколько недель назад меня пригласили на действительно очень избранный сеанс, где тот же медиум должен был проводить церемонию. Эта семья, которая не жалела средств на свои расследования, на самом деле приобрела большой красивый шкаф, стоящий в их столовой в качестве признанного предмета мебели. Однако в данном случае он был использован только для заключения медиума. Все эволюции Джона Кинга, который вскоре появился, происходили за дверью кабинета. Он был "материализован" только до середины; и, к нашему крайнему изумлению, подошел к столу и,

очевидно, *через* стол прошел в самую середину круга, где он развлекался различными способами, все время поддерживая оживленную беседу и часто принимая позу человека, плывущего на спине. Он также поднялся так же высоко, как газальер, и в целом совершил немало чудесных вещей, учитывая, что все это время он представлял собой лишь половину человека, освещенного его собственным светом.

Только один раз я сидел рядом с медиумом во время проявления любой из этих форм. На этом сеансе я крепко держал его за одну руку, а другую держала слегка скептически настроенная леди. Мы не отпускали друг друга ни на мгновение, но в течение всего сеанса, пока Джон Кинг, Кэти и Питер разговаривали, крошечные детские ручки играли с моей рукой, кистями и волосами. Детей в комнате, конечно, не было. Мрачный Питер отлично справляется с легкими носильщиками. Я знал, как он переносил большую коллекцию ценного севрского фарфора и часы в стеклянном корпусе с камина на стол — нелегкая задача при свете, не говоря уже о полной темноте. Он также часто снимает картины со стены и кладет их на стол. Кэти заводит большую музыкальную шкатулку и, играя, раскачивает ее по всей комнате. Конечно, мы протираем глаза и спрашиваем, что, черт возьми, если это вообще возможно, это значит? У меня нет — чтобы поддерживать дикцию моего предмета — *призрака* какой-либо идеи. Если это колдовство, почему медиумы не говорят об этом и открыто не выступают против господ. Маскелейн, Кук и доктор Линн? Даже если бы у меня было определенное мнение по этому поводу, я бы воздержался от высказывания его здесь, потому что, во-первых, это было бы дерзостью, а во-вторых, ни к какому заключению нельзя прийти на основании одних свидетельских показаний. Люди должны увидеть сами и сделать свои собственные выводы. Тем временем эта штука, чем бы она ни была, растет и разрастается. Год назад мне пришлось отправиться на восток, чтобы найти ее. Теперь я должен нарядиться великолепно, как стаффордширский шахтер, и отправиться в салоны Запада. Мне все еще кажется, что великое желание состоит в том, чтобы какой-нибудь человек с именем в науке изучил этот вопрос, честно решив подтвердить факты, если они верны, но безжалостно разоблачить их, если появится лазейка для подозрений. *Omne ignotum pro magnifico habetur*. Раньше я думал, что призраки - это большие вещи, но это было до того, как я их узнал. Сейчас я думал бы о встрече с привидением не больше, чем осел темной ночью, и бесконечно скорее схватился бы с привидением, чем с грабителем. Любопытство людей возбуждено, и чем скорее кто-то докопается до истины, тем лучше. Это несколько утомительная задача, это правда; но ни к какому общему принципу нельзя прийти иначе, как путем индукции частных. Давайте будем сторонниками бэконовщины даже по отношению к нашим призракам. Если они *и* призраки, то они гораздо более материальны, чем я думал. Если это не так, пусть кто-нибудь, во имя науки девятнадцатого века, прогонит их прочь, как ворону шантеклера, и пусть мы больше не слышим о Духовных Лицах или Духовных Формах.

ГЛАВА XLIV.

СИДИТ С СИВИЛЛОЙ.

Связь скромности с достоинствами вошла в поговорку, хотя Сидни Смит ставит ее под сомнение, говоря, что их объединяет только тот факт, что каждая из них начинается на букву "м".

Скромность, однако, — оставляя в стороне вопрос о сопутствующих достоинствах — это черта, с которой в моих мистических исследованиях и окольных блужданиях я встречаюсь гораздо чаще, чем можно было бы ожидать. Я только что встретился с двумя примерами, которые спешу зафиксировать, хотя бы для того, чтобы опровергнуть тех, кто говорит, что возраст в целом и духовные медиумы в частности не склонны к скромности и уединению. Моим первым скромным человеком был Фотограф-Призрак; моей второй была Сивилла. Я мог бы ожидать застенчивости во второй, но был определенно удивлен, встретив ее в первой. Внезапно я узнал от Медиума тот факт, что в моем ближайшем районе поселился Фотограф-Призрак, и появление его призрачной рекламы заставляет меня вспомнить некоторые предыдущие мистические переживания, которые я сам испытывал подобным образом.

Ныне прославленный медиум миссис Гаппи, урожденная мисс Николл, в дни своего девичества занималась фотографией в Уэстборн-Гроув; и, насколько я знаю, она могла бы стать тем, кто открыл жителям Летней Страны этот новый метод наземных операций. Всегда в ожидании чего-нибудь нового в области оккультизма, я сразу же взяла интервью у мисс Николл и позировала для своего портрета, ожидая, по крайней мере, увидеть сопровождающий дух моей покойной бабушки или незамужней тети, стоящей на страже надо мной, как я видела, что делали усопшие родственники во многих карточках для посещений в комнате. Признаюсь, у сопровождающих духов был какой-то наигранно-театральный вид, который наводил на мысль, что высшие разумные существа, должно быть, одевались в спешке, когда они сидели или стояли для своих портретов. На самом деле они выглядели, если не будет непочтительным сказать это, скорее как куча пневматического тряпья, чем как респектабельные домашние призраки. Однако до тех пор, пока у меня были призраки, я не заботилась о платье. Я бы сказал, "Tenue de soir point de rigueur", как это делают возле дешевых казино в Париже, или "Вечернее платье не требуется", если уж переходить к просторечию. Что ж, я упорно и терпеливо просидел, боюсь сказать, сколько операций, и оператор описал меня как находящегося в окружении духов — по словам Медиумов, я всегда таковым являюсь, но мои духи, должно быть, в высшей степени нелюдимы, потому что они редко говорят мне слово, и в этом случае отказались быть "взятыми" так же решительно, как застенчивый джентльмен на *графике*, который сопротивлялся действиям тюремных властей, чтобы получить солнечную фотографию его интересной физиономии. На одном из негативов действительно было пятно, которое, как меня заверили, было духом. Я не мог видеть вещи в таком свете.

Сорванное в этом конкретном случае, мое беспокойство дремало, но никогда не угасало. Я все еще жаждал появления обитателя другого мира, и меня продолжали фотографировать снова и снова, пока я не стал бы самым тщеславным человеком на свете, в голой надежде, что художник может быть средним мальгре луи или неразвитым. Я слышал, что такие существа существуют, но они никогда не попадались мне на пути. Я был действительно серьезен в этом желании, потому что чувствовал, что если бы оно могло быть исполнено, была бы предотвращена возможность обмана, объективность явлений была бы гарантирована. В то время я был достаточно еретичен, чтобы верить, что большинство призраков появились из-за недожаренной свинины или несвоевременных валлийских раритетов, и что постукивания, назначенные их агентству, могли быть назначены активным пальцам Медиума, которые могли быть где угодно и замышлять что угодно, имея возможность провести темный сеанс.

Однако вскоре после этого Месье Бюге, знаменитый французский фотограф-спиритуалист, приехал из Парижа в Лондон и получил натурщиков за скромную сумму в 30 *шиллингов* за

каждого. Это было бы мне не по средствам, но, полагаю, мое желание исполнилось, и этот джентльмен прислал мне бесплатное приглашение посидеть, которое, нет нужды говорить, я с благодарностью приняла. Я был уверен, что мсье Бюге не знал ни моей давно утраченной бабушки, ни оплакиваемой незамужней тети, так что любые портреты, которые я мог бы получить от него, предположительно были бы подлинными. Я сидел; и над моей мужественной фигурой, когда негатив пришел на очистку, стояла женская фигура в акте благословения. Я понятия не имею, как она туда попала, потому что я наблюдал за каждым этапом операции и сам выбирал номер; но, с другой стороны, она и отдаленно не похожа ни на кого из тех, кого я когда—либо знал.

И все же М. Буге - не мой скромный фотограф. Окрыленный достигнутым успехом, я обратился к местному джентльмену, который дал объявление в *Сми*; но местный джентльмен был "занят". Я написал местному джентльмену, назначив собеседование, но местный джентльмен не ответил. И все же его реклама остается; и я вижу в каждом спиритуалистическом альбоме десятки "имущественных" отношений в форме квазидухов и удивляюсь, почему местный джентльмен не взял меня с собой, чтобы увековечить себя на этих страницах.

Столь же скромной была рекламная Сивилла. Я написал Сивилле, и кто-то ответил и "почтительно отказался". Но мне было не суждено закончить. В мире больше одной Сивиллы. Я позвонил в Номер 2, не объявляя о своем намерении и не называя своего имени. Эта Сивилла сразу же впустила меня, и я поднялся на второй этаж respectable пригородного жилого дома.

Я долго с тревогой ждал, гадая, есть ли Сибилл лук, присутствие которого в этом скромном жилище отчетливо ощущалось моим носом, хотя тогда едва пробило половину второго. Вскоре, вытирая рот, вошел дородный мужчина средних лет, который мог бы быть молодым отцом Сибиллы или, скорее, престарелым мужем. Он явно ел ароматную приправу.

Где была Сибилла?

"Она будет у нас прямо сейчас", - сказал джентльмен, меняя процедуру, ковыряя в зубах.

Через минуту она *была* с нами, и никогда, я полагаю, живописные ожидания не рушились так внезапно и не терпели краха, как мои. Я представлял Сибиллу ярким неземным существом, и воплощение моего идеала весило двенадцать стоунов, если не унцию. Это была крупная, мясистая, ширококостная женщина совершенно неопределенного возраста, не лишенная значительного добродушия в своих широких чертах лица; но при взгляде на Сибиллу у вас возникала всепроникающая мысль, что ее *слишком много*. Я не могла не вспомнить мужа, который сказал, что ему не нравится большая жена: он предпочитает двух маленьких; и тогда я снова задумалась о том, был ли мужчина, который все еще возился со своим зубо врачебным аппаратом, мужем или папой Сибиллы.

Я сказал им, что мне не терпится испытать способности Сибиллы, и несколькими пассажами своих толстых рук мужчина вскоре усыпил ее. Мне это показалось послеобеденным сном, но мне сказали, что это притягивает. Возможно, так оно и было. Кстати, мой орган обоняния безошибочно показал, что Сибилла ела лук.

Я обзавелась двумя прядями волос, поскольку слышала, что "психометрия" входила в число специальностей Сибиллы. Я протянул ей первую, и она немедленно приступила к описанию

серии картин, которые, казалось, пронеслись у нее в голове. Она продолжала теребить прядь волос и сказала: "Человек, которому это принадлежит, болен— слаб", что было достаточно правдиво, но, как мне показалось, могло бы стать удачей. Однако я должен упомянуть, что совершенно невозможно, чтобы Сибилла знала меня. Она даже не слышала моего имени. Затем она описала спальню, в которой какой—то человек — она не могла разглядеть, какой именно, - лежал в постели, а над ним склонилась дама в голубом платье. Это, опять же, как я подумал, могло вытекать из ее предположения о волосах, принадлежащих инвалиду. Синее платье было достаточно подходящим, но все же настолько незначительным, что могло быть очень вероятным совпадением. Затем, однако, она поразила меня, сказав: "Я заметила, что на столике у кровати, где стоят бутылочки с лекарствами, было пролито молоко — большое количество - и не вытерто". Это была тривиальная деталь, неизвестная мне в то время, но подтвержденная при последующем расследовании.

Затем она перешла к описанию второй живой картины, где та же самая особа в синем платье находилась в комнате, *установленной тарелками*, вместе с джентльменом, которого она описала очень точно. Он был жильцом дома, где лежал пациент, и, питая пристрастие к старинному фарфору, превратил свою столовую в своего рода магазин посуды, увешав ее повсюду дельфинами.

Это было достаточно любопытно, хотя и не очень убедительно. Казалось, что влияние человека, подарившего мне волосы, было сильнее, чем влияние самих волос. Со вторым локоном мы потерпели полную неудачу. Она сказала, что это тоже от больного человека, но человека, не больного той же болезнью, что и другой. Она была совершенно уверена, что они сделаны разными людьми, и попросила меня почувствовать разницу в текстуре. Мне жаль, ради Сибиллы, говорить, что они оба принадлежали одному и тому же человеку и были вырезаны в одно и то же время, хотя и из разных частей головы, из-за чего одна казалась более шелковистой, чем другая.

Как проверка ясновидения Сибиллы, это было не очень удовлетворительно. Она прочитала надпись на карточке, когда ее глаза были забинтованы, прижав ее ко лбу; но затем давний опыт использования жмурков убедил меня, что очень трудно сказать, когда человек ослеп по-настоящему.

Таким образом, в целом я так и не смог до конца преодолеть свое предыдущее разочарование по поводу массивности Сибиллы. Будь она хорошенькой и с вьющимися волосами, как мисс Энни Ева Фэй, или как мисс Шауэрс, или как мисс Флоренс Кук, я, возможно, был бы склонен придавать больше значения ее совпадениям и подмигивать ее неудачам. Мы *are* так склонны быть уведенными в сторону нашими чувствами в этих вопросах. Сибилла была крупной, ела лук, и ей было бы лучше, если бы она причесалась, и поэтому, боюсь, я был несколько недоволен несколько непомерным гонораром, который толсторукий мужчина - не Сибилла — взял и прикарманил в перерыве между своими посещениями стоматолога, и я покинул это пригородное жилище, причем, как мне кажется, никто из нас не был очень доволен друг другом. У меня есть идея, что я бессознательно выразил свое внутреннее чувство разочарования в Сибилле и что-то более сильное по отношению к ее спутнику мужского пола.

ГЛАВА XLV.

СПИРИТЫ И ФОКУСНИКИ.

"Как это делается" - это вопрос, который, по словам доктора Линна, мы хотим разрешить применительно к его собственным или родственным действиям и, еще больше, к производству феноменов, известных как духовные. Я потратил несколько лет своего существования на тщетные попытки решить последнюю проблему; и чем дальше я продвигаюсь, тем больше загадка, кажется, углубляется. В последнее время две противоборствующие партии, спиритуалисты и Фокусники, определенно вышли на арену и объявили войну ножу. Каждый называет себя Моисеем и осуждает других как простых волшебников. Мистер Маскелайн проводит темный сеанс, заявляя, что разоблачает спиритистов; доктор Линн размахивает против них своей сильной правой рукой, на которой кровью написано имя чьей—то умершей бабушки, в то время как, в свою очередь, доктор Секстон разоблачает фокусников и портит удовольствие от доселе приятного вечера, показывая, "как это делается" — как имя чьего—то усопшего родственника подделывается и раскрашивается рано днем, вместо того, чтобы "прийти". выходить" на месте - и в виде пятен, - таких как корь или крапивница (поскольку, по нашему мнению, должны появиться умершие родственники), или входить и выходить из коробки с проводами в свое удовольствие, и даже заходить так далеко, что давать адрес умного механика на боковой улице возле Ноттинг-хилл-Гейт, который изготовит таинственный упаковочный ящик на заказ в обмен на несколько солидное "вознаграждение".

Я принял приглашение доктора Линна присутствовать на его "премьере" и мимоходом поинтересовался, почему бы всем не сделать свои пригласительные карточки такими же совершенными произведениями искусства, как у него. Теперь я собираюсь воздать беспристрастное правосудие во всех отношениях; и я должен сказать, что эксперимент доктора Линна по привязыванию своего ассистента к своего рода табуретке для покаяния медной проволокой, окруженный пристальными наблюдателями из аудитории, а затем заставляющий мужчину снять пальто и надеть кольцо ему на руку за простым ковриком, который держат перед ним, столь же замечателен, как и все, что я когда-либо видел на спиритическом сеансе. Это имеет большое преимущество в том, что делается при свете, а не, как в случае с мистером Фэем, в темноте и без шкафа. На самом деле, я понятия не имею, как это делается; хотя я не сомневаюсь, что, когда я впервые увижу доктора Секстона, он укажет мне на что-нибудь неудовлетворительное в засовах, которыми заперт этот привратник, и даст мне адреса торговца скобяными изделиями, который продаст мне что-нибудь подобное, или портного, который pošлет мне ласточкин фрак с незаметным разрезом сзади. С другой стороны, я, как уже сказал, видел, как молодой мистер Секстон входил и выходил из обвязанного шнуром ящика, и я знаю, как это делается; но человек доктора Линна входит в три, один внутри другого. Что ж, я могу понять, что, если теория доктора Секстона верна, попасть в "гнездо" из трех человек, возможно, так же легко, как в один ящик; но как, во имя природы — или искусства - джентльмену-мореходу выбраться из двойного мешка, в который он завязан? Я не могу заставить себя опубликовать теорию доктора Секстона о шкатулке, потому что это кажется такой бессмысленной жестокостью - "выставлять напоказ" вещи, когда люди специально идут в Египетский зал, чтобы быть мистифицированными. Я помню, как тот факт, что я видел, как доктор Секстон проделывал трюк с чтением имен в шляпе, испортил мне удовольствие от эксперимента доктора Линна. Он действительно казался довольно неуклюжим, когда я знал все, о чем он говорил. В данном случае он не предъявил письма, которые были у него на руке; но я видел, что он вполне мог бы

это сделать, хотя это не было бы воспроизведением поступка мистера Форстера, который показал вам имя какого-то родственника, когда вы совершенно неожиданно заглянули к нему. Я вполне могу понять, почему спиритуалисты, которые считают эти вопросы священными, как само откровение — фактически, самим откровением, — шокированы, видя, что их убеждения объявляются обманом и "разоблачаются" на публичной трибуне; но, признаюсь, я не совсем понимаю, как они могут принять принцип *tu quoque* и "разоблачить" доктора Линна и господ Дж. Маскелайн и Кук — обманщики, потому что они не притворяются никем другим. Было бы фатально, если бы маги "узнали" Моисея, и они мудро воздержались от попыток; но Моисею не имело смысла "узнавать" магов: и мне кажется, Моисей счел бы это очень недостойным. предпринять попытку. Эти две вещи основаны на совершенно разных основаниях; и я не могу отделаться от мысли, что спиритуалисты неблагоразумно уступают в чем-то, когда они принимают вызов фокусников. Я вполне осознаю, что теория спиритуалистов превращает многих фокусников в медиумов мальгре луи и говорит, что они должны предстать в своем истинном обличье. Это было так, господа. Маскелайн и Кук первоначально были представлены лондонской публике в Хрустальном дворце под покровительством выдающегося спиритуалиста; но мне действительно кажется, что такое утверждение равносильно напрашиванию вопроса; ибо я сомневаюсь, что не было бы столь же "выгодно" смело выступать в роли мистера Уильямса или мистера Морса, как в роли доктора Линна или мистера Маскелина.

В продолжительной беседе, которую я однажды имел с самим мистером Маскелайном после одного из его выступлений, он сказал мне, что, постоянно присутствуя на сеансах Дэвенпортов, он узнал, как все это делается; и, будучи работающим часовщиком, вскоре смог сконструировать необходимый аппарат. Я должен снова быть справедливым и заявить, что во время заседания кабинета господ. Маскелайн и Кук кажутся мне точной копией Дэвенпортов, их темный сеанс не воспроизводит тот, что у спиритуалистов, в отличие от выступлений самого профессора Пеппера. Верно, этот последний джентльмен делает все свои разоблачения на платформе, которая священна для любого вторжения, и господа Маскелайн и Кук предполагают, что допускают такое же тщательное обследование, как и спиритуалисты. Но я сам, который видел, как мистер Хоум порхал по гостиной мистера С. К. Холла, и управлял им сверху и снизу в *transitu*, совершенно не вижу какого-либо воспроизведения этого явления в тяжелой, неуклюжей левитации леди с помощью похожего на ножницы устройства позади нее, которое мы имеем честь наблюдать только из партера. Трость для танцев так же ощутимо перетянута веревочкой в терпсихорию, как стулья, которые я видел в гостиной мистера Холла при ярком свете, не были перетянуты веревочками, потому что я мог внимательно рассмотреть их; и я не знаю, как это было сделано.

Свежо из действительно замечательных выступлений доктора Линн за последнее время и с господами Дж. Не менее хитроумные трюки Маскелина и Кука предстают перед моим мысленным взором, хотя и не совсем недавно, но я все еще осмеливаюсь сказать, что, по моему, существует от шести до полудюжины подобных трюков других. Если в одних случаях фокусники воспроизводят духовные феномены, то в других спиритуалисты дистанцируют фокусников. Я говорю только о феноменах. Маги производили многие из тех же феноменов, что и Моисей; но даже в этом случае, если мы ортодоксальны, мы должны верить, что источник таких проявлений был совершенно иным.

Но я, как уже сказал, мудр для своего поколения и придерживаюсь феноменов. Я рискну предположить, что фокусники неразумно раздражают спиритуалистов, которых становится все

больше, рекламируя свои развлечения как разоблачительные, даже несмотря на то, что такие объявления могут "привлечь" недуховную публику. Я полагаю, однако, что они понимают науку рекламы лучше, чем я; но я уверен, что спиритуалистам неразумно следовать их примеру, потому что им нечего разоблачать. Доктор Линн или господа Дж. Маскелайн и Кук довольны настолько, насколько добросовестные медиумы были бы шокированы, узнав, что их доказали ловкими обманщиками. Единственные, кого обижают, когда им говорят, "как это делается", - это британская публика, которая платит свои пять шиллингов за то, чтобы ее мистифицировали в Египетском зале, точно так же, как это делают спиритуалисты на Лэмбс Кондуит-стрит.

Если дело дойдет до гонки за чемпионство — а если серьезно, то, похоже, что, начавшись, обе стороны обречены продолжать борьбу, — вряд ли можно представить что-либо более привлекательное, чем такое совместное проявление таланта. Доктор Линн привлекает множество людей, чтобы они пришли и посмотрели, "Как это делается" — джентльмена с мандолиной стоит посетить, и я не могу догадаться, как ему это удастся — в то время как господа Дж. Должно быть, Маскелайн и Кук действительно извлекают из этого пользу. Сеансы мистера Уильямса определенно привлекательны (и то, как он это делает, годами озадачивало меня, как я уже сказал), и интерес Прогрессивного института, похоже, не уменьшается; но давайте только представим себе очарование долгого вечера, где Призрак Пеппер должен противостоять Джону Кингу, миссис Гаппи и мистерам Дж. Маскелайн и леди Кука соревнуются по комнате или даже в пригороде, в то время как Дэвенпорты и подручный доктора Линн должны выкарабкиваться из железных колец или влезать в собственные фраки! До тех пор, пока не состоится какое-либо подобное состязание, общественное мнение, вероятно, будет тяготеть к фокусникам, а не к спиритуалистам, и это из-за фактически самоубийственной политики последних; потому что, в то время как спиритуалисты по необходимости не могут показать видимый источник своих проявлений, человек их ранга посвящает себя помощи фокусникам, показывая в отношении их трюков, "Как это делается". Конечно, было бы разумнее проявить достоинство и в истинно консервативном духе (не слишком ли поздно даже сейчас вновь принять это?) сказать: "Эти люди - медиумы, но им не по карману признаваться в этом".

Что ж, это знамения времени. Лондон любит, когда его мистифицируют, и у него был бы только один способ вместо множества, если бы спиритуалисты и фокусники взяли за руки и низвели нас всех до мертвого уровня чистой веры или безжалостного разума и холодного здравого смысла!

ГЛАВА XLVI.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СПИРИТУАЛИЗМА.

Меня неоднократно убеждали в предыдущих случаях, а также во время выхода этих листов в печать, что я должен открыто заявить о своей вере или неверии в спиритуализм; что помимо описательности, я должен выйти на один шаг за рамки простого каталога явлений и, по крайней мере, в некоторой степени, теоретизировать на эту таинственную и обычно запрещенную тему.

Позвольте мне сказать с самого начала, что против запрещения этой или вообще любой другой темы, которая не противоречит морали, я бы с самого начала протестовал как верх неразумия. Таким образом, табуировать тему - значит одновременно придавать ей искусственный интерес и более чем наполовину подтверждать ее истинность: и я полагаю, что к современному спиритуализму в целом относились именно таким образом. Я думаю, что вопрос о том, победила ли истина в результате такого огульного осуждения и предвзятого суждения, остается под большим вопросом.

Что касается меня, то я с самого начала упорно отказывался смотреть на спиритуализм в таком пугающем ключе. Это было либо правдой, либо ложью — или, что еще более вероятно, частично правдой, а частично ложью: и я должен использовать для выявления ее истинности или ложности те же критические способности, которые я применил бы к любой другой проблеме повседневной жизни. Мне кажется, это не трансцендентальный взгляд на дело, а просто простой подход к работе, основанный на здравом смысле. Во всяком случае, правильным или неправильным был метод, который я использовал для получения таких результатов, которые я собираюсь обнародовать. Я отказался от того, чтобы пугаться исследования ни Пугалом, ни моей уважаемой подругой миссис Гранди, но приступил к нему просто в соответствии со спокойным индуктивным методом Бэконияна, с помощью которого я должен был бы приступить к любому другому исследованию или занятию.

Что я хочу сделать, так это свести в таблицу эти результаты в том же порядке, в каком они пришли мне в голову; и здесь я сталкиваюсь с предварительной трудностью, не случайной только для этого предмета, но общей для любого повествования, где нам приходится оглядываться назад на ряд лет. Мы склонны рассматривать предмет с нашей нынешней точки зрения; и я постараюсь избежать этого, цитируя, по возможности, то, что я опубликовал или обязался написать в ходе своих исследований. Я не буду отбирать материал у других, потому что хочу, чтобы это был сугубо личный рассказ.

Позвольте мне также добавить, что я ни в малейшей степени не ожидаю, что люди поверят в то, что я говорю. Некоторые, я думаю, сочтут меня безобидным (если вообще безобидным) сумасшедшим из-за определенных заявлений, которые мне, возможно, придется сделать. Другие сочтут все это решительно неортодоксальным и "неправильным". К каждому из этих вопросов я готов. Я бы не поверил никому другому, если бы они до моего опыта рассказали мне то, что я собираюсь рассказать им здесь; и поэтому я не ожидаю, что они мне поверят. Все, что я надеюсь сделать, - это достаточно заинтересовать людей этим предметом, чтобы побудить их разобраться в этом вопросе самостоятельно; ибо, как однажды сказал мне один выдающийся спиритуалист, я искренне верю, что это либо важная истина, либо одно из крупнейших мошенничеств, когда-либо подсунутых человечеству.

Еще одно слово, и я приступаю к своему повествованию. Из трех аспектов, под которыми можно рассматривать спиритуализм, научного, теологического и социального, я вообще не буду касаться первого, поскольку я не человек науки; остановлюсь лишь на втором, поскольку здесь не место для теологической дискуссии. Поэтому я ограничусь третьим аспектом, который я называю социальным; рассматривая предмет как вопрос дня, в раскрытии истины о котором мы заинтересованы не меньше, чем в решении любого другого политического или социального вопроса, но исследование которого не должно заставлять нас волноваться, сердиться и обзывать друг друга дурными именами. Я осмеливаюсь надеяться, что с помощью этих средств

мне удастся составить поучительное или неинтересное повествование, хотя наша тема при этом будет несколько тяжеловесной.

Затем, чтобы осветить предварительную часть моего повествования и немного познакомить моих читателей с состоянием моего собственного ума, когда я рассматривал этот предмет в течение нескольких лет, я процитирую несколько выдержек из доклада, который я прочитал перед обществом спиритуалистов в Beethoven Rooms несколько лет назад под названием "Спиритуалист ли я?". Я могу упомянуть, что собрание разделилось и так и не решило, был я им или нет, и более того, я не думаю, что они окончательно определились по сей день. Я по-прежнему терпеливый следователь, но я действительно не считаю необходимым выпускать постоянные бюллетени о состоянии моих убеждений.

Итак, принимая в качестве моего тезиса вопрос: спиритуалист ли я? на первый взгляд, сказал я, несомненно, покажется, что человек, лучше всего способный ответить на этот вопрос, — это именно тот, кто его задает; но небольшое размышление, я думаю, покажет, что термин "спиритуалист" имеет такое широкое и несколько изменчивое значение — фактически, это слово настолько широко варьируется в зависимости от людей, которые его используют, - что вопрос действительно может быть задан самому себе без какой-либо непоследовательности.

Когда люди спрашивают меня, как они часто делают, с выражением неприкрытого ужаса на лице: "Возможно ли, что вы, священнослужитель, спиритуалист?" Я часто склонен ответить: "Да, мадам", — (поскольку обычно именно леди облекает вопрос в такую конкретную форму) — "Я спиритуалист, и именно потому, что я священнослужитель. Мне не раз приходилось выражать свое искреннее согласие с Общим молитвенником и Тридцатью девятью статьями; и это включает в себя веру в богодухновенность всей Библии (кроме апокрифов), и все это *(не за исключением апокрифов)* духовно, или спиритуалистично *(если вам больше нравится этот термин)* от начала до конца; и поэтому я являюсь таким убежденным последователем не несмотря на то, что я священнослужитель, но потому, что я - священнослужитель, а потому, что я - священнослужитель. спиритуалист".

Я мог бы ответить так, но не делаю этого просто потому, что поступить так было бы нечестно. Я знаю, что мой собеседник использует это слово в совершенно ином смысле, чем я счел уместным предположить. Кроме того, такой ответ привел бы только к аргументации, а сама форма вопроса показывает мне, что человек, который его задает, составил свое мнение по этому вопросу, как, вероятно, и по большинству других предметов; и когда женское мнение однажды принято (у других, кроме женщин, женское мнение по этим предметам), очень мало смысла пытаться изменить его. Я никогда этого не делаю. Я ввожу какое-нибудь ортодоксальное словесное успокоительное и меняю тему. Но даже принимая этот термин в том смысле, в каком, я знаю, он предназначен для использования — скажем, например, в том виде, в каком он исходит из уст какого-нибудь консервативного старого джентльмена или предполагаемого научного авторитета, а именно врача — "Вы верите в спиритуализм?", что означает "Вы такой осел, что верите в переворачивание столов, постукивание и прочую подобную чепуху?" - даже в этом случае на этот вопрос можно было бы ответить другим вопросом; хотя я редко заходил так далеко в этом вопросе с теми, чьи умы, очевидно, вполне комфортно настроены по этому поводу. Так жаль вмешиваться в заветные мнения. Я выяснил, что в науке, так же как и в теологии, существуют афанасианские вероучения; и действительно, хотя они образуют признанные формулы в том или ином случае, сталкиваться с ними лбами - совершенно

напрасный труд. Вопрос, который я хочу задать — не добрым аптекарям, а моим читателям, — заключается в следующем: что вы подразумеваете под верой в спиритуализм? Я не могу не верить многим феноменам спиритуализма, если я должен руководствоваться своими пятью чувствами в этом, как и в других вопросах, и совершенно отбрасывать всякое доверие, которое я могу оказывать уважаемым свидетельствам. Однако, когда я перехожу от фактов к теориям и меня просят объяснить эти факты, я колеблюсь. Я знаю, здесь есть такие, кто скажет, что спиритуалист, подобный даме, которая колеблется, пропал, — кто считает меня неортодоксальной за то, что я поступаю так, как поступали непреклонные старые леди и всезнающие аптекари из-за того, что я даже соизволил изучить свидетельства подобных феноменов. Я действительно чувствую, что настроил себя как ожившую кеглю, которая будет сбита с ног первым же убежденным спиритуалистом, которому вздумается ударить меня. Но что бы еще они ни думали обо мне — каким бы скептиком они ни считали меня в вопросах, где, возможно, вы, многие из вас, немного склонны к догматизму, — я утверждаю, что являюсь, по крайней мере, честным скептиком. Я не отрицаю полностью это название, но я понимаю, что оно означает "исследователь". Признаюсь, что после долгих лет совершенно непредвзятых исследований я все еще исследователь— скептик. Сейчас модно ругать Святого Фому за то, что он искал разумные доказательства по вопросу, который, безусловно, было наиболее важно удовлетворительно прояснить. Я вообще никогда не мог прочесть обращенные к нему слова в свете упрека— "Потому что ты увидел, ты уверовал". Англиканская церковь рассматривает сомнение святого Фомы как дозволенное Богом "для большего утверждения веры"; и я уверен, что приверженцы спиритуализма не будут настолько непоследовательны, чтобы порицать какого-либо человека за долгое и тщательное изучение вопросов, которые, по их мнению, допускают демонстрацию. Я слышал, как самый красноречивый из их защитников сказал, сравнивая духовную убежденность с вероучительной: "Наш девиз больше не "я верю", а "я знаю". Вера может быть мгновенной, но познание будет постепенным; и поэтому, достигнув определенной точки в многолетнем изучении спиритуализма, я делаю паузу и — так сказать, расширяя круг присяжных — задаю вопрос, на который, как мне кажется, я должен ответить другим: "Я спиритуалист?"

Еще одно слово извинений, прежде чем перейти к деталям дела. Неизбежно, что первое личное местоимение будет часто повторяться в ходе этой статьи, и поэтому статья будет казаться эгоистичной. Так звучит сам вопрос. Я не настолько тщеславен, чтобы полагать, что для кого-то здесь имеет большое значение, спиритуалист я или нет, за исключением того, что я могу быть в каком-либо смысле репрезентативным человеком. Я верю, что это так. То есть я верю, нет, уверен, что очень многие люди заходят так же далеко, как я, и останавливаются там, где останавливаюсь я. Я полагаю, что там, подобно гробу Магомета, между небом и землей болтается довольно большое количество исследователей, и было бы милосердием высадить их где-нибудь. Я не претендую на то, чтобы быть представителем клерикального разума, потому что клерикальный разум, именно клерикальный, решил, что рассматриваемые явления являются дьявольскими. Конечно, если бы я принял эту теорию, мой вопрос был бы совершенно неуместен, и я сразу же занял бы место среди спиритуалистов. Дьявольские люди не только принимают феномены, но и признают их духовное происхождение и, более того, отождествляют духов. На самом деле они самые убежденные спиритуалисты из всех.

В общих чертах описывая их кредо, я упомянул три стадии, через которые большинство умов должно пройти в этом вопросе. Некоторые, действительно, постигают их интуитивно, но большинству умов приходится терпеливо продвигаться по пути исследования, как это делал я.

Первая стадия - принятие явлений, вторая - отнесение этих явлений к духам как к их источнику, третья - идентификация этих духов.

1. По первой части моего предмета я рискну высказаться с некоторой смелостью. Я не философ, поэтому могу себе это позволить. Я предположу, что мои пять чувств служат моим целям наблюдения, как они служили бы мне, если бы я давал показания в суде. Если я увижу, что стол сдвинулся с места, я скажу, что он действительно сдвинулся, а не "мне показалось, что он сдвинулся". Я делаю это в качестве банального исследователя, а не исследователя философии; и я должен сказать, что если бы я был, как я только что предполагал, на скамье подсудимых, где хороший адвокат-запугиватель подвергал бы меня перекрестному допросу по этому вопросу, мне скорее пришлось бы защищать позицию банального исследователя, чем философа, поклявшегося защищать философию последних пятидесяти лет и связанного по рукам и ногам своим философским афанасианским Кредо, и я не знаю, сколько статей, по-моему, больше тридцати девяти.

Итак, во второй половине 1856 года или в начале 1857 года я жил в Париже, эта оживленная столица была полна мероприятий мистера Хоума в Тюильри. В то время я ничего не знал, даже о том, как переворачивать столы. Я слушал истории о мистере Хоуме и Императоре как пустую утку. Я никогда не переставал задаваться вопросом, правда ли это, потому что в своем всеведении я знал, что это невозможно. Именно этот этап моего опыта вызывает у меня сейчас такое нежелание спорить со всеведущими людьми; это такая пустая трата времени. В это время мой брат приехал навестить меня, и он либо присутствовал сам, либо знал людей, которые присутствовали на определенных сеансах у мистера Раймера. Он казался ошеломленным, если не убежденным, тем, что услышал или увидел, и это ошеломило и меня, потому что он был не совсем доверчивым человеком и уж точно ни в коем случае не "духовным". Признаюсь, я был ошеломлен, но тогда я был всеведущ и поэтому сделал то, что всегда безопаснее, посмеялся над этим вопросом. Он предложил нам провести эксперименты вместо того, чтобы смеяться, и, не будучи философом, я согласился. Мы сели за маленький круглый столик в нашем крошечном салоне, который вскоре начал вращаться, затем ответили на вопросы и, наконец, нам сказали, что одна из троих, а именно моя жена, является медиумом, и, следовательно, мы можем получать сообщения. Я подошел к боковому столику и написал вопрос об источнике проявлений, скрыв его от сидящих за столом и не отвечая на него сам. Ответ, изложенный ими, был таков: "Нам, духам усопших, позволено таким образом являться людям". И снова я написал — "Какой цели вы служите, делая это?" Ответ был таков: "Это может заставить людей поверить в Бога". Я сказал, что я не философ, поэтому я не против признаться, что потерял сознание. Я сразу же обратил внимание на *невозможность* этого дела. В то же время я не стал — как я знаю, многие ярые спиритуалисты подумали бы, что я должен — сразу проглатывать все это, теорию и все остальное. Я бы не поверил, если бы мне это сказал мужчина; можно ли было ожидать, что я поверю таблице? Честность - моя лучшая политика; и поэтому мне лучше сказать, что я никогда не был так потрясен чем-либо, что происходило со мной в моей жизни ни до, ни после. Мое выражение крайнего, неподдельного изумления по сей день является шуткой против меня. Мы вели расследование почти каждую ночь в течение оставшегося времени моего пребывания в Париже — то есть до конца лета 1857 года, — а также по возвращении в Англию; но, как ни странно это кажется мне сейчас, учитывая, как мы начинали, мы делали это скорее как развлечение, чем что-либо еще. Единственный раз, когда мы были серьезны, это когда мы с женой сидели одни, как мы часто делали. Конечно, когда я начал интересоваться этим вопросом, я столкнулся с теорией Фарадея о произвольных мышечных действиях, а также с

доктриной бессознательной работы мозга - я был вполне готов принять и то, и другое. Моя собственная позиция, насколько я могу вспомнить, тогда заключалась в том, что духовное влияние "не было доказано". Моя жена очень неохотно признавала духовную теорию. Я был просто пассивен; но мне показалось, что два обстоятельства противоречат теориям, о которых я упомянул: (1) Стол, который мы использовали для общения, был маленькой французской безделушкой, столешница которой вращалась от малейшего толчка, и никакая сила, даже философская, приложенная к поверхности, не сделала бы ничего, кроме вращения столешницы; но когда стол поворачивался, *он поворачивался целиком, вместе с ножками и всем прочим.* (2) Что касается этой тяжеловесно сложной теории бессознательного управления мозгом, передаваемой посредством произвольных мышечных действий, то всякий раз, когда мы задавали какие-либо вопросы относительно будущего, нас немедленно останавливали и говорили, что лучше не открывать нам это будущее. Меня беспокоил вопрос, связанный с выборами на должность в Англии, и мы задали несколько вопросов относительно того, какую форму примет разбирательство. Ответ заключался в том, что определенные кандидаты будут отобраны из основного состава, и выборы будут проводиться из их числа. Мне показалось, что я уличил стол в непоследовательности, и я сказал: "Ну вот, теперь вы *have* рассказали нам кое-что о будущем". Он немедленно ответил— "Нет, я этого не делал; вопрос уже решен в умах экзаменаторов". Откуда пришел этот ответ? Конечно, не из наших умов, поскольку он застал врасплох нас обоих. Я мог бы стократно умножить примеры такого рода, но, конечно, для образованных спиритуалистов это всего лишь азбука, в то время как не спиритуалисты приняли бы их только на основании свидетельств своих собственных органов чувств. Я не хочу сказать, что они на самом деле подвергают сомнению факты до такой степени, что сомневаются в чьей-либо правдивости, или же почти все показания должны пропасть даром; но в этих вопросах всегда есть место для сомнений в том, не был ли рассказчик обманут; и, более того, даже если они принимаются из вторых рук, я сомневаюсь, что факты, принятые таким образом, когда-либо становятся как бы ассимилированными, чтобы иметь какой-либо практический эффект.

Во всяком случае, мои факты поступали из первых рук. Я полагаю, что мужчину не нужно считать легковверным, если он верит в собственную жену, и почти все эти феномены были вызваны медиумизмом моей жены. Только в конце 1865 или в начале 1866 года я впервые встретился с профессиональным медиумом. Более того, моя жена с начала и до конца твердо не верила в теорию духов, так что она не подвергала себя подозрениям в предвзятом отношении к этому предмету. Она была подчеркнуто добровольным, нет, даже невольным посредником в этих вопросах.

В течение этих восьми или девяти лет сообщения, как правило, передавались автоматическим письмом, хотя иногда все еще путем наклона стола. Я испытываю сильное искушение процитировать два из них, которые сохранились в моей памяти, главным образом, как я полагаю, потому, что они были настолько разрушительны для теории работы мозга, помимо того, что были любопытны сами по себе. Я не вел никаких записей до более поздней даты. В настоящее время все держится на традиции. Каждый из этих случаев произошел в присутствии меня, моей жены, и ученицы. В первом случае он был молодым англичанином, много прожившим за границей, чья мать была католичкой, а отец протестантом. Он был воспитан в последней вере; и когда я попросил его задать мысленный вопрос, он спросил по—французски— этот язык был ему наиболее знаком: "Католическая или протестантская религия является истинной?" Заметьте, он никогда не формулировал это вслух и не давал ни малейшего намека на то, что спрашивает по-французски. На самом деле он сделал это спонтанно. Моя жена

немедленно написала "Ta mère est Catholique" — пока по-французски, с трудом, а затем перешла на английский: "Уважайте ее веру".

Во втором случае моим учеником был французский юноша, католик, который жил в моем доме, но часто ходил к своему священнику, чтобы подготовиться к своему первому причастию. Однажды, когда мы писали, этот юноша спросил, кто такой общающийся дух, и получил в ответ имя Луи Д. Это имя было нам совершенно незнакомо; но, к нашему удивлению, когда юноша вернулся в тот день после визита к священнику, он сообщил нам, что его преподобный наставник много говорил о достоинствах Луи Д Видя, что мальчик выглядит изумленным, когда произносится имя, которое только что было названо на нашем сеансе, священник поинтересовался причиной; и, получив информацию, конечно же, приказал своему катехумену никогда больше не участвовать в подобном дьявольщине.

Таким образом, впечатление, оставленное в моем сознании этими годами беспорядочного увлечения этим предметом, а не его изучения, заключалось в том, что феномены спиритуализма были подлинными. Глядя на этот вопрос с моей нынешней точки зрения и умонастроения, мне кажется невероятным, что я так мало думал об источнике этих явлений. Как я уже сказал, в то время я баловался этим предметом, а не изучал его.

Но даже не продвинувшись дальше этой рудиментарной стадии, я увидел очень серьезный результат. Я видел людей, которые буквально ни во что не верили и которые приступали к этому занятию в духе легкомыслия, внезапно пораженные тем, что, казалось, предоставляло даже возможность демонстрации иного мира и продолжения существования духа после телесной смерти. Я полагаю, что очень многие люди, которые сами никогда не испытывали сомнений, не осознают, до какой степени сомнение преобладает, особенно среди молодых людей; и я видел много примеров, когда это сомнение было — если не устранено — поколеблено до самого основания, когда они становились свидетелями феноменов спиритизма. "Да, но сделало ли это из них хороших последовательных христиан?" - спрашивает один из моих превосходных простодушных оппонентов. Увы! мой опыт не говорит мне, что хороших последовательных христиан так легко сделать. Делает ли наша вера, — я мог бы спросить, — *ли нас* хорошими последовательными христианами, какими она должна быть и, возможно, будет, если мы будем действовать честно?

Итак, мое изучение спиритуализма было чисто феноменальным. Это было очень печальное и серьезное событие, которое заставило меня заглянуть глубже. Осмелюсь предположить, что некоторым людям покажется странным, что я упоминаю здесь об этой причине. Тот факт, что я делаю это, во всяком случае, показывает, что с тех пор я серьезно отношусь к спиритуализму. Это было не что иное, как потеря при болезненных обстоятельствах одного из моих детей. Теперь я всегда был уверен, что в случае потери близкого и дорогого мне человека я подвергну спиритизму испытанию, попытавшись установить с ним контакт. Я думаю, это покажет, что даже тогда, если я и не принимал спиритуалистическую теорию, я ни в коем случае не считал эту позицию несостоятельной. На следующий же день после смерти моего мальчика я усадил его мать и обнаружил, что она пишет небольшое любовное послание, якобы исходящее от него. Это, сказал бы скептик, было достаточно естественно при данных обстоятельствах. Я не сказал ни слова, но сел в стороне и продолжал писать: "Кто это общается? напишите свое имя". Внезапно фраза оборвалась, и было написано имя ребенка, хотя я и не высказывал своего желания вслух. Это было странно; но то, что последовало дальше, было еще более странным.

Конечно, до сих пор все можно было бы справедливо отнести к умственной деятельности — если такой процесс существует. Можно было бы настаивать на том, что было достаточно естественно, что мать, ранее воспитанная в вере в вероятность общения, написала имя своего потерянного ребенка. В течение многих лет одно и то же никогда не повторялось, хотя мы просиживали ночь за ночью с целью возобновления такого общения. Я, конечно, могу сказать о себе, что в то время я *был* спиритуалистом — таким же основательным и набожным, как любой из существующих; и тот факт, что я был таким, когда увлекался своими чувствами, заставляет меня с большей осторожностью проверять себя на предмет того, не могут ли мои чувства иногда влиять на мое суждение даже сейчас; не является ли желание часто отцом мысли, во всяком случае, при выявлении духовных коммуникаций, и, следовательно, возможно, духовной природы таких коммуникаций в целом.

Однако с этого времени — осени 1865 года — мои духовные занятия претерпели полную перемену — они *стали* учебой - серьезной учебой. Теперь я вел тщательный журнал всех сообщений, который вел в течение трех лет, так что я могу проследить все колебания моего мнения — ибо я действительно колебался — в течение этого периода. Теперь мне также было необходимо проконсультироваться с теми, кто уже глубоко изучил этот предмет; и отчет о моем опыте был бы неполным и нелюбезным, если бы я здесь не поблагодарил за оперативную доброту двух джентльменов, к которым я обратился, — мистера Бенджамина Коулмена и мистера Сэмюэля Картера Холла. С каждым из них я был сравнительно незнаком, но они отвечали на мои расспросы с самой искренней вежливостью, и я счастлив, что именно с этого времени началась моя нынешняя дружба с каждым из них. У мистера Холла я познакомился с мистером Хоумом и во второй раз не только увидел, как он парит, но и держал его в руках сверху и снизу в течение всего того времени, пока он плавал по гостиной мистера Холла. Я достаточно нефилософ, чтобы сказать, что в тот раз я полностью доверяю свидетельствам своих органов чувств и так же уверен в том, что мистер Хоум пробыл в космосе пять минут, как и в своем собственном существовании. Я не могу поверить обычному решению кранов и других громоздких механизмов в гостиной мистера Холла, потому что я думаю, что мы должны были их увидеть, и я уверен, что почувствовал бы веревки вокруг тела мистера Хоума. Стулья ходили из одного конца комнаты в другой *при полном освещении*; и никто до этого не спотыкался о веревки и провода, так что я не думаю, что там их могло быть.

Я полагаю, что, насколько можно проследить какой-либо порядок в несколько беспорядочном ходе спиритических переживаний, большинство людей приходят к спиритизму через месмеризм. Так получилось, что в моем случае этот порядок был в точности перевернут. Только в 1866 году я обнаружил, что обладаю силой магнетизма, и, более того, у меня в доме был субъект, которого Альфонс Дидье (с которым я впоследствии общался) назвал "одним из тысячи". Некоторые подробности случая этой женщины очень любопытны, но вряд ли здесь уместно распространяться о них дальше, чем о том, что они повлияли на мои спиритические исследования. Она с необычайной легкостью вошла в состояние ясности, когда сознавала только то, что купается в свете, стремясь намагничиваться глубже, чтобы глубже проникнуться светом, и, более того, осознавала только существование тех, кто ушел с земли. Она знала, что они были с ней: сказала, что я *должен* знать это, поскольку я тоже был там, и что я единственный, кто не "позволял ей" их видеть. Тот факт, что "наша жизнь двойственна", был для меня самым чудесным образом выявлен моим магнетическим обращением с этой дамой; и, более того, сила воздействия не могла не наводить на мысль об истинности одной из кардинальных доктрин спиритуализма — о том, что таким образом на нас влияют

развоплощенные духи, подобно тому, как я, воплощенный дух, могу влиять на другой дух в теле. Некоторые из симпатий и антипатий, которые я, так сказать, составил тогда, в 1866 году, сохранились до настоящего времени. Например, одно конкретное блюдо (я не буду упоминать, какое именно, иначе это было бы фатально для серьезности моего читателя), к которому она раньше питала склонность, я сделал настолько неприятным для нее, что сам его запах теперь вызывает у нее дискомфорт. Я должен признать себя виновным в том, что несколько экспериментировал таким образом; но какой чудесный свет это проливает на великую проблему мотивов человеческих поступков! Простым усилием воли я мог бы заставить свою пациентку совершать действия, которые были бы ей наиболее отвратительны. Например — дамы оценят эту силу — во времена, когда кринолины были в моде, я заставил это бедное создание таскаться в костюме, бросающемся в глаза отсутствием кринолина и делающем ее похожей на некоторых дам из Ноева ковчега.

В течение этого периода мы с женой постоянно сидели одни, и она писала. Не будет неуважением к ней сказать, что писательство не является ее сильной стороной, но сообщения, которые она делала таким образом, были чрезвычайно объемными и выдержаны в особенно удачном стиле, хотя и на темы, намного выходящие за рамки обычных сочинений. Мы так и не получили ни единого сообщения, якобы исходящего от нашего ребенка, но сообщающий разум занимал позицию его духа-хранителя.

Теперь, вероятно, сказав в этих признаниях достаточно, чтобы убедить каждого не-спиритуалиста в том, что я сумасшедший, потому что я верил свидетельствам своих чувств и даже отважился исследовать такие неортодоксальные и ненаучные явления, как месмеризм и спиритуализм, я продолжаю "чистосердечно признаваться" и выставляю себя неправым перед другой группой моих читателей. Я должен откровенно признаться, что переживания этого года (1866) не подтвердили моего внезапного убеждения в духовной роли этих явлений. Фактически, я вернулся к своей прежней позиции, принимая явления, но оставляя причину открытым вопросом. Предисловие к книге "От материи к духу" в точности выражало — следует ли мне сказать "выражает"? — мое душевное состояние. В этом предисловии есть один отрывок, который, как мне кажется, решает проблему — "Я совершенно убежден, что я видел и слышал, причем таким образом, который должен был бы сделать невозможным неверие, вещи, называемые духовными, которые разумное существо не может считать способными объяснить обманом, совпадением или ошибкой. Пока я чувствую под собой твердую почву. Но когда дело доходит до того, что является причиной этих явлений, я обнаруживаю, что не могу принять ни одного объяснения, которое еще не было предложено. Если бы мне пришлось выбирать из того, что я могу себе представить, я бы сказал, что существует некое действие — некая комбинация воли, интеллекта и физической силы, которой нет ни у одного из присутствующих человеческих существ. Но, считая весьма вероятным, что вселенная может содержать несколько сил, скажем, полмиллиона, о которых никто ничего не знает, я не могу не подозревать, что небольшая часть этих сил, скажем, пять тысяч, могут быть по отдельности компетентны в производстве всех явлений или вполне справляться с задачей каждого из них. *Физические объяснения, которые я видел, просты, но прискорбно недостаточны: духовная гипотеза достаточна, но тяжеломерно сложна.*" Это утверждение достаточно естественно с научной стороны вопроса. Возможно, теологический исследователь, принимая во внимание тот факт, что Священное Писание определенно признает духовное происхождение родственных явлений, предпочел бы изменить утверждение и сказать (то, что я лично чувствую), что психологическое объяснение чрезвычайно сложно, а пневматологическое — сравнительно легко.

Теперь ни для кого не секрет, что автором этого превосходного трактата является профессор Де Морган; и я могу только сказать, что если меня обвинят в неортодоксальности, будь то со спиритуалистической или антиспиритуалистической стороны дискуссии, я не стыжусь быть еретиком в такой компании. Позвольте мне изложить суть дела в настоящем времени, изъяснительном наклонении — таково состояние моего мнения о причине этих явлений. Признавая факты, я считаю духовную теорию "не доказанной", но все же гипотезой, заслуживающей нашего самого серьезного рассмотрения, не только как единственную, которая охватывает все факты, но и как ту, которая, как я полагаю, неизменно дается в объяснении разумом, создающим феномены, даже когда, как в нашем случае, все присутствующие скептически относятся к такой теории или выступают против нее.

3. Возможно, может показаться нелогичным, если после заявления о том, что я считаю духовное происхождение этих явлений недоказанным, я продолжу говорить об идентификации общающегося духа; но я надеюсь, что ясно дал понять, что, даже если я не считаю продемонстрированным спиритуалистическое объяснение, это все равно гипотеза, в пользу которой многое говорит.

Я уже упоминал о предмете идентификации в случае первого сообщения, предположительно исходившего от нашего маленького ребенка, и о том, что в течение нескольких последующих лет таких сообщений не поступало. В декабре 1866 года я отправился к Маршаллам, войдя как совершенно незнакомый человек и сев за стол. Я видел несколько сильных физических проявлений — большой стол на несколько секунд зависал в пространстве при ярком освещении. Это означало, что присутствовал дух, который хотел пообщаться, и сообщение, переданное мне рэпсом, было таким: "Постарайся ли ты думать о нас больше, чем ты делал?" Я спросила имя, и имя моего ребенка было названо правильно, хотя я не был объявлен, и у меня нет оснований полагать, что мое имя было известно. Место, где он ушел с земли, также было указано правильно. Затем я попросил позвать моего отца, и его имя было названо правильно, а также добавлено сообщение, которое, я не могу сказать, в равной степени наводило на мысль об индивидуальности. Это было: "Яркое вдохновение озарит вашу душу, и не прячьте свой свет под спудом".

Другой случай, в котором я решительно проверял индивидуальность, но безуспешно, также был представлен мне несколько ранее в этом году. За мной послала дама, которая была членом моей паствы и проявляла большой интерес к этим вопросам. Она внезапно была поражена смертельной болезнью, и я оставался с ней почти до конца — более того, я полагаю, что ее последние слова были обращены ко мне и относились именно к этому предмету идентификации — она консультировалась со мной относительно великой проблемы, которую она тогда была на грани решения! Как только она ушла от нас, я пошел домой и попытался с ней связаться. Мне сообщили, что ее дух присутствовал, и все же каждая деталь, касающаяся имен и т. Д., Была совершенно неверной.

Весной следующего года я снова отправился к Маршаллам в компании еще одного или двух человек, моей собственной целью было выяснить, смогу ли я получить общение с духом высокоодаренной леди, которая недавно скончалась — а также, смею упомянуть, была медиумом моего предыдущего небольшого знакомства с мистером Коулманом. Она очень интересовалась этими вопросами, и, когда жила в этом мире, ее сильной стороной было писательство. Она опубликовала томик стихов, получивший особую оценку покойного Чарльза

Диккенса, и ее письма были самыми характерными. Я упомянул, что хотел бы пообщаться с духом, о котором думал, и сказал, что был бы вполне удовлетворен, если бы инициалы были указаны правильно. Нет — все три имени были немедленно указаны полностью. Я не считаю себя вправе упоминать имена; но фамилия была из тех, которые девять из десяти человек всегда пишут неправильно (точно так же, как они пишут мое имя), но в этом случае она была написана правильно. Я попросил прислать мне характерное сообщение и получил слова: "Я спасен и теперь буду спасать других", — настолько непохожие на обычный стиль моего друга, насколько это возможно. Можно сказать, что ее природа претерпела революцию, но дело было не в этом. Испытание состояло в том, что должно было быть дано нечто, идентифицирующее дух по стилю его *прежнего* письма, когда он был воплощен на земле.

Приведя еще один случай, касающийся темы идентичности, и доведя этот вопрос до настоящего времени, я чувствую, что могу с пользой завершить эту часть моего опыта — хотя, делая это, я испытываю глубокое недовольство собой, обнаруживая, как много я оставил недосказанным. Так трудно изложить все это на бумаге или каким—либо образом передать их другому; - труднее всего для человека, не наделенного досугом и сочетающего в себе занятия тремя трудоемкими профессиями.

В прошлом году, когда я сидел у миссис Б., меня коснулась рука, которая, как мне показалось, принадлежала маленькой девочке, и которая привлекла мое внимание тем, как она задержалась в моей — это позабавило бы профессора Пеппера — и настойчивостью, с которой она сняла мое кольцо. Однако я так и не предпринял никаких шагов для установления личности владельца этой руки.

Несколько месяцев назад мы с женой сидели, и пришло сообщение якобы от нашего ребенка. Это было довольно неожиданно; и я сказал: "Я думал, вы не умеете общаться". "Раньше я не мог", - последовал ответ. "Но вы не обращались ко мне в течение двух лет". Как мы выяснили, это было правдой; но на самом деле нам пришлось изучить даты, чтобы убедиться в этом. Он добавил, что всегда присутствовал на сеансах, куда я ходил, и особенно на сеансах миссис Б. Осмелюсь предположить, это прозвучит странно для не-спиритуалистов, но посвященные могут понять тон разговора, который мы принимаем. Я сказал: "Но, Джонни, это не твоя рука касалась меня в "Миссис Б.". Она была слишком большой". Ответ был: "Нет! настала очередь Чарли". - Что *ты* имеешь в виду, говоря "очередь Чарли"? - спросил я. Слово было переписано с почти раздражающей поспешностью и поразительной простотой: "*Близнец* Чарли". Чарли - мой старший мальчик, и его брат-близнец родился мертвым. Ему должно было быть от тринадцати до четырнадцати лет, и это была именно та рука, размер которой я ощущал. Это было любопытно, поскольку это событие произошло год назад, и такое объяснение даже не приходило мне в голову. Мне пообещали, что, если я снова пойду к миссис Б., каждый из детей подойдет и вложит свою руку в мою. Незадолго до Рождества я пошел на обычный сеанс, и тогда мне сказали, что тест, который я хотел, — который я тогда не уточнял, — должен быть проведен мне на частном сеансе. У нас был приватный сеанс, но ничего не произошло.

Таков мой случай. Одной части моих читателей я покажусь легковерным, другой - твердолобым. Я полагаю, что представляю компанию candid inquirer. Что касается того, что меня отпугивают от расследования те, кто называет это неортодоксальным или кричат "огонь и сера", я бы так же мало думал о том, чтобы прислушаться к ним, как и всезнающие аптекари, которые улыбаются моей вере в месмеризм. Если мнение человека чего—то стоит — если он пробил себе дорогу к

этому мнению на острие штыка, - его не отпугнет от них ни вся коллегия епископов с одной стороны, ни Коллегия хирургов с другой. Не то чтобы я хоть на мгновение признавал себя виновным в неортодоксальности, будь то научной или теологической. Как я уже несколько раз говорил, я не философ, но я считаю научным считать установленным то, что вы можете доказать экспериментально. Я не думаю, что мое вероучение содержит хоть йоту или заголовок сверх этого. А что касается теологической ортодоксальности, я просто придерживаюсь канонов Англиканской церкви. Если все эти духовные дела - заблуждение, то почему в статье 72 Церковных конституций и канонов говорится: "Ни один служитель, не имеющий лицензии, не должен пытаться под каким бы то ни было предлогом одержимости постом или молитвой изгнать какого-либо дьявола или бесенят"?

Вопрос, однако, не в такой ортодоксальности. Это скорее относится к символу веры спиритуализма. Вопрос, на самом деле, на который я и многие, кто думает вместе со мной, задерживаемся в ожидании ответа, таков: — Допуская, как мы это делаем, некоторые явления — но считая пневматологическое объяснение только гипотетическим — и, следовательно, невозможным какое-либо отождествление общающегося разума - являемся ли мы (ибо я искренне устал от этого первого лица единственного числа и рад найти убежище в сообществе), мы спиритуалисты или нет?

До сих пор я мог посвящать себя в своем обращении к спиритуалистам Харли-стрит. Признаюсь, я был очень рад, когда в 1869 году Диалектическое общество занялось этим вопросом, потому что я чувствовал, что они как раз те люди, которые могут взглянуть на это беспристрастно. Они не были связаны никаким набором мнений, но рассматривали все как открытый вопрос, не принимая ничего, кроме заключения логического аргумента. Я присоединился к Обществу, несколько напрягая для этого свою клерикальную совесть, и в конце концов сформировал один из комитетов, назначенных Обществом для расследования этого вопроса, а также подкомитет, заседающий в моем собственном доме. Однако это внезапно прекратилось, поскольку я обнаружил, что даже философы не были спокойны при рассмотрении неприятных фактов. Один джентльмен, который подошел к этой теме с полностью готовым умом, обвинил леди-медиума в розыгрышах, а меня в том, что я разыгрываю из себя шоумена по этому случаю. Поскольку не существовало способа избавиться от этого человека, я был вынужден распустить свой подкомитет. Упомянуть о спиритизме в присутствии этих всезнающих джентльменов - все равно что трясти красной тряпкой перед быком. В качестве примера (хотя, конечно, я не приписываю этим джентльменам предположение о всеведении), я могу процитировать ответы профессора Хаксли и мистера Г. Х. Льюиса на приглашение Общества войти в состав их комитета:—

"Сэр, я сожалею, что не могу принять приглашение Совета Диалектического общества сотрудничать с комитетом по расследованию "спиритуализма"; и по двум причинам. Во-первых, у меня нет времени на такое расследование, которое повлекло бы за собой много хлопот и (если только оно не отличалось от всех расследований подобного рода, которые я знал) большое раздражение. Во-вторых, меня не интересует этот предмет. Единственный случай "спиритуализма", который я имел возможность изучить лично, был самым грубым обманом, который когда-либо попадал в поле моего зрения. Но если предположить, что эти явления подлинны, то они меня не интересуют. Если бы кто-нибудь наделил меня способностью слушать болтовню пожилых женщин и викариев в ближайшем кафедральном городке, я бы отказался от этой привилегии, поскольку у меня есть дела поважнее.

"И если люди в духовном мире не говорят более мудро и рассудительно, чем о них сообщают их друзья, я отношу их к той же категории.

"Единственное хорошее, что я вижу в демонстрации истинности "спиритуализма", - это предоставить дополнительный аргумент против самоубийства. Лучше жить подметальщиком перекрестков, чем умереть и быть вынужденным нести чушь "медиумом", нанятым за гиней на спиритический сеанс.

"Я, сэр, и т. Д.",
Т. Х. Хаксли.

"29 января 1869 года".

По общему признанию, профессор Хаксли провел только один эксперимент. Я не могу отделаться от мысли, что, если бы он не подошел к этому вопросу с определенной долей предвзятости, он был бы доволен "Попыткой еще раз". Дополнительный удар по кураторам, конечно, я ценю!

"Дорогой сэр, я не смогу присутствовать при исследовании "спиритуализма"; и в связи с вашим вопросом о внушениях скажу только, что необходим единственный намек на то, что все присутствующие должны различать факты и выводы из фактов. Когда какой-либо человек говорит, что явления вызываются *неизвестными* физическими законами, он заявляет, что ему известны законы, по которым они возникают.

"С уважением и проч.,
"Г. Х. Льюис.

"Вторник, 2 февраля 1869 года".

Как я уже сказал, я не являюсь человеком науки и не претендую ни на малейшую гениальность; поэтому я не сомневаюсь, что с моей стороны это какой-то умственный дефект, который мешает мне увидеть силу заключительной фразы мистера Г. Х. Льюиса. Я работал над этим в течение многих лет и вынужден сказать, что не могу этого понять.

Однако я выдержал двухлетний экзамен, который Общество проводило по этому предмету; и не предвосхищая завершение этой главы, скажу, что я был полностью согласен с отчетом, который они впоследствии опубликовали, суть которого продолжается в последнем абзаце:

Представляя свой отчет, ваш комитет принимает во внимание высокий характер и большую осведомленность многих свидетелей о наиболее экстраординарных фактах, степень, в которой их показания подтверждаются отчетами подкомитетов, и отсутствие каких-либо доказательств обмана или заблуждения в отношении значительной части феноменов; и далее, принимая во внимание исключительный характер феноменов, большое количество людей во всех слоях общества и во всем цивилизованном мире, которые в большей или меньшей степени находятся под влиянием веры в их сверхъестественное происхождение, и тот факт, что никакое философское объяснение феноменов не может быть получено. поскольку ни к одному из них еще не пришли, считаем своим долгом заявить о своей убежденности в том, что данный предмет заслуживает более серьезного внимания и тщательного исследования, чем ему уделялось до сих пор".

Я осмеливаюсь думать, что любой, кто хотя бы прочтет свод доказательств, содержащихся в отчете Диалектического общества, сможет согласиться с этими тщательно оберегаемыми словами.

Возвращаюсь к моему более личному повествованию.

Насколько я могу проследить какой-либо порядок в этой несколько беспорядочной теме, думаю, я могу рискнуть сказать, что проявления последних нескольких лет приняли более *материальную* форму, чем раньше. Я знаю, это звучит немного по-хиберниански, но я все еще сохраняю это выражение. Предположим на мгновение, что эффекты были произведены духами, контроль медиума над созданием транса, голоса духа, автоматического письма или даже общения посредством постукиваний и наклонов стола был гораздо более интеллектуальным- менее физическим, чем те, о которых я сейчас должен говорить, а именно, создание материализованных Духовных Лиц и Духовных Форм.

Две фазы проявления, о которых я могу упомянуть мимоходом, я не видел, а именно удлинение тела и испытание огнем — обе, насколько я знаю, характерны для мистера Хоума; и опять же, у меня не было личного опыта прохождения миссис Гаппи по воздуху или ночного перелета доктора Монка из Бристоля в Суиндон. Ничего подобного вообще никогда не попадало в сферу моих наблюдений, поэтому я воздерживаюсь говорить об этом.

Я никогда не забуду восторга, с которым я получил письмо от джентльмена, связанного с литературой по спиритуализму, сообщаящего мне, что материализованные Лица Духов наконец были созданы при полном свете, и приглашающего меня приехать и посмотреть. Я устал от темных сеансов, от фруктов и цветов, которые приносили на заказ. Разговоры Джона Кинга утомили меня; а шепот Кэти стал смертельно знакомым: поэтому я с нетерпением принялся за новые ощущения и сообщил миру о своих результатах в двух статьях, названных "*Лица духов*" и "*Формы духов*", первая опубликована в *неортодоксальном Лондоне*, вторая - в главе 43 настоящего тома. С тех пор этот тип проявления стал очень распространенным. Не могу сказать, что когда-либо считал его очень удовлетворительным. Я никогда не обнаруживал никакого обмана — и уверяю своих читателей, что держал глаза и уши очень широко открытыми, — но в таких проявлениях шарлатанства есть возможности, на которые неприятно смотреть. Позвольте мне постоянно повторять, что это чисто личное повествование, и я никогда не видел никакого Духовного Лица или Формы, которые я мог бы хоть отдаленно узнать. Я знаю, что другие утверждают, что делали это; но я говорю строго о том, что приходило в голову мне самому. То же самое было и с фотографиями Духов. Я сидел, выбрав себе тарелку и наблюдая за каждым этапом процесса; и, конечно, над моей фигурой была темная женская фигура, очевидно, совершающая акт благословения;^[2] но я не могу проследить сходства ни с кем, кого я когда-либо видел во плоти. Возможно, мне не повезло в этом отношении.

Медиумизм мисс Кук был очень похож на медиумизм мисс Шауэрс; молодой леди, которую я часто встречал в доме одной леди в Вест-энде Лондона, причем и медиум, и ее хозяйка были совершенно вне подозрений. В данном случае, помимо лица и полной формы, мы имеем поющий чистым баритоном голос, предположительно, духа по имени Питер, который выдает себя за, как я полагаю, в земной жизни, не очень достойный образец рыночного садовника. Я чрезвычайно озадачен тем, как объяснить эти вещи. Я не смею подозревать медиума; но даже допуская истинность проявлений, они кажутся мне людьми низкого пошиба, с которыми можно вступать в контакт только в знак протеста и ради доказательств.

Мистер Крукс обычно объяснял, и сержант Кокс до сих пор объясняет эти проявления как продукты так называемой Психической Силы — термин, который я определяю ниже. Хотя я так же мало склонен к поклонению героям и так же мало забочусь о громких именах, как и любой другой ныне живущий человек, все же совершенно невозможно не придавать значения свидетельству этих джентльменов; один из них столь виден в научном мире и удостоен чести называть себя Ф.Р.С., другой обучен взвешивать доказательства и выбирать между сбалансированными вероятностями. Но, по-видимому, хотя Психическая Сила и может служить основой для моих предыдущих опытов, она странным образом не учитывает материализации и вынуждает нас отнести их к категории мошенничества, если мы не примем их за то, за что они себя выдают. Я полагаю, что сержант Кокс делает это безжалостно. Как мы видели, он утверждает, что "поймал" мисс Шауэрс, и, я полагаю, мисс Кук его не убедила. Мистер Крукс был убежден: и, когда мы вспоминаем, что мистер Уоллес, выдающийся натуралист, и мистер Кромвелл Варли, электрик, оба принимают духовную теорию, действительно кажется, что научный ум был более открыт для восприятия — возможно, был вынужден принять — то, что я откровенно признаю единственной адекватной причиной следствий, в то время как юридический ум все еще остается ошеломленным противоречивыми доказательствами. Где находится богословский ум, я не совсем знаю — возможно, он все еще болтается между противоположными полюсами Веры и Разума и с сомнением спорит со мной: "Спиритуалист я или нет?"

В недавней брошюре, перепечатанной из Quarterly Journal of Science, мистер Крукс таким образом кратко резюмирует различные теории, которые были изобретены для объяснения спиритуалистических феноменов, и, делая это, попутно определяет свою ныне отвергнутую теорию психической Силы, покровителем которой является сержант Кокс:

Первая теория. Все феномены являются результатом трюков, хитроумных механических устройств или обмана; медиумы - самозванцы, а остальная компания - дураки.

Очевидно, что эта теория может объяснить лишь очень малую долю наблюдаемых фактов. Я готов признать, что некоторые так называемые медиумы, о которых публика много слышана, являются отъявленными самозванцами, которые воспользовались общественным спросом на спиритические развлечения, чтобы наполнить свои кошельки легко заработанными гинейями; в то время как другие, у которых нет денежных мотивов для самозванства, склонны к мошенничеству, по-видимому, исключительно из желания прославиться.

Вторая теория. Лица, присутствующие на спиритическом сеансе, являются жертвами своего рода мании или заблуждения и воображают, что происходят явления, которые не имеют реального объективного существования.

Третья теория.—Целое является результатом сознательной или бессознательной мозговой деятельности.

Очевидно, что эти две теории неспособны охватить более чем небольшую часть явлений, и даже для них они являются маловероятными объяснениями. От них можно очень кратко отказаться.

Теперь я перехожу к "духовным" теориям. Следует помнить, что большинство людей использует слово "духи" в очень расплывчатом смысле.

Четвертая теория.— Результат воздействия духа медиума, возможно, связанного с духами некоторых или всех присутствующих людей.

Пятая теория.— Действия злых духов или дьяволов, олицетворяющих того или что им заблагорассудится, с целью подорвать христианство и погубить души людей.

Шестая теория.— Действия существ отдельного порядка, живущих на этой земле, но невидимых и нематериальных для нас. Способные, однако, время от времени проявлять свое присутствие; известные почти во всех странах и эпохах как демоны, не обязательно плохие, гномы, феи, кобольды, эльфы, гоблины, Пак и т.д.

Седьмая теория.— Действия умерших людей — духовная теория *по преимуществу*.

Восьмая теория.—(*Теория психической силы*).— Это необходимое дополнение к 4-й, 5-й, 6-й и 7-й теориям, а не теория сама по себе.

Согласно этой теории, предполагается, что "медиум" или круг людей, связанных вместе как единое целое, обладает силой, могуществом, влиянием, добродетелью или даром, с помощью которых разумные существа могут производить наблюдаемые явления. Что представляют собой эти разумные существа, является предметом других теорий.

Очевидно, что "медиум" обладает *чем-то*, чем не обладает обычное существо. Дайте этому *чему-то* название. Называйте это "*икс*", если хотите. Мистер сержант Кокс называет это Психической Силой. По этому поводу было так много недоразумений, что я думаю, что лучше всего дать следующее объяснение собственными словами мистера сержанта Кокса:

"Теория *психической силы* сама по себе является просто признанием ныне почти бесспорного факта, что при определенных условиях, пока еще недостаточно установленных, и на ограниченном, но пока еще не определенном расстоянии от тел определенных людей, обладающих особой нервной организацией, действует Сила, с помощью которой без мышечного контакта или связи вызывается действие на расстоянии, а в твердых веществах производятся видимые движения и слышимые звуки. Поскольку наличие такой организации необходимо для данного явления, разумно заключить, что Сила каким-то пока неизвестным образом исходит из этой организации. Поскольку сам организм приводится в движение и направляется внутри своей структуры Силой, которая либо является, либо контролируется Душой, Духом или Разумом (называйте это как хотите), составляющим индивидуальное существо, которое мы называем "Человеком", столь же разумным выводом является то, что Сила, вызывающая движения за пределами тела, - это та же самая Сила, которая производит движение в пределах тела. И поскольку считается, что внешняя сила часто направляется Разумом, столь же разумным является вывод о том, что направляющий Разум внешней силы - это тот же Разум, который направляет Силу внутренне. Это та сила, которой я дал название *Психическая сила*, как правильно обозначающая силу, которая, как я таким образом утверждаю, восходит к Душе или Разуму Человека как к своему источнику. Но я и все, кто принимает эту теорию Психической Силы как агента, посредством которого производятся феномены, не намерены тем самым утверждать, что эта Психическая Сила не может иногда быть захвачена и направлена каким-либо иным Разумом, кроме Разума Экстрасенса. Самые ярые спиритуалисты практически признают существование Психической Силы под весьма неподходящим названием Магнетизма (к которому она не имеет никакого отношения), поскольку они утверждают, что Духи Умерших могут совершать приписываемые им действия

только с помощью Магнетизма (то есть Психической Силы) Медиума. Разница между сторонниками Психической Силы и спиритуалистами состоит в том, что мы утверждаем, что пока нет достаточных доказательств существования какого-либо другого направляющего агента, кроме Интеллекта Медиума, и вообще никаких доказательств действия Духов Умерших; в то время как спиритуалисты придерживаются веры, не требующей дополнительных доказательств, в то, что Духи Умерших являются единственными действующими лицами в производстве всех феноменов. Таким образом, спор сводится к чистому вопросу о *факте*, который должен быть разрешен только кропотливой и продолжительной серией экспериментов и обширным сбором психологических фактов, что должно быть первоочередной обязанностью Психологического общества, формирование которого сейчас продолжается".

Меня часто поражало, особенно в связи с определенными исследованиями, которые я проводил в течение последних нескольких лет, что спиритуализм проходит во многом те же фазы, что и позитивизм. Поначалу казалось невозможным, что Позитивная философия Огюста Конта могла вылиться в высокопарную Религию Человечества с ее ритуалом грехопадения, ее девятикратной системой сакраментов. Даже любопытно отметить, что именно смерть Клотильды привела к перемене, показав ему пропасть, которую философия всегда оставляет между настоящим и будущим. Точно так же спиритуализм начинает "организовываться" и проявляет некоторые симптомы формулирования Символа веры. Британская национальная ассоциация спиритуалистов, оказавшая мне честь, включив мое имя в свой Совет, таким образом излагает свои принципы под девизами:

"Кто отвечает на вопрос прежде, чем выслушает его, для того это глупость и позор" —Притчи xviii). 13.

"В Священном Писании нам постоянно напоминают, что Законы Духовного Мира — это в высшем смысле Законы Природы". - Аргайлл.

"Тот, кто утверждает, что за пределами области чистой математики что—либо невозможно, не имеет представления о первых принципах логики". - Араго.

декларация принципов и целей.

"Спиритуализм подразумевает признание внутренней природы человека. Она имеет дело с фактами, касающимися этой внутренней природы, существование которой было предметом спекуляций, споров и даже отрицания среди философов всех веков; и в частности, с определенными проявлениями этой внутренней природы, которые наблюдались у людей особой организации, ныне называемых Медиумами или Сенситивами, а в древние времена Пророками, Священниками и Провидцами.

"Спиритуализм утверждает, что установил на прочной научной основе бессмертие человека, постоянство его индивидуальности и открытое общение, при подходящих условиях, живых с так называемыми умершими, и дает основания для веры в прогрессивные духовные состояния в новых сферах существования.

"Спиритуализм дает ключ к лучшему пониманию всех религий, древних и современных. Она объясняет философию Вдохновения и заменяет популярное представление о чудесном раскрытием доселе непризнанных законов.

"Спиритуализм стремится устранить преувеличенные классовые различия; воссоединить тех, кого сейчас слишком часто разделяют кажущиеся противоречивыми материальные интересы; поощрять сотрудничество мужчин и женщин во многих новых сферах; и отстаивать свободу и права личности, сохраняя при этом первостепенное значение святости семейной жизни.

Наконец, общее влияние спиритуализма на человека заключается в том, чтобы внушить ему самоуважение, любовь к справедливости и истине, почтение к Божественному закону и чувство гармонии между человеком, вселенной и Богом.

"Британская национальная ассоциация спиритуалистов создана для объединения спиритуалистов самых разных взглядов ради их взаимной помощи и выгоды; содействия изучению пневматологии и психологии; оказания помощи студентам и любознательным в их исследованиях путем предоставления в их распоряжение средств систематического изучения признанных в настоящее время фактов и явлений, называемых Духовными или психическими; распространения информации о положительных результатах, полученных в результате тщательных научных исследований; и привлечения внимания к благотворному влиянию, которое эти результаты, по расчетам, окажут на социальные отношения и поведение личности. Предполагается, что в него войдут спиритуалисты всех классов, независимо от того, являются ли они членами местных и провинциальных обществ или нет, и все, кто исследует психологические и родственные феномены.

"Ассоциация, искренне сочувствуя учению Иисуса Христа, будет держаться полностью в стороне от любого догматизма или окончательности, будь то религиозной или философской, и будет довольствоваться установлением и разъяснением хорошо подтвержденных фактов как единственной основы, на которой может быть построена любая истинная религия или философия".

Этот последний пункт, я полагаю, был изменен, чтобы удовлетворить некоторых представителей моей профессии, которые были немного ошеломлены его очевидным *покровительственным* отношением к христианству. Что касается меня (но ведь я неортодоксальный) Меня мало волнуют эти письменные или печатные символы. Напрягши свою совесть, чтобы присоединиться к диалектикам, я без угрызений совести допускаю свое имя в Совет Ассоциации и буду искренне рад, если это принесет им какую-нибудь пользу. Дело в том, что меня мало интересуют формальные вероучения, но очень интересуют плоды этих вероучений. Я придерживаюсь этого старого доброго принципа — "По их плодам вы узнаете их"; и это напоминает мне, что к моим обрывкам "опыта" я должен добавить некоторые плюсы и минусы в этом вопросе. Они появились случайно, по мере того как мы продвигались дальше, но я мог бы с пользой собрать их, если бы мои возможности позволяли проповедовать.

Что касается плодов спиритуализма, я могу только сказать, что я никогда не был свидетелем ни одного из этих антихристианизирующих эффектов, которые, как говорят некоторые люди, возникают из-за веры в спиритуализм. Они просто не попадали в сферу моего наблюдения, и я не вижу никакой тенденции к ним в догматах спиритуализма — скорее наоборот.

С другой стороны, чтобы перейти от практики к вере, спиритуализм провозглашает нечто обратное исключительному. Выступая на Конференции 1874 года и защищая свою позицию клерикального исследователя, я смог сказать: "По широкому вопросу теологии я не могу представить ни одного предмета, который священнослужитель был бы более обязан

исследовать, чем тот, который претендует на роль нового откровения или, во всяком случае, значительного расширения старого; и который, если его утверждения будут обоснованы, полностью изменит наши представления о том, что мы сейчас называем верой. Фактически, в вопросах, которые мы привыкли принимать на веру, предлагается нечто настолько похожее на демонстрацию, что я чувствую себя не только свободным, но и фактически обязанным, нравится мне это или нет, разобраться в этом.

Не мне вам говорить, правильно ли ваше вероучение или нет; но для меня важнее всего убедиться в этом самом. И хотя я признаю, что мой собственный долг состоит в том, чтобы исследовать принципы, которые вы исповедуете, я нахожу это в высшей степени их характерной чертой, *что они легко ассимилируются с принципами моей собственной Церкви*. Я не вижу в них ничего революционного. У вас нет пропаганды. Насколько я понимаю, вы не призываете меня выйти из тела, которому я принадлежу, и присоединиться к вашему, как это делают многие другие тела; но вы просите меня просто включить ваши доктрины в мое собственное вероучение и оживить его их средствами. Это всегда сильно привлекало меня к вам. Вы самые широкие церковники, которых я где-либо встречаю".

Я пишу это ни в коем случае не как апологет спиритуализма. Я не предлагаю ничего похожего на Извинения за себя в ходе расследования, которое я проводил, продолжаю проводить и надеюсь провести. Я решил занять и предпочитаю сохранять нейтральную позицию в этом вопросе. Все, что я сделал, - это выбрал из тех "За" и "Против", которые пришли мне на ум. Если кажется, что плюсы перевешивают минусы — или наоборот — пусть будет так. Я ничего не могу с этим поделать. Я еще не принял решения для себя, а я опытный следователь. Другие могут быстрее прийти к выводу.

Среди наиболее очевидных "минусов" - часто цитируемые факты о том, что некоторые люди потеряли голову и потратили уйму своего времени на спиритизм. Но люди теряют голову, читая классику или математику, или переусердствуя в любом предмете, каким бы превосходным он ни был, — даже влюбляясь: а изобретательность, проявляемая в трате времени, настолько разнообразна, что это возражение, которое вряд ли можно выдвинуть специально против спиритизма, хотя я признаю, что Темные сеансы действительно ужасно сокращают время.

С другой стороны, человек склонен попадаться на удочку медиумов или даже духов. Да; но это лишь налагает обычную обязанность держать глаза открытыми. Я знаю спиритуалистов, которые верят в каждого медиума как в медиума, и других, которые принимают как неписаное евангелие идиотские высказывания ушедшего пирата или несуществующего клоуна: но эти люди настолько исключительны, что просто подтверждают правило. *Не* принимайте как окончательное в так называемом духовном то, чего вы не приняли бы в заведомо мирских вопросах. Держите глаза открытыми, а голову холодной, и вы не ошибетесь. Это простые правила, которые я выработал в ходе моего длительного изучения этого предмета.

"Мы не верим, мы знаем", - таково было, как я уже сказал, гордое хвастовство, с которым однажды обратился ко мне спиритуалист. И если факты — любые из фактов — спиритуализма останутся *как* факты, то нет никаких сомнений в том, что это послужило бы сильнейшим из возможных противовесов материализму нашего времени. Она ставит материалистический метод себе на службу и встречается с сомневающимся на его собственной почве для

демонстрации — возможно, низкой, но чрезвычайно решающей, возможно, той самой, на которой предстоит Битва Веры и Разума.

Если — давайте не будем забывать это многозначительное односложное — если предположения спиритуализма верны, а в этом мы можем убедиться только путем личного расследования, я полагаю, что данное обстоятельство было бы эффективным для возвращения большей части старого значения слова *πίστις*, которое было чем-то большим, чем небрежная Вера, являющаяся его современным эквивалентом. Это сделало бы это действительно сутью того, на что надеялись, доказательством того, чего не видели.

Даже если бы опасности спиритуализма были намного больше, чем они есть на самом деле — да, настолько велики, насколько это воображают сами дьяволы, — я все равно подумал бы (по осторожным словам диалектиков), что спиритуализмом стоило заняться, хотя бы ради ничтожного шанса, каким бы отдаленным он ни был, пролить свет на какую—нибудь подобную философию, подобную той, что так прекрасно обрисована мистером С. К. Холлом в нескольких заключительных строфах его стихотворения "Философия", которым я могу с полным основанием заключить:

И те, кого мы называем "мертвыми" (которые не мертвы —
Смерть была их вестником Небесной Жизни) —
Могут успокоить ноющее сердце и измученную голову
От боли, тяжелого труда, печали и раздоров.

Это часть любого естественного вероучения —
Инстинктивного учения о другом состоянии:
Когда оковы земли ослаблены и освобождены —
Которое Наука тщетно пытается рассеять.

На извилистых путях, со слепыми подсказчиками, мы доверяем
Одному Проводнику — он поведет нас вперед и освободит!
Дай нам, Господь Бог! всемилостивый и справедливый!
Веру, которая есть не что иное, как Упование на Тебя!

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[2], на упомянутый выше, стр. 350.

Примечания переписчика:

Страница 36: одинарная заключительная кавычка после слов "Он примет тебя"*так в оригинале*

Страница 79: "следующий, мой мальчик" *так*

Страница 110: Wormwood Scrubbs *так в оригинале*; платформа изменена на platforms

Страница 185: анатомированное изменено на анатомированное; удалена ссылка на "несколько друзей"

Страница 186: хронический кашель *так*

Страница 234: многообещающее изменено на бесперспективное

Страница 244: "различная поросшая кустарником почва" изменена на "очень поросшая кустарником почва"

Страница 338: ошеломленный *так*

Страница 341: facile princeps исправлено на facile princeps

Страница 360: незначительная поправка

Страница 365: после слова "особая форма" добавлена закрывающая скобка

Страница 370: следователь изменен на исследователя

Страница 388: после слов "предположение о всеведении" добавлена закрывающая скобка

В последнем эссе, хотя и есть параграфы под номерами 1 и 3, в оригинале нет параграфа под номером 2.

Расстановка переносов, как правило, стандартизирована. Однако, когда варианты слова с дефисом и без дефиса встречаются равное количество раз, обе версии были сохранены (пивная / beer-shop; в настоящее время / now-a-days; реакция / повторное действие; повторное предположение / re-assumption).